

№ 1

2011

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **А. М. ШМИДТ** (г. Алматы).

В номере:

Горизонты духовности

Н. Гапонова. На «Ниве» родной культуры 3

Проза

О. Велесова. Воробьиная ночь. *Семейная история* 8

М. Валеев. Михалыч и Митяй. *Рассказ* 41

Ф. Шарип. Подарки Деда Мороза. *Рассказ* 61

Поэзия

Л. Усова. «Взмахнула бабочка крылами...». *Стихи* 32

В. Гундарев. «Тронуть трепетные струны
человеческой души...». *Стихи* 52

Ю. Гундарев. «Ты — счастлив. Ты — вечен.
Ты — светел, как снег...». *Стихи* 63

© «Нива», 2011, Астана

Поэтическая мозаика. Стихи В. Тарасова, М. Исакова,
В. Сизева, А. Минора, А. Битебаева **112**

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга третья **69**

Наш общий дом

Н. Геллерт. Уметь слушать сердцем **120**
Р. Тулебаев. Мои «путешествия» в детстве и юности **124**

Культура. Общество. Личность

Н. Шафер. Исаак Дунаевский и Владимир Высоцкий.
К истории создания звучащего альбома «25 июля» **136**
Д. Джумагельдинова. Цыганская серенада **146**

Искусство

Н. Курпякова. «Женский взгляд» Сваюнаса Армонаса **153**

Приключения. Детектив. Фантастика

Н. Шмигалёв. Не от мира сего. *Повесть-пародия.*
Часть третья. По ту сторону тьмы **155**

Изоальбом «Нивы»: из работ Сваюнаса Армонаса.

На “Ниве” родной культуры

Юбилей республиканского литературно-художественного и общественно-политического журнала “Нива” 12 ноября 2010 года торжественно отметили в Российском центре науки и культуры в Астане по инициативе и при поддержке посольства РФ в Казахстане. В адрес редакции поступили поздравления от председателя Сената Парламента Касым-Жомарта Токаева, Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Казахстане Михаила Бочарникова, акима Акмолинской области Сергея Дьяченко, секретаря Акмолинского областного маслихата Умирсерика Мусабаева, директора Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова Александра Сидоровича, начальника Акмолинского областного управления архивов и документации Геннадия Матросова и директора Акмолинского областного государственного архива Александра Положенцева, а в ходе праздничного вечера к микрофону выходили депутаты, военнослужащие, врачи, учителя, журналисты.

“Именины” издания проводил его организатор и бессменный главный редактор Владимир Гундарев (на снимке). Гостями были читатели “Нивы”, её друзья, авторы, бывшие и настоящие сотрудники — все те, кого Владимир Романович объединяет в партию любителей поэтического слова и ценителей литературы. Таковых оказалось немало.

За 20 лет журнал претерпел немало изменений. Он явно возмужал и похорошел: скромные 48 страничек чёрно-белого первого номера, напечатанного на газетной бумаге, давно сменили почти 200 страниц в солидном современном исполнении с обязательным цветным “ИЗОальбомом”.

В 1990 году Владимир Гундарев задумал дело важное, но по тем временам совершенно нелогичное и хлопотное. Его личная преданность литературе, упорство и даже упрямство, а также помощь единомышленников с годами сделали “Ниву” знаковым явлением современной казахстанской литературы. В истории журнала бывали разные времена: параллельно издавалась газета “Столичный проспект”, действовала собственная торговая точка, где

рядом с пищей духовной соседствовали сигареты, шоколадки и... брикетированные дрожжи. “Нива” выстояла и в дефолтный 1998-й, и в кризисный 2008-й.

С особой теплотой вспоминает Владимир Романович годы, проведенные “под крылом” “Казахстанской правды”, с гордостью гово-

рит о международных наградах, полученных в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, и об общенациональной премии “Алтын Жулдыз-2007”.

Можно сказать, что как на дрожжах рос и растёт творческий потенциал журнала. За два десятилетия издано 180 номеров, ежегодно в “Ниве” печатается порядка 180-200 авторов. Нехитрые арифметические действия дают впечатляющий результат! И не сосчитать, сколько поэтов и прозаиков опубликовали в “Ниве” свои первые произведения. Причём получили они не только путёвку в жизнь, но и ценные уроки мастерства от Владимира Гундарева, который готов бесконечно править, шлифовать, дорабатывать готовящиеся к публикации материалы. И другого такого внимательного, вьедливого, горой стоящего за каноны русской словесности редактора придётся хорошо поискать!

Надо отметить, что сам Владимир Гундарев — личность колоритнейшая и авторитетная. Все выступающие старались, и их поздравления были не похожи друг на друга по стилям и жанрам. Прекрасные стихи посвятила другу народный писатель Казахстана блистательная Фариза Унгарсынова — “Поэты душой не умеют стареть!”, из Павлодара приехал старейший член редколлегии “Нивы” Юрий Поминов. К месту пришла ирония эпиграмм председателя правления АО “РГ “Казахстанская правда” Александра Таракова о “крутом классике” с берегов Ишима.

Задушевными были выступления Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Казахстане Михаила Бочарникова и его супруги Ольги Николаевны; депутата Мажилиса Парламента РК, постоянного автора “Нивы” академика Виктора Киянского; члена редсовета журнала из Кокшетау Тургуна Сыздыкова, директора Акмолинского областного государственного архива Александра Положенцева; давних авторов “Нивы” доктора филологических наук Галины Власовой, кандидата филологических наук Тамары Котлярской, Владимира

Сона, Галины Вишняковой, полковника Сапаргали Жагипарова, Татьяны Никитиной; советника премьер-министра Дмитрия Глухих, начинавшего свой творческий путь в “Ниве”; начальника Центрального клинического госпиталя для инвалидов Великой Отечественной войны, заслуженного врача России, кандидата медицинских наук Адильхана Абдулина; члена редсовета “Нивы”, директора типографии “Жаркын Ко”, где печатается журнал, Ирины Тетериной.

А завершили юбилейный вечер стихотворения из недавно вышедшего второго тома избранного “Душа стремится к небесам...”, изданного по программе выпуска социально важной литературы Министерства связи и информации РК и приуроченного к 50-летию творческой деятельности Владимира Гундарева. Их читали студенты Казахстанского филиала МГУ и сам автор.

“Я ещё многого не сделал”, — хитро улыбаясь в бороду, говорил “двойной юбиляр”, на календаре которого уже январь 2011 года: новый номер “Нивы” уже готов к печати!

**Наталья ГАПОНОВА,
фото Игоря БУРГАНДИНОВА.**

Поздравления с юбилеем:

Уважаемый Владимир Романович!

Поздравляю Вас и коллектив журнала “Нива” по случаю 20-летия со дня выхода в свет первого номера издания.

“Нива” по праву принадлежит к числу известных и популярных казахстанских периодических изданий. Успех журнала — это, прежде всего, результат творческих усилий журналистов и писателей, продолжающих лучшие просветительские и гуманистические традиции эпистолярного искусства.

На страницах “Нивы” начинали свой творческий путь известные сегодня в нашей стране и за её пределами поэты, писатели и публицисты.

Ваше издание достойно выполняет высокую миссию привлечения широкого внимания к духовному и культурному наследию многонационального народа Казахстана.

Желаю всем сотрудникам журнала “Нива” успешной реализации новых творческих замыслов и проектов, а также новых достижений в просветительской деятельности!

*С уважением,
Касым-Жомарт ТОКАЕВ*

г. Астана,
12 ноября 2010 года

Уважаемый Владимир Романович!

Сердечно поздравляю Вас, а в Вашем лице всех авторов и многочисленных читателей журнала “Нива” с замечательным событием — 20-летием со дня его первого выхода в свет.

Журнал “Нива” за годы своего существования обрёл статус наиболее авторитетного республиканского издания литературно-художественной направленности. Благодаря “Ниве” мы сегодня имеем наглядное представление о современном литературном процессе в Казахстане, знаем выдающихся отечественных деятелей литературы и культуры. На страницах журнала постоянно поднимаются актуальные проблемы, показываются достижения в сфере культуры и искусства, что составляет духовное, нравственное и интеллектуальное богатство нашего государства.

Высока роль журнала “Нива” в укреплении дружбы и сотрудничества между народами и государствами, творческих связей с Россией, чему способствуют публикации на страницах издания произведений современных российских поэтов и прозаиков. Не остаются незамеченными прекрасные переводы с казахского, немецкого, корейского, польского, ингушского, чеченского, украинского и других языков, многие публикации вызывают большой читательский интерес и получают резонанс за рубежом.

“Нива” — как литературно-художественный и общественно-политический журнал новой столицы, играет позитивную роль в превращении Астаны в подлинный центр духовности и культуры на евразийском пространстве.

Невозможно не отметить ту особую роль, которая отведена Вам, уважаемый Владимир Романович, как создателю и бессменному главному редактору журнала “Нива”, прекрасному и талантливому поэту, близкому и родному всем казахстанцам и, конечно же, акмолинцам, хорошо знающим и любящим творчество своего земляка. Для нас, акмолинцев, дорого и то, что Вы являетесь первоцелинником, и немало Ваших поэтических строк посвящено целинной эпопее.

Поздравляя Вас с 20-летием журнала “Нива”, желаю Вам и Вашим сотрудникам крепкого здоровья, счастья и новых творческих свершений на благо суверенного Казахстана!

Аким Акмолинской области
Сергей ДЬЯЧЕНКО

Уважаемый Владимир Романович!

С чувством искренней признательности рады поздравить Вас с 20-летием журнала “Нива” и выходом Вашей новой поэтической книги.

Счастливы осознавать, каким вниманием и заботой Вы, видный деятель культуры суверенного Казахстана, известный поэт, публицист, автор любимых народом поэтических сборников, главный редактор литературно-художественного журнала “Нива”, относитесь к акмолинцам, к нашей богатой талантами благословенной земле.

Поражает широчайший и многогранный диапазон Ваших созидательных устремлений, Ваше удивительное умение неустанно познавать мир и культуру.

Глубоко ценя Ваше творчество, восхищаемся энергией Вашего поэтического духа, с годами обретающего прозрачную ясность и светлую умудрённость, которые даёт преклонение перед бессмертием добра и любви на земле.

Надеемся, что ещё долгие годы вы будете продолжать радовать нас своей талантливой самоотдачей, своим истинно подвижническим литературным трудом, одухотворённым служением людям.

Секретарь Акмолинского
областного маслихата
У. МУСАБАЕВ

Глубокоуважаемый Владимир Романович!

Дирекция, профессорско-преподавательский и студенческий коллектив Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова сердечно поздравляет Вас с замечательной юбилейной датой — 20-летием со дня основания республиканского общественно-политического и художественно-литературного журнала “Нива”, главным редактором которого Вы являетесь все эти годы!!!

Журнал был создан Вами на рубеже последнего десятилетия XX века, в сложную переломную эпоху, когда открытие любого периодического издания было гражданским Поступком. Вы разрабатывали концепцию журнала, приглашали к сотрудничеству талантливых казахстанских и российских поэтов и прозаиков, давая им путёвку в большой мир художественной литературы.

Тот факт, что именно Вам было суждено стать создателем периодического журнала нового формата в Республике Казахстан, свидетельствует о Вашей безграничной творческой энергии.

Вся Ваша жизнь является ярким примером преданности казахстанской земле, где вы “крылья обрели и силы, птицей плыли над степью в вышине”, высокого служения художественной литературе и публицистике. Верность литературному творчеству обусловлена тем огромным вкладом в развитие духовной культуры Казахстана, который принадлежит Вам. Ваши сборники стихов “Деревенька моя деревянная”, “Исповедь сердца”, “Волшебная флейта”, “Свет родины, свет любви”, “Продолжение жизни” и многие другие понятны и дороги каждому казахстанцу. А полюбившиеся песни “Деревенька моя”, “Цвети, моя Астана” распевают за русским и казахским дастарханом. Не менее популярны и художественно-документальные книги “Какого цвета поле”, “Через все испытания”, “Главный агроном целины”, “Жизнь на светлой земле”, “С заботой о земле”, “Трудовая поступь юных”, “Семь дней и вся жизнь”, “Здесь прописаны наши сердца”, “В сердце и памяти поколений”, “Степная страна Урания”.

Активность Вашей творческой позиции проявляется и в том, что, оставаясь главным редактором, Вы продолжаете быть поэтом, о чём свидетельствует выход Вашей очередной книги “Душа стремится к небесам”.

Позвольте пожелать Вам, талантливому организатору-публицисту, поэту и прозаику, прекрасному человеку, крепкого здоровья и плодотворной деятельности на ниве казахстанской “Нивы”!

*Директор Казахстанского филиала
МГУ имени М. В. Ломоносова
А. В. СИДОРОВИЧ*

*Творческому коллективу
Казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала “Нива”*

Архивисты Акмолинской области сердечно поздравляют творческий коллектив журнала с 20-летием со дня основания.

Двадцатилетие — это пора расцвета творчества и молодости, — порог наступающей зрелости и мужания, использования богатого накопленного опыта.

Редакционная коллегия журнала многое делает для пропаганды и развития творчества молодых писателей и поэтов Независимого Казахстана.

За эти годы с помощью вашего коллектива в Республике воспитаны многие сотни писателей и поэтов. Журнал всегда выступал в роли доброго, заботливого наставника для творческих сил страны. С его помощью они получали признание и известность. Дух наставничества остаётся главным направлением в деятельности редакционной коллегии.

География представленных в журнале материалов очень широка, здесь печатаются научно-исследовательские статьи, повести, романы, стихи, воспоминания не только известных людей Казахстана, но и представителей творческой интеллигенции стран содружества, дальнего зарубежья. Работы художников и фотомастеров придают особый колорит журналу. За 20 лет журнал снискал заслуженный авторитет среди читателей своими актуальными публикациями.

Желаем Вам, уважаемые коллеги, долгой плодотворной жизни, новых добрых дел и достижений в творческой журналистской работе на благо нашей Родины.

По поручению архивистов Акмолинской области,
ваших поклонников и читателей.

Начальник управления
архивов и документации
Г. МАТРОСОВ

Директор областного
государственного архива
А. ПОЛОЖЕНЦЕВ

г. Кокшетау
12 ноября 2010 года

***

Редакция журнала “Нива” выражает сердечную признательность дипломатическому представительству РФ в Казахстане и лично Чрезвычайному и Полномочному Послу России Михаилу Бочарникову, коллективу Российского центра науки и культуры и его директору Борису Калининчу за организацию и проведение творческого вечера, посвящённого 20-летию журнала “Нива” и презентации новой книги В. Гундарева “Душа стремится к небесам...”.

Искренняя благодарность за поздравления с юбилеем и высокую оценку деятельности “Нивы” в сфере духовности и отечественной культуры: председателю Сената Парламента Касым-Жомарту Токаеву, акиму Акмолинской области Сергею Дьяченко, секретарю Акмолинского областного маслихата Умирсеріку Мусабаеву, директору Казахстанского филиала МГУ им. М. В. Ломоносова Александру Сидоровичу, начальнику Акмолинского областного управления архивов и документации Геннадию Матросову, директору Акмолинского областного государственного архива Александру Положенцеву, ветерану Великой Отечественной войны, полковнику в отставке Михаилу Куликову.

Крылатая фраза “Сеять разумное, доброе, вечное” была и остаётся основополагающим принципом в работе редакции нашего журнала.

Ольга ВЕЛЕСОВА

Воробьиная ночь

Семейная история

1

Они ехали на юг. Поезд вёз их навстречу новой жизни. Какой она будет? Конечно же, лучше, чем та, которая осталась в прошлом. Каждый надеялся поймать птицу счастья, которая никак не давалась в руки в родном краю. Это и объединяло пассажиров, направлявшихся в Казахстан по переселению.

В этом вагоне ехала и девятнадцатилетняя Таня со своей мамой. Как и всех остальных, в дальний край их вело желание изменить свою неудавшуюся жизнь.

Отец Тани был умным, образованным, но совершенно безразличным к семье и безответственным человеком. Желание иметь лёгкие деньги взяло верх над рассудком, он воровал, его сажали в тюрьму, а потом и вовсе спился. Полгода назад он погиб в драке, не поделив чего-то с собутыльниками.

Мама Тани была детдомовской, родственников у нее не было, и она боролась с превратностями судьбы в одиночку. Она была трудолюбивой, но не умела воспользоваться своим трудолюбием с пользой для себя. Поэтому жили они очень бедно, в крохотном домишке, где не было места поставить вторую кровать для Тани, и она была вынуждена ночевать у бабушки.

В девятом классе Таня училась в районном центре, потому что в их селе была только восьмилетка. Там она и познакомилась с Димой, в которого сильно влюбилась.

Дима был из благополучной семьи, симпатичный, уверенный в себе, начитанный, живо интересующийся окружающим миром. Он никогда не был в селе, где жила Таня, а она, стыдясь, скрывала свои проблемы. Мысль о том, что Дима увидит её вечно пьяного, с дрожащими руками отца, увидит убогость их жилья, её пугала. Ей казалось, что Дима, узнав правду, уйдёт от неё. Но её недомолвки порождали между ними непонимание, и именно оно и разрушило их отношения.

Летом Дима звал купаться.

— Нет, не могу, занята, — отвечала она.

— Чем ты занята?

И Таня придумывала всяческие отговорки, не решаясь сказать, что у неё нет купальника и никогда не было, поэтому она не умеет плавать.

У них не было телевизора, и она часто не могла ничего сказать по поводу передач, которые смотрел Дима, и бурчала что-то невнятное, лишь бы не сказать правду. Она думала, что кажется Диме неинтересной и глупой, и что он рано или поздно разочаруется в ней. Эти мысли заставляли её страдать, и она замыкалась в себе всё больше и больше.

**Ольга
Михайловна
ХАН (ВЕЛЕСОВА)**

родилась в г. Белая Церковь Киевской области 6 ноября 1951 года. С молодости связала судьбу с Казахстаном. По образованию педагог. Живёт в г. Капшагае Алматинской области.

В "Ниве" выступает впервые.

2

Таня лежала на верхней полке и вспоминала последнюю встречу с Димой. Как всё вышло глупо и нелепо. “Виновата во всём сама. Тупая, тупая!” — корила она себя, вспоминая прошлое.

Она работала на заводе в областном центре и жила на квартире, а Дима приезжал к ней так часто, как только позволяла его работа, он был геодезистом и часто ездил в командировки.

В этот день они гуляли в парке.

— Я соскучился по тебе, Танюшка! — сжал он её маленькую руку в своей большой ладони, а затем, наклонившись, поцеловал. — Скоро опять уеду. Ты только жди меня, не гуляй с другим парнем, — полушутя-полусерьёзно говорил он. — А то знаешь, не люблю, когда люди друг друга дураками делают. Если найдёшь кого-то лучше меня, прямо скажи, а если я найду кого-то лучше тебя, тоже скажу. Согласна? Давай не будем обманывать друг друга. Я часто уезжаю, и хочу, чтобы мы оба были спокойны. Лады?

— Лады, конечно, — улыбнулась Таня.

Осень уже раскрасила деревья яркими красками, желая побаловать людской глаз перед бледной, холодной зимой. Они гуляли долго, любясь листьями каштанов, редких берёз и ещё более редких клёнов.

Неожиданно Дима опять предложил:

— Танюшка, на выходные давай махнём на велосипедах к моей бабушке в село.

— И как далеко это село?

— Да не так уж, километров 40.

— Нет, я не могу.

— Что, и на велосипеде кататься не умеешь? — поддел её Дима.

— Может, и не умею, а что? — Дима задел больное место, и она рассердилась.

— Да так, ничего. Почему ты злишься, не понимаю. С чувством юмора у тебя, подружка, что-то неважно.

— Лишь бы у тебя было важно.

— У меня будто бы всё в порядке.

— Ну да, куда мне до тебя! — Таня выдернула руку из руки Димы.

— Что ты сердишься, не понимаю?

— Отстань. Надоел.

— Надоел?

— Что ты ко мне пристал? Уходи, мне уже домой пора.

Дима тоже рассердился.

— Ну как хочешь. Пора так пора.

Он молча проводил её до дома, и они холодно простились.

Прошёл день, два, неделя... Дима не появлялся. Таня знала, что он сейчас дома, в получасе езды. Обиделся, думала она. А может, и не любит меня вовсе, и это только повод? Сердце её сжималось и ныло от тоски.

На работе к ней упорно клеился парень по имени Саша. Он получал неизменный отказ, но был настойчив. Прошло уже ровно две недели, как они расстались с Димой, и Таня ходила как в воду опущенная.

— Что, не помирилась со своим? — лез в душу Саша. — Что молчишь? Не помирилась, сам вижу.

— Надо же, какой пронизательный! — насмешливо сказала она, пытаясь скрыть своё настроение.

— Да что тут пронизать? Ты всегда весёлая, порхаешь, как бабочка, а теперь не улыбаешься почти.

— Не хочется, вот и не улыбаюсь.

— А не хочется, потому что твой парень уже давно себе другую девушку нашёл. Ох и дура же ты, думаешь, он столько дней к тебе не приходит из-за чего? Если бы любил, давно бы пришёл.

Таня думала точно так же. Ей хотелось плакать, и она уныло молчала.

— Да перестань ты расстраиваться. Что он один на свете? Из-за него никого не замечаешь, а он... Так бывает.

“Разлюбил, — думала она, и внезапно рассердившись, решила: — А вот возьму и соглашусь встречаться с Сашкой”. А тот будто подслушав её мысли, с надеждой спросил:

— Может, сходим сегодня вечером в кино?

— Сходим, — кивнула она, и Саша расцвёл.

— Тогда в шесть вечера у кинотеатра Ватутина. Хорошо? Придёшь?

— Хорошо, приду.

Но, возвращаясь с работы, Таня поняла, что никто кроме Димы ей не нужен. Зачем врать и давать надежду парню, который ей безразличен? И она решила, что на свидание не пойдёт.

Дверь открыла тётя Дуся, пожилая добрая хозяйка.

— А, проходи, проходи. Там тебя гость заждался.

— Кто? — сердце Тани забилось часто-часто.

— Ну кто же ещё? — ответила тётя Дуся.

Таня торопливо стала расстёгивать пальто, снимать сапоги, а душа ликовала: “Пришёл, пришёл! Ура! Пришёл!”. Дима перелистывал журнал, и когда она отворила дверь, быстро встал и пошёл навстречу.

— Привет!

— Привет!

Он стал ласково осыпать её лицо поцелуями, а затем, отстранив, заглянул в глаза:

— Рассказывай, чем ты тут без меня занималась?

— А почему ты так долго не приходил?

— Решил тебя наказать, чтобы впредь попусту не злилась.

Это “наказать” больно кольнуло. “Значит для меня это наказание, а для него безразлично то, что мы не виделись две недели”, — подумала она, но промолчала. Страх, засевший глубоко в сознании, не позволял ей ничего требовать, разбираться. Разговор стал вялым. Дима листал журнал, но вдруг оживился.

— О! Я забыл. Я же билеты взял на шесть часов в кинотеатр Ватутина.

Таня остолбенела. Такого она никак не ожидала. Именно в этом кинотеатре, именно в шесть часов её ждал Саша. Конечно, он вряд ли подойдёт, если увидит её с Димой. Но всё это так неприятно.

— Нет, я не смогу сегодня в шесть часов.

Наверное что-то такое мелькнуло на её лице, что заставило Диму насторожиться.

— Не можешь или не хочешь? — допытывался он.

— Не могу.

— Но почему?

— Потому что там меня ждёт парень, — честно призналась Таня.

— Парень так парень, — резко сказал Дима. — Пойдём в другой кинотеатр.

Собирайся быстрее.

Таня понимала, что ей надо всё объяснить, но не могла. Дима же ни о чём не спрашивал, и ей казалось, что если она станет говорить, это будет выглядеть так, будто она оправдывается. А она себя виноватой не считала и молчала тоже.

С этого дня их отношения стали остывать. Дима становился всё молчаливей, и Таня утверждалась в мысли, что надоела ему. Может, он просто ждал от

неё слов любви, а она стыдилась произнести их вслух? Таня не знала, откуда у неё взялось убеждение, что девушке открыто говорить о своих чувствах неприлично. Возможно, истоки этого были в их семье, где разговоры об отношениях полов были под запретом, а сами отношения считались чем-то постыдным.

И когда они в очередной раз поссорились из-за какого-то пустяка, Таня сказала Диме: “Уходи, я не люблю тебя”. И он ушёл.

Поначалу Таня была даже рада такому повороту событий. Не надо больше врать, не надо бояться, от страха она уже порядком устала. Их с Димой отношения стали напоминать отношения дождя и одуванчика. Цветок не мог жить без дождя, но когда тот начинался, цветок закрывал свой бутон и блаженно купался в его шумных подвижных струях. Но мог ли увидеть дождь красоту одуванчика? Дождь, наверное, так и считал одуванчик съёжившимся тусклым мешочком.

3

Чем дальше они ехали, тем реже встречались на пути перелески да зелёные буераки, пока и вовсе не исчезли. Теперь казалось, что поезд стоит на месте. Как ни посмотришь в окно — степь, степь, степь...

Переселенцы часто прикладывались к бутылке и орали песни. Что пытались они залить водкой? Страх перед неизвестностью или боль по утраченному? Или то и другое? Люди эти были в основном лет 30-ти, чуть больше, чуть меньше. Но было среди них несколько семей намного старше по возрасту. В одной из таких семей была девушка Надя такого же возраста, как и Таня. Они познакомились.

Наконец-то поезд прибыл в небольшой городок. Прямо к поезду подъехал автобус, и всех повезли в колхоз, где они должны будут жить.

Таню с мамой на первое время поселили в большой и дружной казахской семье. Их приняли очень радушно. Прошло совсем немного времени, а на низеньком столике уже стояло блюдо с вкусно пахнущим бешбармаком и красивые кисе наполнялись ароматным чаем. Они сразу почувствовали себя уютно, по-домашнему.

Все переселенцы были организованы в строительную бригаду. Сначала надо построить жильё для себя, а потом уже все будут работать по специальности.

Таню с Надеей отправили работать в детский сад. Обе они были маленького роста, хрупкие, и председатель колхоза справедливо решил, что толку на строительстве от них мало. Надя попала в центральный детский сад, а Таня в его отделение, находившееся на краю села и состоявшее из одной разновозрастной группы. Воспитательница, няня, повариха, вот и весь персонал. Заведующая наведывалась очень редко.

Таня была единственным ребёнком в семье, и нянчить маленьких ей никогда не приходилось. А тут 15 детей возрастом от десяти месяцев до 6 лет. Бегают, орут, куда-то лезут. Опытному воспитателю было бы трудно, а что говорить о девчонке? Она старалась занять детей чтением книжек и рассматриванием картинок, а что можно делать с ними ещё, просто не знала, и поэтому с нетерпением ждала окончания рабочего дня. Работа её тяготила, но другой не было, приходилось терпеть.

4

После работы подружки часто ходили в сельский клуб, кинофильмы здесь демонстрировались почти каждый день.

— Таня, с тобой хочет познакомиться один человек.

— Что ещё за человек?

— Ну, хороший человек. Ты ему понравилась, он тебя видел.

- Не темни, говори кто?
- Друг моего нового знакомого. Я уже говорила тебе, что познакомилась с парнем.
- И где меня видел этот друг?
- В кино, где же ещё? Так как? — Надя вопросительно посмотрела на Таню. Та пожала плечами:
- Не знаю...
- У меня такая лёгкая рука, кого ни познакомлю, сразу женятся. Вот и ты выйдешь за него замуж, согласишься.
- Так уж и замуж.
- Посмотришь.

После кинофильма к девчонкам подошёл друг Нади Володя, с пареньком-корейцем.

— Познакомьтесь, это Антон, — представил он его Тане. Казалось, что Антон только что сошёл с обложки журнала мод или сбежал с собственной свадьбы. Чёрный костюмчик сидел на нём безупречно, рубашка просто сияла белизной, начищенные туфельки блестели, хотя на улице была грязь.

Провожая Таню, Антон старался быть внимательным и обходительным. Они стали встречаться.

Таня тосковала по Диме, и Антон в тот момент был для неё как обезболивающее лекарство для тяжелобольного.

5

К нелюбимой работе прибавилась ещё и изнуряющая жара. Даже ночью воздух не успевал остыть, и казалось, что его только что выпустили из горячей печки. Таню начал мучить сильный кашель, и никакие назначения медиков ей не помогали.

— Скорее всего, вам не подходит здешний климат, — сказал врач, когда она в очередной раз пришла на приём. С врачом была согласна и мама. Она вспоминала аналогичные случаи, и была согласна на то, чтобы Таня вернулась на родину. Тане и самой уже надоела экзотика, она соскучилась по дому, по подругам, а главное, по Диме, хотя сама себе не признавалась в этом.

Она уехала, оставив Антону по его просьбе свой адрес. На продолжение отношений она не рассчитывала, так, напишет пару раз парнишка, и забудет.

Первое, о чём спросила Таня по возвращении бабушку, не приходило ли ей письмо?

— Нет, не приходило. А от кого ты ждёшь?

— Подружке не успела сообщить, что уезжаем с мамой в Казахстан, думала, она напишет сюда, — солгала Таня. На самом деле она надеялась получить письмо от Димы. Таня очень хотела увидеть его, но вбитая в её голову мысль, что девушке неприлично бегать за парнем, не позволяла искать его самой. А если и найдёт, что скажет ему? Что прогнала его по глупости, потому что считала, что он лучше неё, умнее, способней? Но это так и есть. А если так, то зачем она ему?

6

Антон прислушался. Мать гремела на кухне посудой, сёстры ушли в школу, отец на работу. Антон решительно открыл шкаф, снял с вешалки несколько рубашек отца, не предназначенных для повседневной носки. Так же решительно снял отцовский костюм и упаковал всё это в чемодан.

— Иди быстрее завтракать, а то не успеешь, автобус через 40 минут, — прокричала ему с кухни мать.

— Успею.

Мать пододвинула к нему тарелку с яичницей, налила в кружку чай.

— Смотри, с деньгами осторожно, все не вынимай, не показывай, а то украдут. Приедете, сразу дай телеграмму. С Вовкой вместе держитесь, в столовую ходите обязательно, — поучала она. Антон кивал в знак согласия, а сам уплетал яичницу.

— Обязательно сразу дай телеграмму. И когда сдашь экзамены, тоже телеграфируй.

— Угу, — Антон отодвинул пустую кружку, встал и пошёл за чемоданом.

Вовка уже топтал пыльную землю на автобусной остановке.

— Привет! Едешь всё-таки? Не передумал?

— Не передумал. Ты своим не сболтнул случайно?

— Не бойся, не сболтнул, но считаю, что это ты зря. Выучился бы, а потом и женился. Таня, конечно, красивая, но могла бы и подождать.

— Не хочу я в институт. Пять лет сидеть за учебниками и чертежами? Ну нет.

В автобусе почти все четыре часа езды Вовка спал, а Антон смотрел в окно и представлял, как все удивятся, когда узнают, что он женился. Да ещё на ком? На Тане! Все его друзья смотрели с восхищением на эту тоненькую голубоглазую девочку, а достанется она ему, Антону. Родители, конечно, рассердятся, а потом простят, куда они денутся? А он устроится на работу, и станут они жить с Таней на Украине. Это же Европа, там, наверное, жить намного лучше, чем здесь. Говорят, Киев очень красивый город, и он скоро будет ходить по его улицам.

Проводив друга, Антон пошёл на почту дать телеграмму Тане. Заполняя бланк, он на мгновение засомневался, а вдруг она не захочет выйти за него? Что делать тогда? И тут же решил, если не захочет, он скажет родителям, что не сдал экзамены или не прошёл по конкурсу. Вовка не выдаст.

7

— Бабушка, я схожу проведаю Наташу?

— Сходи, конечно.

Таня шла по улице, когда её окликнула тётя Зина, почтальон.

— Ты мне как раз и нужна. Тебе телеграмма. Распишись.

“Еду, жди, Антон”, — прочитала она и застыла от неожиданности. Антон, прощаясь, сказал, что любит её, но прозвучало это слишком неубедительно, и она не придала этим словам особого значения. И что теперь делать? Таня решила посоветоваться с Наташей.

— Мне нужен твой совет, — сказала она ей и протянула бланк телеграммы.

— А кто это, твой жених? Поздравляю, наконец-то!

— Но, понимаешь, он кореец.

— Кореец? Ну и что? Раз едет к тебе из Казахстана, значит любит. А это главное.

— Я не знаю, Дима...

— А что Дима? Ты уже год как с ним рассталась, да?

— Да.

— За это время твой Дима мог уже жениться. Этот поезд уже ушёл, садись в другой. Девушки — товар быстро портящийся, а годы бегут быстро.

Ночью Таня долго не могла уснуть. Спрашивала себя, хочет ли замуж, и откровенно отвечала, что хочет, но только за Диму. Может, дать телеграмму Антону, чтобы не приезжал? Но куда? Ведь он уже едет. Да и Дима неизвестно где и неизвестно с кем. А если не сложится? Тогда можно просто развестись.

8

Село, в котором жила Таня, Антона разочаровало. Оно находилось недалеко от города, но по сравнению с его селом выглядело убого. Старые дома в беспорядке разбросаны по сторонам от дороги, некоторые (самые убогие) крыты соломой. Грунтовая, с колдобинами дорога. В центре села, судя по вывескам, в одном приземистом здании и магазин, и сельский клуб, а недалеко от входа в магазин большая лужа. Но эта бедность утопала в роскошной зелени, будто дурнушку одели в платье королевы. — “Город рядом, а здесь такая дыра! Вот тебе и Европа!” — разочарованно подумал он.

Где находится Танин дом, Антон тоже не знал, поэтому попросил таксиста остановиться у магазина. Оглядевшись, он увидел женщину-почтальона и направился к ней. Та объяснила, как найти Таню

Антон бодро зашагал по дороге, подстёгиваемый любопытными взглядами редких прохожих.

Таня услышала лай собаки и вышла во двор. У калитки стоял Антон. И пока она шла навстречу своей судьбе, кто-то невидимый кричал ей на ухо: “Отправь его назад, это не твоё. Отправь!”. И тут же кто-то другой с упрёком сказал: “Отправить? Он ехал к тебе пять суток! Отправишь, опозоришь парня, растопчешь как червяка! Что он скажет дома? Представляешь, как над ним будут смеяться? А над тобой? Твои соотечественники станут судачить о тебе, это же село! Пожалей его и себя!”. Ей стало жалко Антона.

— Здравствуй, Таня!

— Здравствуй.

— Вот, приехал, не прогонишь?

— Проходи, раз приехал, — Таня открыла калитку, пропуская Антона.

9

Николай Чанмунович метался по комнате как разъярённый тигр.

— А ты куда смотрела?! Куда смотрела ты?! А?!

— Да разве я могла подумать? Мне и в голову такого не пришло.

— Почему не посмотрела, куда он взял билет?

— Он же ездил за билетами с Вовкой, я не думала, что ему такое придёт в голову.

— Не думала? Ты мать!

Мария Григорьевна молчала, а что сказать? Виновата.

— Это надо же! Мой сын! Поехал неизвестно куда, да ещё к кому?! К какой-то русской голодранке! Ты думаешь, по переселению ездят порядочные люди? Достойный человек не бросит нажитое просто так и не поедет чёрт знает куда! Это сброд, ничтожество! Куда ты смотрела? Как могла такое допустить?!

— Соня говорила, будто неплохие люди, — робко возразила мать Антона.

— Неплохие? А что она о них знает? Прикидывались, полгода можно было и прикинуться хорошими. Я тебе ещё раз говорю: с насиженного места бегут или пьяницы, или преступники, или лодыри. Думают, им тут манная с неба упадёт.

— Это она виновата, она! Наверное, соблазнила его, а он, глупый мальчишка, думает, что другой такой нет. Вот и поехал.

— Позор! Позор! Что люди скажут? Вовка поступил и едет учиться, а этот...

— Ненавижу эту хохлушку, ненавижу! Откуда она взялась на нашу голову?

— Я мечтал, сын выучится, человеком станет, и нам опора, а он! И это твоя вина! Думаешь, его там будут ценить?

— Может, намыкается да приедет.

— Как теперь людям в глаза смотреть? Что говорить? Как такое можно было допустить?!

Трясущимися руками Николай Чанмунович достал сигарету и закурил.

10

Молодые супруги устроились работать в соседнее село на птицефабрику. Антон — заведующим складом стройматериалов, а Таня кассиром. Птицефабрику они выбрали потому, что там была реальная возможность довольно скоро получить квартиру, ну и добираться до работы было легко.

Через год у них родился сын Саша.

Поначала Таня не чувствовала себя очень счастливой, но постепенно стала привязываться к Антону. Дима исчез из её жизни и, как ей казалось, из сердца тоже.

Антон был способным, очень хорошо рисовал, резал по дереву и за что бы ни взялся, всё у него получалось. Таня гордилась мужем. То, что он был не очень ласков, практически не говорил ей никаких комплиментов, её не беспокоило. В родительской семье было гораздо хуже. А с чем ещё могла она сравнить свою жизнь?

После рождения ребёнка они получили две комнатки в семейном общежитии и были этому несказанно рады. Всё-таки свое жильё, а в перспективе квартира в благоустроенном доме.

Они довольно быстро подружились с соседями, Наташа, подруга Тани, тоже с мужем жила здесь. Так что им скучать и страдать от одиночества не приходилось.

11

— Ну что ты плачешь, маленький? Мама сейчас повесит твои ползуночки и придёт. — Катя, соседка Тани, услышав плач, зашла и стала успокаивать Сашу. У неё было двое детей, и они с Таней помогали друг другу.

— А вот и мама пришла.

— Уже проснулся? Спасибо, Катя, что успокоила. А твои спят?

— Нет, наш папа приболел и сегодня дома.

— Тогда побудь, пожалуйста, ещё с Сашей, пока я вылью воду.

В доме не было ни водопровода, ни канализации. Таня стала сливать воду из стиральной машинки и большого таза для полоскания в ведро.

— Не понимаю, — сказала Катя, — почему ты сама и воду носишь, и помой выливаешь? Разве Антон не смог бы этого сделать?

— Мог бы. Но он ведь работает, а я сижу дома.

— Дома сидишь? Ты не сидишь, ты за ребёнком ухаживаешь, да ещё и вторым беременна.

— Ничего, мне нетрудно, а ему, я думаю, приятно. Придёт с работы, дома чисто, уютно.

— Ну не знаю. Мужик тоже должен что-то дома делать, а не лежать весь вечер с книжкой.

Таня вздохнула. С переездом на новое место появилась чуть заметная, но всё же проблемка. Рядом была хорошая библиотека, и Антон забросил все свои увлечения, променяв их на чтение книг. Читал он всё свободное время, читал и на работе, когда выпадала возможность. А изредка и нехотя помогал Тане по дому. Однажды даже взялся ужин приготовить, отправив Таню с сыном на улицу, на свежий воздух.

Открыв холодильник, он достал хороший кусок говядины. И принялся за готовку. За это время соскучился по национальной кухне, ему надоели Танькины борщи, супы и картошка в различных вариациях. Хотелось остренького, настоящего вкуса.

Закончив приготовление еды, он вышел во двор. Таня с Сашей на руках сидела на скамеечке и болтала с соседками пенсионного возраста.

— Таня, идём ужинать, уже готово, — позвал он жену. Соседки переглянулись.

— Он что, сам готовит?

— Да, — гордо сказала Таня и, довольная, пошла в дом.

— Вот тебе и кореец! Повезло Таньке.

— Не говори, не пьёт, не бьёт, кушать сам готовит.

— А какой аккуратный! Одет, как на картинке нарисован.

— А Валя-библиотекарша говорила: грамотный такой, книжек столько читает, не то что наши алкаши.

Стол был красиво сервирован, а запах свежеприготовленного мяса, приправленного чесноком и перчиком, вызывал аппетит. Ужин был действительно вкусным.

— Ну как? — спросил Антон.

— Божественно! — Таня полагала, что муж хотел сделать приятное не только себе, но и ей, и была тронута заботой.

Антон остался доволен и вкусной едой, и тем, что ужин понравился Тане, но ему хотелось, чтобы жена более бурно выразила свой восторг его кулинарными способностями. Но Таня стеснялась бурных эмоций в любых проявлениях, и эта сдержанность часто трактовалась людьми как холодность.

12

Часы показывали без четверти шесть, но солнце ещё не собиралось уходить с горизонта, и его ласковые лучи проникали сквозь оконное стекло, создавая в комнате особенный уют.

Приготовленный ужин терпеливо дожидался хозяина, заботливо укутанный полотенцем, чтобы не остыл. Антон в субботу уехал с друзьями на рыбалку с ночёвкой, и сегодня к вечеру должен вернуться.

Саша играл на полу, а маленькая Лиза болтала ножками и ручками, лёжа в кроватке и пытаясь дотянуться до игрушки.

Таня тихонько выскользнула во двор и стала торопливо снимать с верёвок высушенное бельё. К крыльцу общежития подкатил “Москвич”, и из него вышел Антон. Увидев Таню, он остановился, поджидая, а она, с огромным ворохом белья, пошла ему навстречу.

За ужином Антон с увлечением рассказывал, какую вкусную уху варит его друг.

— Представляешь, он сначала отваривает курицу, а потом в этом бульоне варит рыбу. Я такое увидел впервые.

— Должно быть вкусно. Уха из петуха.

— А ты мои книги в библиотеку не отнесла? — вспомнил Антон.

— Нет, у меня не было времени. Завтра сам сдашь.

— Завтра в библиотеке выходной.

— А ты не хочешь в институт поступить? Я буду тебе помогать. Потом партию вступишь.

— Зачем мне это?

— Будешь на руководящей должности, зарплата будет выше.

— Меня всё устраивает. Зачем мне лишняя головная боль? — категорично заявил Антон. Таня понуро устала в тарелку.

Пожуинав и поиграв некоторое время с детьми, Антон взял книгу и завалился на диван, а Таня стала укладывать малышей спать. Саша уснул быстро, а Лиза долго не засыпала, вредничала.

Усыпив детей, принялась гладить перестиранное бельё.

Часы равнодушно тикали, занятые своей арифметикой, маленькая стрелка переползла за цифру 11, Тане хотелось спать, но она поплелась на кухню чистить рыбу.

Когда Таня легла в постель, Антон ещё читал книгу, повернувшись к настольной лампе, стоявшей на тумбочке у кровати. Он дочитал страницу и выключил свет, но Таня уже была в крепких объятиях Морфея. Это показалось Антону несправедливым, и он попытался отвоевать своё право у соперника, настойчиво добиваясь внимания жены.

— Антон, прошу тебя, не сейчас. Я не могу, я так устала, — умоляюще проормотала Таня и погрузилась в сон.

Антон резко повернулся к ней спиной. Казалось, он взорвётся от злости.

“Устала! От чего, интересно? Что она мешки таскала или землю копала? Или утюг весит пуд? Ну принесла несколько вёдер воды, ну вынесла помои, и что? Он тоже иногда носит воду и не устаёт. А она устала! Взяла моду, как ночь, так она устала, хочет спать!”.

Антон не привык слышать слово “нет”. В корейской семье муж и старший сын (а из сыновей он был старшим) на особом положении. Глава семьи только зарабатывает деньги, всё остальное лежит на плечах жены. Правда, многие уже не придерживались этих традиций, но в их семье всё было именно так. Всю домашнюю работу выполняли мать и сёстры, никогда ничего не требуя от Антона, а тем более от его отца. И никогда ни на что не жаловались.

Груз неудовлетворённых желаний обеих сторон становился всё тяжелее и потихоньку тянул семейную лодку ко дну. Хотя это ещё можно было исправить.

13

— О, Танечка, проходи. Прходи, Сашенька, мой дорогой внучек! Дай я тебя поцелую! А ты, Лизонька, поцелуешь бабушку? А мы с тётёй Лидой чай пьём, садитесь с нами.

— От чая не откажемся. — Таня села за стол, посадила возле себя Сашу, а Лизу взяла на руки.

— А где Антон? Почему он не пришёл?

— Он на рыбалку сегодня поехал, приедет только завтра.

— Мужики только и знают, что рыбалку, — сказала тётя Лида.

— Ну ему же тоже отдохнуть надо, — вступилась за зятя Танина мать.

— А то он переутомился на своём складе!

— На складе ответственность большая.

— Не знаю, все его хвалят, а мне он не очень нравится. У вас столько земли, сад, хозяйские руки нужны, а он только книжечки почитывает. Поначалу ещё брался за работу, а теперь, по-моему, вовсе руки опустил.

— Не говори, Лида, зять у меня хороший.

— Хороший, но не совсем. Хороший зять ещё и тётце помочь должен, а Таня к вам бегаёт просить то 10, то 20 рублей.

— Ну и что? Пока могу, помогу. Они ведь молодые, придёт время, и они мне помогут.

Когда тётя Лида ушла, мать строго сказала Тане:

— Тётю Лиду не слушай. Антона жалей, не ссорься с ним, он тут один, а я знаю, как тяжело одинокому.

— Я и не ссорюсь. Но денег действительно не хватает, а он ничем заниматься, чтобы подзаработать, не хочет.

— Ничего, переживём как-нибудь, а прижмёт, заработает и денег, не переживай.

14

На землю опустилась тёплая летняя ночь. Сверчки заиграли на своих скрипочках, а удивлённая луна пыталась рассмотреть этих маленьких музыкантов с высоты, и никак не могла.

Таня стояла у раскрытого окна, любуясь ночным небом, и ждала Антона. Он задержался у знакомых, пришлось поужинать без него. А вот лечь спать без мужа ей не хотелось. В фигуре, идущей к их дому, она узнала мужа и обрадовалась.

— Что ты так долго?

— Посидели немного. К ним Света приехала, фотки привезла. Смотри, это она с женихом. Красивая какая, посмотри!

— Она что, подарила тебе фотографии? — удивилась Таня.

— А что, по-твоему, я их украл?

— С какой это радости? Вы с ней второй раз увиделись.

— Ну и что?

Восхищённый взгляд мужчины на другую женщину действует на женщину, обойдённую вниманием, как укусы осы. Таня с недовольным видом отвернулась.

— Не понял, чем ты недовольна?

— Как я понимаю, она тебе нравится.

— Да, нравится, и что?

— Ничего.

— Что ты опять надулась? Думаешь, я не вижу, как ты реагируешь, если я просто посмотрю на красивую девчонку?

— А ты думаешь, мне приятно видеть, как ты смотришь на этих девчонок?

— И как я на них смотрю?

— Так, как никогда не смотришь на меня.

— А что на тебя смотреть? Я тебя каждый день вижу.

— И что, уже надоела?

— Ревность твоя надоела. Ты ревнивая!

— Да, ревнивая. Ты смотришь на других так, что поневоле начнёшь ревновать.

— Как я на них смотрю, как? Мне что, ходить с закрытыми глазами? Осточертело уже всё!

Резко повернувшись, Антон пошёл в другую комнату. Претензии Тани его раздражали. Чего она хочет? Он живёт с ней, зарплату приносит ей, что ей ещё надо? Смотрит на других? Ну и что? Он мужчина!

Антон знал, что у его отца кроме матери есть ещё женщина, знал их сына. Он догадывался, что матери это не нравится, но нареканий с её стороны никогда не слышал. Мать ухаживала за отцом, а он принимал это как должное, комплиментов не говорил, был сдержан и молчалив.

Таня чувствовала, что ведёт себя неправильно. Но ей, как и любой женщине, хотелось нравиться Антону, хотелось хоть иногда слышать ласковые слова, хотелось похвал, на которые муж был не просто скуп, а не говорил их никогда. Но как этого добиться без обид и претензий, она не знала.

15

Незаметно инициатива в семье перешла к Антону. У них был общий семейный бюджет, но управлял им Антон, а Таня с ним лишь соглашалась. Муж решал, что купить из продуктов, что из одежды, и сам с удовольствием делал покупки. В воскресенье брал сумки и ехал в город по магазинам. До определённого момента это устраивало Таню. Ей не надо было таскать тяжёлые сумки, а время, освобождённое Антоном, она могла потратить на домашние дела и заботу о детях. Мужу она полностью доверяла.

В это воскресенье Антон снова поехал за покупками, а Таня, управившись с делами, решила навестить Наташу. Они не виделись две недели, Наташа отдыхала с семьёй на Чёрном море. Обе соскучились и теперь были рады встрече.

— Отдохнули прекрасно. Смотри, как мои архаровцы загорели, — Наташа схватила за руку сына и задрала на нём рубашку, демонстрируя загар на спине и животике. — Фотографии привезли, сейчас покажу.

Таня рассматривала фотоснимки, слушала рассказ подруги, а сама думала, как было бы здорово, если бы они с Антоном поехали на море тоже. Об этом она и сказала мужу, когда они уже лежали в постели.

— А деньги где?

— Давай сэкономим немного и на следующий год поедем.

— А детей куда денем? Мать работает.

— Детей возьмём с собой. Пусть и они позагорают.

— Придумала! — недовольно фыркнул Антон. — Какой отдых с детьми? Если детей брать с собой, тогда лучше сидеть дома.

Таня очень любила своих малышей и забота о них не утомляла её, наоборот, была в радость. Ей не жалко было ни времени, ни сил, потраченных на них, поэтому понять позицию Антона она не могла.

— Я на следующий год собираюсь поехать к своим родителям. Получу тринадцатую зарплату, отпускные, и поеду. Уже сколько их не видел!

Таня не стала возражать, понимала, что муж действительно давно не видел родственников и соскучился по ним.

16

Месяц, когда Антон с Сашей гостил у родителей, показался Тане годом. Она скучала по мужу и сыну и с нетерпением ждала их домой. И вот они наконец-то вернулись. Увидев их, Таня обрадовалась. Ей захотелось броситься мужу на шею. Но, заметив во дворе соседок, она постеснялась бурно выражать свои эмоции и не побежала, а пошла навстречу мужу. Они поцеловались, затем Таня стала целовать сына.

Антон рассказывал о житье-бытье родителей и вскользь заметил:

— Саша так понравился всем, что мать просила оставить его там.

— Как оставить? Ты что?

— Я и не согласился. А вообще там хорошо. Они зовут нас туда жить.

Родители Антона уже после его отъезда перебрались в другую область, и теперь Антон нахваливал их место проживания. А через некоторое время прямо заявил, что здесь жить не хочет.

Тане не хотелось уезжать из родных мест, и дом, в котором они должны были получить жильё, уже был готов, все ждали распределения квартир. Она пыталась уговорить Антона, но он был неумолим, и ей пришлось согласиться.

17

Автобус катил по раскалённому асфальту всё дальше и дальше. За окнами виднелась неприглядная, выгоревшая от солнца степь. В салоне было жарко, пахло пылью и выхлопными газами.

— Далеко ещё? — время от времени спрашивала Таня.

— Скоро приедем, — в который раз отвечал Антон.

Дети, измученные долгой дорогой, спали, их личики покраснелись от жары.

— Что это белеет? — спрашивала она у мужа, показывая на скудную высохшую, выжженную солнцем траву, сквозь которую проглядывало что-то белое.

— Это соль.

— А... А я думала снег, так откуда в такую жару ему взяться.

В конце концов впереди показался зелёный тополиный остров среди жёлтого песка и выгоревшей травы.

— Подъезжаем, — сказал Антон.

Автобус затормозил возле высокого бетонного забора, и пассажиры стали выходить, ступая в мягкую пыль по краям асфальта. Таня не успела оглянуться, как кто-то потянул её к себе, и прежде чем увидеть, кто это, услышала голос:

— Здравствуйте! С приездом!

Она догадалась, что это одна из сестёр мужа, но которая, не знала. Их у него три, одна старше его, а две младше. Они перекинулись несколькими обычными в таких случаях фразами и двинулись по пыльной улице села.

Дом, в котором жили родители Антона, был просторным и чистым. Нельзя сказать, что он был богато обставлен, но было видно, что и нужды здесь не знали. В просторной кухне большой стол, кухонный гарнитур, хотя и не особенно дорогой, местного производства, но ещё совсем новый. Во всех остальных комнатах на стенах висели ковры, а полы были застланы дорожками, с красными полосками по краям.

— Приехали? Вот и хорошо, — встретила их у порога свекровь. — Отнесите чемоданы в последнюю комнату и идите обедать.

Никакого оживления и радости по поводу их приезда Таня не почувствовала. Её это немного обидело, но она решила не делать преждевременных выводов.

Вечером пришёл с работы отец Антона. Услышав, что он разговаривает со свекровью во дворе, Таня с мужем поспешили ему навстречу. Плотный, коренастый мужчина мыл руки под умывальником. Он довольно сдержанно поздоровался с сыном, а на робкое “здравствуйте” снохи ответом был лишь ледяной взгляд.

На ужин подали кукси. Это лапша домашнего приготовления, сваренная отдельно на воде, затем залитая бульоном или специально приготовленной водой с добавлением различных салатов и мелко нарезанного тушёного мяса. Тане блюдо не понравилось, но она старалась не подавать виду.

— Если не нравится, не ешь. Я дам тебе молочную рисовую кашу, — обратилась свекровь к ней.

— Пусть ест. Вышла замуж за корейца, пусть ест. Или всю жизнь в двух казанах варить будет? — грубо сказал свёкор.

И что-то неприятное зашевелилось у Тани в душе. Только теперь она до конца осознала, что о корейцах практически ничего не знала, ни их обычаев, ни их кухни. Ей придётся привыкать к переменам, к которым она не готова. Даже выйдя замуж за корейца, она представляла свою жизнь такой, какая была у неё до замужества.

После ужина Таня вызвалась помыть посуду. И пока она ходила за водой к колонке во дворе, отец сказал Антону:

— Ну и что в ней такого, из-за чего стоило ехать за ней в такую даль? Была бы хоть красавица или дочь достойных родителей, тогда я ещё мог бы понять.

— Молодой и глупый был, думал, наверное, лучше неё нет, — подвела итог мать.

Антон почувствовал одновременно обиду за то, что его выбор вызвал такую критику со стороны родителей, и чувство неловкости и досаду из-за того, что Таня не соответствовала эталону хорошей снохи для родителей.

На улице было жарко. Солнце немилосердно жгло. Таня стирала, качая воду из колонки. Вдруг солнце закрыла расплывчатая мутная туча. Порыв ветра подхватил мусор и понёс его по двору. И почти сразу же засвистело, завыло всё

вокруг. Постиранное бельё в считанные секунды стало серым. Началась пыльная буря.

Все опрометью бросились закрывать окна и двери, бельё занесли в дом. Но и в доме скоро запахло пылью. На улице стало темно. Сашенька забежал в дом, выплёвывая пыль и песок, а Лизонька стояла посреди двора, почти сбиваемая ветром с ног, тёрла глаза кулачками и плакала. Таня схватила её и понесла в дом.

Тане стало обидно, что Антон, рисуя прелести здешней жизни, умолчал о её недостатках. Умолчал о пыльных бурях, о полчищах комаров, из-за которых после захода солнца невозможно выйти на улицу, о том, что областной центр находится за 200 км, о том, что устроиться здесь на работу ей, женщине, довольно непросто, потому что работы нет. Главное, конечно, было не в самих этих фактах. Она бы поехала с ним, даже если бы знала правду, а он, видно, не доверял ей, и это было неприятно. Но Таня опять постеснялась упрекнуть мужа. «Бог с ним, с климатом, — подумала она, — главное чтобы мы жили хорошо и любили друг друга».

19

Отдохнув недельку, Антон решил, что пора выходить на работу.

— Пойдёшь ко мне на машинный двор слесарем, пока другой работы нет. Закончил бы институт, работал бы начальником. Вовка в этом году уже получил диплом, теперь в городе архитектором будет работать, а ты слесарем, и всё из-за кого? — сказал ему отец.

— Слесарем так слесарем, — согласился Антон.

В первый день работы отец приказал ему перенести железо, кучей сваленное на машинном дворе в сторонку, под забор и поближе к воротам.

После пяти лет работы завскладом Антону было не очень комфортно на виду у трактористов и шофёров выполнять грязную, неквалифицированную работу.

Было половина двенадцатого, когда он перенёс последние железки.

— Я закончил, что ещё надо делать? — спросил он у отца.

— Можешь идти на обед, — буркнул чем-то недовольный отец.

Антон пришёл на полчаса раньше. Дети играли во дворе и бросились к нему. Антон поцеловал малышей.

— А мама что делает? — спросил он у Саши. Тот пожал плечами. Антон пошёл в дом, но ни на кухне, ни в их комнате, ни в зале жены не было. Антон заглянул в комнату сестёр. Таня мыла в их комнате пол, а сёстры лежали на кровати и читали книги. Раздражение на близких, усталость, накопленная за половину рабочего дня, вспыхнули в душе Антона.

— Почему ты здесь моешь пол? — спросил он у жены.

— Ну, — Таня пожалала плечами, не зная, что сказать мужу. Ей тоже не нравилось то, что его сёстры отлынивали от работы. Она согласна: кухня, стирка, другие комнаты пусть будут её обязанностью, но в своей комнате эти уже взрослые девицы могли бы убрать и сами.

Таня взяла на свои плечи приготовление пищи, стирку, уборку в доме, помогала полоть огород. Семья была большая, и работы хватало, но она не жаловалась. Мама стала учить и требовать от неё выполнения домашней работы очень рано. Тане не на кого было перекладывать свои обязанности, она привыкла делать то, что требовалось от неё, сама, и это было в порядке вещей. Не смотрела она и в семье свекрови, чем заняты золовки. Она считала их девчонками, а себя матерью, женщиной, и вела себя соответственно.

— Почему вы лежите? — спросил Антон уже у сестёр.

— А что? — ответила вопросом на вопрос Белла.

— Я вам сейчас покажу, что! Я что, домработницу вам привёз?! — Антон выхватил швабру у Тани и ударил ею сестёр. Те соскочили с кровати и бросились мыть пол.

20

Вечером, после ужина, отец предложил Антону съездить порыбачить на канале. Канал находился сразу же за селом, далеко ехать не надо. Антон с удовольствием согласился.

Николай Чанмунович был возмущён поведением сына, но дома разговаривать с ним не стал, не хотел, чтобы его услышала сноха.

Они закинули удочки и сели на берегу.

— Антон, ты мужчина или кто? — начал разговор отец, пыхая сигаретой. Антон смотрел на отца, не понимая, что тот имеет в виду.

— Я тебя спрашиваю, ты мужчина?

— Мужчина, а что?

— А почему так глупо себя ведёшь?

— В смысле?

— Ты, сынок, ещё мало чего смыслишь в жизни, женился бы постарше, я бы тебя научил. Слишком рано сбежал из дома.

— Папа, вы о чём, не понимаю.

— Ты избил сегодня сестёр.

— Не избил, а стукнул, они читали, а Таня в их комнате мыла полы.

— А кто такая твоя Таня? Сегодня она твоя жена, а завтра нет, а сёстры — это родная кровь, они всегда останутся твоими сёстрами. У нас не так, как у русских, сноха только на порог — уже хозяйка, у нас она должна доказать, что достойна нашей семьи. Это её обязанность: мыть, убирать, делать всю работу по дому. Мы — корейцы, жёны у нас уважают мужей. Это у русских муж придёт с работы, а жена лежит на печке и ногой, заметь, не рукой, ногой показывает: там возьми щи. Русские мужчины подкаблучники, ты тоже хочешь им быть?

— Но Таня всё делает по дому.

— Так должно и быть. Бабы, сынок, для того и созданы, чтобы мужчине жилось хорошо. Мы не виноваты, что они родились бабами. А бабе раз попусти, она на голову сядет! Твои сёстры — это родная кровь, ещё раз тебе говорю, а Танька твоя кто? Голь перекатная, плюнь и разотри. Уцепилась за тебя, и крутит, как хочет, а ты дурачок. Будешь носиться с ней, как с писаной торбой, она тебе же рога и наставит, посмотришь. Я её насквозь вижу. Мало позору натерпелась, когда ты к ней уехал, так люди будут над тобой смеяться и теперь. Запомни, бабу надо вот где держать, — Николай Чанмунович показал сжатый кулак. — Понял меня?

— Понял.

— А если понял, так поступай как мужик, не потакай ей. Она должна чувствовать, что ты её хозяин. Родня должна всегда быть выше жены. Да и не одна она такая на свете. Если даже уйдёт, найдёшь другую, ещё лучше.

21

Сегодня день рождения Тamarы, старшей сестры Антона. Она развелась с мужем и теперь жила и работала в городе. Но именины решила отметить в родительском доме.

С утра женская половина семьи хлопотала на кухне. Таня осваивала приёмы приготовления новых блюд. С первого дня в этом доме она старалась не сидеть без дела. Постоянная занятость помогала ей меньше чувствовать себя

здесь чужой. Тане казалось, что только Тамара да малолетний братишка Антона Андрей относились к ней неплохо. От остальных же членов семьи исходила неприязнь и даже злоба.

Наступил вечер. Стол был уже накрыт, и первые гости с приветствиями и поздравлениями вошли в дом. Таня вместе со всеми встречала гостей. Таня приветливо кивала всем “здравствуйте”, её окидывали оценивающими взглядами с головы до ног и проходили мимо. Ни Антон, ни кто-либо из членов семьи не догадался или не захотел представить её гостям.

После застолья все прошли в другую комнату и стали играть в хато (корейские карты). Антон весь вечер не обращал на Таню внимания, и сейчас, играя в карты, весело болтал с гостями. Таня с младшими золовками мыла посуду на кухне. А когда с посудой было покончено, она почувствовала себя ненужной. Антон, казалось, напрочь забыл о ней.

Она послонялась по кухне и пошла в свою комнату. Дети возились с игрушками, и Таня не знала чем себя занять.

Обида подкатывалась комом к горлу, и ей захотелось заплакать. Но плакать здесь было неудобно, вдруг кто-нибудь войдёт, начнёт расспрашивать. И она не смогла придумать ничего лучшего, как уйти.

Она шагнула в ночь, за калитку, заливаясь слезами. Таня понимала, что скоро её хватятся, потому что дети захотят спать, а укладывает их в постель она.

“Ну и пусть”, — думала она, шагая по тёмным улицам села и глотая горькие слёзы обиды.

Дождавшись, когда гости разойдутся, и вдоволь наплакавшись, она тихо прокралась к кровати. Летом они спали на улице.

— Где ты была? — глухо спросил Антон.

— К солдатам ходила! — с вызовом ответила Таня. (За селом была воинская часть).

Муж понимал, что это ложь, но всё же зло засопел. Он всегда сопел, когда злился.

— А как бы ты поступил на моём месте? — наступала Таня. — Ни с кем не познакомил, даже не глянул ни разу в мою сторону. Разве я с тобой так обходилась на Украине? — голос её дрожал от обиды, и она была готова вновь заплакать.

— Ладно, в следующий раз познакомлю, — буркнул Антон и повернулся к ней спиной.

22

— Скажи тёте, скажи. Иди, иди, она в комнате, — услышала Таня голос свекрови и хныканье племянницы Алинки, дочери Тамары.

До сих пор Алинка была единственной внучкой и теперь, по-видимому, ревновала деда с бабкой к Саше и Лизе. Особенно она цеплялась к Саше. То ущипнёт, то толкнёт, то укусит. Пройти мимо, не задев его, было выше её сил. Таня и Антон учили сына не обижать девочек, и получалось так, что ни в чём не повинный Саша выслушивал ещё и упрёки родителей, а часто бывал и наказан, если давал сдачи сестре.

Дверь в комнату открылась, и на пороге появилась зарёванная Алинка. Она, как драгоценность, держала указательный палец правой руки перед собой.

— Что случилось? — спросила Таня.

— Вот, смотрите, Сашка ударил, — ныла Алина и тыкала палец ей под нос. Таня осмотрела пальчик: ни синяка, ни царапинки. Ей стало жаль сына, она

давно поняла, что наказывают они его несправедливо, и решила поставить племянницу на место.

— Алина, ты сама лезешь к нему, сама его обижаешь, а потом жалуешься. Я не буду наказывать Сашу. Не лезь к нему, и он не станет трогать тебя.

— Он меня ударил по пальчику.

— Хватит, Алина, уходи, невоспитанная девчонка, — не сдержалась Таня.

Не успел стихнуть звук её голоса, как дверь в комнату распахнулась и на пороге появился свёкор. Лицо его исказила гримаса ненависти и злобы.

— Она ещё будет учить, как воспитывать детей! Посмотри-ка на неё, — медленно цедил он слова.

Таня застыла, как кролик перед удавом, а свёкор медленно приближался. Но тут в комнату вбежала Тамара, она, видно тоже была в соседней комнате.

— Отец! Что вы? — схватила его за руку дочь и попыталась удержать.

— Отстань! — отмахнулся от неё отец, — я сейчас ей покажу, как командовать в моём доме!

Таня не могла выйти из оцепенения, а злые узкие глаза впивались в неё, как кровососы. Свёкор был в двух шагах от неё, когда в комнату влетел Антон. Мигом, оценив обстановку, он встал между Таней и отцом, загородив ему путь.

На шум прибежала и свекровь. Вдвоём с Тамарой они потащили отца в другую комнату, а он, сопротивляясь, кричал Тане в лицо:

— Нашла благодать. Спит тут днём! Пригрелась! Я её сейчас...

Когда его увели, Антон повернулся к Тане:

— Что случилось?! — почти закричал он. — Что ты ему сказала?!

— Не знаю, — еле смогла вымолвить Таня и только сейчас почувствовала, как дрожат её руки и ноги. Рыдания сдавили грудь. Антону стало жаль жену и он уже более спокойно сказал:

— Ладно, перестань.

После этого скандала в душе Тани кроме обиды поселился неосознанный страх. Она и так чувствовала себя в этом доме напряжённо, а теперь и вовсе ощущала себя воробьём на тонкой веточке, готовым улететь при малейшем шорохе. Ей было обидно, что её попрекнули куском хлеба, и она стала думать, как исправить положение.

Таня никак не могла устроиться на работу. В конторе не было мест, детсад закрыт на ремонт, а больше нигде рабочие руки не требовались. Да, она иногда спала днём, как и все остальные. К полудню, управившись с домашними делами, она укладывала спать детей и иногда засыпала сама. Работы на улице не было, а если и была, то её делали вечером, когда спадёт жара. Попрекать её бездельем было в высшей степени несправедливо.

23

— Ой, Таня, горе у нас! — вбежала на кухню свекровь.

— Что случилось? — испугалась она.

— Антон разбился.

Тарелка, которую вытирала Таня, упала на пол и разлетелась на куски.

— Как разбился? Где? Насмерть? — с ужасом спросила она.

— Не знаю. Мне только что сказал тракторист, что его повезли в больницу, ещё был живой тогда.

Антон поехал на работу на отцовском мотоцикле. Он работал поливщиком, и ему приходилось объезжать поля, регулируя уровень воды на рисовых чеках.

— Я поеду в больницу, — швырнула Таня полотенце и, забыв про фартук, бросилась к двери.

— Подожди, сними фартук. На чём ты поедешь? Я сейчас попрошу соседа, если он дома, пусть отвезёт.

Больница находилась в соседнем селе за 16 километров. Сидя в стареньком “Москвиче”, Таня без конца молилась.

— Пусть хоть калека, только живой, прошу Тебя, молю! Я клянусь, что буду терпеть его родственников и даже попытаюсь полюбить их, я буду терпеть всё, только пусть будет живой!

“Москвич” затормозил возле двухэтажного здания, и она, спотыкаясь о ступеньки крыльца, бросилась к кабинету травматолога. Антон, скорчившись, бледный сидел на стуле. Каждая клеточка Таниного тела запела от счастья.

— Живой, живой! Слава тебе, Господи! — ей хотелось целовать его от радости, но постеснялась.

— Больно? — спросила она участливо.

— Больно.

— Доктор, что с ним?

— Перелом ключицы, довольно сложный, но страшного особо ничего нет. Жить будет. Но в областную больницу направить придётся.

— Почему?

— Такой перелом сам по себе правильно не срастётся, надо будет вставить такой железный штырь. Мы здесь этого сделать не можем.

24

Лето подходило к концу. Началась уборка риса. На ток требовались временные рабочие, и Таня решила попытаться, хотя понимала, что с её физическими данными это будет трудновато. Но слова свёкра о благодати, которую она здесь нашла, не давали покоя.

Детсад ещё не работал, и она решила ходить в ночную смену, чтобы иметь возможность самой заботиться о своих детях. Эта ноша была явно ей не по плечу, но трудности не пугали её.

Ток был большим, с огромными кучами зерна. Машины сновали между ними, как огромные жуки. Работа была несложной. Бери лопату и кидай, подталкивай, подсыпай зерно на ленту транспортёра.

Поначалу показалось нетрудно. Но смена длилась 12 часов, с 7 вечера, до 7 утра, а Таня не умела хитрить и уваливать, и работала в полную силу. К концу смены она была готова упасть от усталости. Мелкие усики из колосков забивались под одежду, тело чесалось, спину и руки ломило и ужасно хотелось спать.

Вернувшись домой, она ставила греть воду, чтобы помыться, и пока она грелась, Таня боялась присесть. Если сядет — уснёт.

Как ни уставала за ночь, но позже 11 часов не спала. Сон её никто не берёт. Просыпались дети, бегали, кричали. Взрослые громко разговаривали. Какой уж там сон?

Однажды за обедом свёкор смерил её пренебрежительным взглядом и спросил, обращаясь к свекрови:

— Она что, больная какая-то? Почему такая худая?

— Да нет, просто тяжело работает.

— Здоровые люди от работы только поправляются. От работы аппетит становится лучше. А она вон какая худая.

Таня понуро молчала, молчал и Антон.

— Вот я была! Нога подо мной литая, грудь как кубышка, полная, красивая. А худая женщина разве может быть красивой? — хвалилась собой свекровь.

Так по капельке, по крошечке, исподволь в душу Антона вливалось пренебрежительное отношение к жене.

25

Как-то к ним заглянула подруга свекрови, баба Нина. Заходила она часто и до этого, а тут впервые застала Таню дома одну. Баба Нина слыла знахаркой, как нынче говорят, народной целительницей.

Таня хлопотала на кухне, а баба Нина сидела рядом и вспоминала:

— Когда Антон приезжал с Сашей в гости, помнишь, Таня? Родители хотели оставить Сашу у себя.

— Да, я помню, Антон рассказывал, что Саша всем так понравился, все его так полюбили, что хотели оставить здесь.

— Ну... полюбить-то они полюбили, но твоя свекровь сказала, что если Саша здесь останется, то Антон со временем тебя бросит и приедет к сыну.

Таня вопросительно посмотрела на бабу Нину.

— Да-да... Они хотели, чтобы он тебя бросил. Да ты их сильно не суди. Родители все для своих детей хотят чего-то особенного.

— Но у нас ведь есть ещё Лиза! Да и не отдала я бы своего сына никогда!

Антон сам не согласился на их уговоры.

Слова бабы Нины поразили Таню. Мало того, что её хотели развести с мужем, так ещё и сына отобрать.

О разговоре с бабой Ниной она не обмолвилась никому ни словом. Боялась, что свекровь рассердится на подругу, а баба Нина в свою очередь обидится на неё. Но тоска и уныние всё глубже пускали корни в её душе.

Только когда приезжала Тамара, Таня чувствовала себя немного лучше. Тамара ни словом, ни взглядом никогда не обидела её, и Таня это ценила.

Младшие золовки были полной противоположностью ей. Заражаясь от родителей неприязнью к ней, однажды Лиля сказала: “Правда, Таня, хуже русских нет?”. Белла засмеялась, поддерживая сестру, а Таня еле сдержалась, чтобы не закричать: “Нет, это вы хуже всех!”. Обида, как язва, разъедала её душу.

26

Наконец-то они получили квартиру! Целых полдома. Три комнаты, кухня, веранда, собственные двор и хозяйственные постройки, и всё это их. Никто больше не будет клевать Таню. Она радовалась, как ребёнок, надеясь, что все её несчастья позади, и порхала как птичка, прихорашивая дом.

Вытерев пыль с последней кастрюли и водворив её туда, где ей следовало быть, она осмотрела кухню. Вроде бы всё в порядке. Осталось только дожидаться мужа.

Антон с работы вернулся рано.

— Давай собирайся, нас пригласили к Пакам, — обратился он к Тане.

— А что там у них?

— У Нади день рождения.

— Но я хотела вечером постирать, ты бы посмотрел за детишками.

— Постираешь завтра.

— Завтра я хотела пойти узнать насчёт работы.

Антон передёрнулся:

— Знаешь, мне это осточертело! Вечно у тебя какие-нибудь причины! — и, немного помолчав, добавил: — Сиди, как другие бабы, дома!

— На твою-то зарплату?

Антон молча прошёлся по кухне, но в его походке, его молчании, сопении сквозила плохо скрываемая вспышка гнева. Таня поняла, что если не пойдёт, скандала не миновать, и стала быстро собираться сама и собирать детей, чтобы оставить их под присмотром младших золовок.

Среди ярких, ухоженных кореянок она выглядела довольно бледно. Они были со вкусом одеты. Золотые цепочки, серёжки, кольца сверкали, переливались, дополняя их наряды и подчёркивая женственность. В скромном платьице, без украшений (у неё не было даже самого скромного колечка), Таня выглядела простушкой. У её подруг на Украине тоже не было так много золотых вещей, они вкладывали все деньги в жильё, обстановку, покупку хоть какого-то средства передвижения. Все знали, что Антон с Таней должны получить квартиру, и всеми подразумевалось, что они копят деньги на мебель, а Таня не опровергала мнение друзей. Её мама нахваливала Антона и сравнивала его с отцом Тани, а в этом сравнении Антон выигрывал однозначно. Теперь же Таня сравнила себя с молодыми кореянками, и поняла, что проигрывает она. Это повлияло на её настроение, а невнимание к ней мужа испортило его окончательно. Он танцевал, шутил с другими женщинами, а на неё ни разу и не взглянул.

— Антон, — наконец обратилась она к мужу, — пойдём домой, уже два часа ночи.

— Ну и что? — вскипел тот и посмотрел на неё с нескрываемой ненавистью.

— Я хотела пораньше встать...

— Мне плевать, что ты там хотела! — не дал договорить он.

Окружающие заметили ссору между ними, и Тане стало неловко, она замолчала. К счастью, вскоре бурное веселье прервалось само собой, и все стали расходиться по домам.

Сон поглотил её, как только голова коснулась подушки. И вот она оказалась на какой-то городской улице. Вокруг было много народу. И хоть никакой поликлиники она не видела, но во сне знала, что все ждут очереди к врачу.

Вдруг сильные тёплые руки ласково стиснули её плечи, скользнули по её рукам, нежно гладя их. Боже! Какое блаженство, это Дима! Он подошёл сзади и обнимает её, целует её волосы. Она потянулась щекой к его руке, нежно прижалась к ней, а затем блаженно запрокинула голову, пытаясь заглянуть в любимые голубые глаза, но замерла, прислушиваясь к голосу Димы. А он с горечью сказал:

— Прости, но я уже себе нашёл.

— Да? Я тоже себе нашла. У меня уже двое детей, — грустно ответила Таня и проснулась.

“Дима!” — шепнули её губы, и боль сдавила грудь. Таня никогда раньше не вспоминала о нём. Этот сон удивил её. Почему он мне приснился, спросила она себя, и тут же ответила: он женился, сон об этом. Он, наверное, вспомнил прошлое, а она почувствовала.

Таня долго лежала с открытыми глазами, а перед её мысленным взором пронеслись картины той счастливой любви. Вот Дима в ответ на её слова, что нынче мужчины не носят на руках женщин, легко подхватил её прямо посередине многолюдной улицы и понёс, не обращая внимания на любопытных прохожих.

Вот они идут навстречу, и где-то краем глаза она замечает, как оглядываются на них прохожие, как улыбаются. Вот они собирают в лесу сон-траву. Как хорошо было с ним! С Антоном так не было никогда, с сожалением подумала Таня.

Прозвенел будильник. Пора вставать. Она села на край кровати, свесив ноги, и некоторое время сидела, пытаясь прогнать нахлынувшие воспоминания.

Здание детского сада было просторным и светлым. Снаружи оно радовало глаз, а внутри сплошные недоделки. Здание строилось с нарушениями проекта и сейчас стало проседать, давать хоть и мало заметные, но всё же трещины.

Канализационные и водопроводные трубы постоянно прорывало, по стенам то тут, то там бежала вода, размокшая штукатурка отвалилась. Несмотря на то, что всё, что можно было покрасить, было окрашено в яркие и приятные для глаза тона, бурые пятна на потолках и стенах, язвы осыпавшейся штукатурки портили общий вид внутри.

Но воспитательная работа здесь была поставлена неплохо. Воспитатели, правда, почти все без специального образования, но на практике поднаторели.

В методическом кабинете была собрана специальная литература: книги, журналы, брошюры. Таня стала работать воспитательницей в средней группе. Старалась, и у неё стало неплохо получаться, хотя всех тонкостей работы она ещё и не знала.

Почти с первых дней в её группу повадилась ходить повариха тётя Галя. Она доводилась дальней родственницей Таниной свекрови. Её присутствие сильно смущало Таню, но она не решалась выставить её за дверь. Тем более что тётя Галя расплывалась в радостной улыбке, переступив порог.

— Здравствуй, Таня! Как дела? Не болеешь? Как дети? — засыпала она её вопросами, а лицо её выражало безграничную доброжелательность и даже подобие любви.

“И что ей здесь надо?” — думала Таня, а сама, изобразив на лице такую же доброжелательность, отвечала. Она ни в чём плохом не подозревала тётю Галю, но природная скрытность, к счастью, не позволила ей быть откровенной.

В группе были не только дети, которым исполнилось четыре года, но и такие, которым было пять и даже шесть лет.

В садике был десятичасовой рабочий день, поэтому воспитатели работали по четыре дня, а три дня в неделю отдыхали. И именно в выходные посреди учебного года троих детей перевели в старшую группу, хотя им всем было по четыре с половиной года. А в Таниной группе появилось двое новеньких, но по возрасту им следовало ходить в старшую группу. Всё это было грубейшим нарушением. И встретившись в коридоре с воспитательницей старшей группы, Таня спросила:

— Лариса Николаевна, почему моих троих воспитанников перевели к вам среди года? А им ведь нет и пяти.

— Ну и что? — недобрая улыбка мелькнула на лице Ларисы Николаевны.

— Как это — ну и что? Почему не перевели Алёшу, ему уже шесть лет. Он обижает малышкой. Ему в моей группе делать нечего.

Лариса Николаевна высокомерно посмотрела на Таню и кинула на ходу:

— Потому что я не хочу.

— Как это не хочешь? — опешила она, но за Ларисой Николаевной уже закрылась дверь.

Таня была возмущена, но не стала разбираться, на что и был расчёт.

28

Дети одевались после дневного сна. Таня с нянечкой никак не могли найти один носок Адильжана.

— Встали уже? — всплыла в комнату улыбающаяся тётя Галя.

— Встали, — ответила няня и, обращаясь уже к Тане, сказала: — Не мог же он сквозь землю провалиться.

— А что вы ищете? — спросила тётя Галя.

— Да вот носок Адильжана потерялся, — ответила Таня.

Тётя Галя стала помогать искать носок. Они в который раз отодвигали стульчики, на которых лежала одежда, но носок так и не нашёлся.

— Ладно, — сказала Таня. — Придётся извиниться перед мамой Адильжана, а ты, Адильжан, сними носок, не будешь же ты ходить в одном.

Няня, поправляя носочки на Алёше, расхохоталась:

— Нашёлся. Вот он, пропавший носок.

Оказалось, Алёша нечаянно надел на одну ногу два носка. Сначала носок Адильжана, а сверху свой. Довольные тем, что пропажа нашлась, они посмеялись и забыли об этом маленьком происшествии.

Но на следующее утро торопливо открывая дверь группы, Таня услышала:

— Татьяна Владимировна, почему вы называете моего сына вором?

— Я?! Вором?!

Таня оглянулась на разгневанную родительницу, пытаясь вспомнить, где и когда называла кого-либо вором.

— Вот именно. Неужели вы не понимаете, что он маленький? Он нечаянно надел чужой носок.

— Но я и...

Алёшина мама не дала ей закончить фразу. Срываясь на крик, она воскликнула:

— Вы действительно плохая, глупая воспитательница! Вы не умеете работать с детьми! — и, резко повернувшись, пошла прочь. А Таня застыла в недоумении.

Но на этом её неприятности не закончились. Минут через десять пришла детсадовская сторожиха. Её дочь Наташа тоже была в Таниной группе.

Девочка постоянно ябедничала на всех и откровенно подлизывалась к воспитателям. Несколько раз Таня уличила её во лжи. Наташу приводил и забирал из садика малолетний братишка, и она уже просила его передать маме, что хотела бы видеть её. Решив, что та пришла по её просьбе, Таня доброжелательно улыбнулась и шагнула ей навстречу.

— Здравствуйте, я давно хотела вас видеть.

— А я хотела сказать, что Наташа не будет ходить в вашу группу. Я перевела её к Ларисе Николаевне.

— Но почему?

— Потому, что вы не умеете найти подход к детям.

— Подходом вы называете потакание любым прихотям?

Вопрос повис в воздухе, потому что Наташина мама, задрвав голову, высокомерно шагала прочь, уводя своё чадо.

Таня расстроилась. “Что происходит? Может, я недостаточно хорошо проводила занятия, не владея в полной мере методикой обучения, но я не была грубой или невнимательной к детям”, — думала она. Ей казалось, что весь мир ополчился против неё. Няня всё слышала и участливо спросила:

— Таня, ты расстроилась? Не обращай внимания.

Ничего себе! Как это не обращать внимания?

В группу зашла медсестра. Таня из последних сил старалась сделать вид, что ничего не произошло.

“Все ли дети пришли сегодня? — спросила та, а затем, поморщившись, сказала: — Как у вас шумно. В старшей группе дети всегда тихо сидят на стульчиках, не то что у вас. Если воспитатель как воспитатель, то и дети как дети”. Именно то, что дети тихо сидят на стульчиках, и было неправильным. Но, не имея образования и достаточного опыта, Таня не решилась опровергнуть чужое мнение.

Во время обеда, разливая по тарелкам суп, няня сказала:

— Я тебя понимаю. Но не принимай ты всё так близко к сердцу.

— Не могу понять, что и кому я сделала? Кроме как на работу да в магазин, никуда не хожу. Ни о ком нигде слова плохого не сказала. Если бы болтала что попало, подумала бы, что кто-то мстит. Не говорила я про Алёшу, что он вор. Даже в голову мне такое не приходило. И не понимаю, кто и зачем распускает обо мне такие сплетни.

— Я знаю, кто. Хочешь скажу?

Таня удивлённо посмотрела на няню, а та начала перечислять.

— Тётя Галя — раз, Лариса Николаевна — два. Наша медсестра — три, Танька-подсобница — четыре.

От такого изобилия врагов у Тани отвисла челюсть.

— Но зачем им это нужно?! Что я им сделала?

— Всё очень просто. Все они подруги. Танька-подсобница хочет на твоё место. У тебя нет диплома. А она хоть и не педагог, а продавец, но диплом у неё есть. А работы по специальности нет. Поэтому они и решили тебя выжить.

— И что же мне делать? — с отчаянием спросила Таня.

— Иди и отстаивай себя. Я только что поругалась на кухне из-за тебя. Они стали сплетничать. Так тётя Галя сказала, чтоб я тебя не защищала, что ты хохлушка, значит ещё та.

— Никогда бы не подумала на неё. Всегда улыбается, а оказывается, это только в глаза она такая хорошая.

— Да, только в глаза. И ходит она в группу, чтобы высмотреть здесь что-нибудь плохое, а если не высмотрит, то придумает. Про Алёшу это она сказала. Иди на кухню и поговори с тётей Галей.

И видя, что Таня не может решиться, добавила:

— У Таньки свекровь — заведующая столовой, у Ларисы Николаевны отец — главный инженер. Что это значит в нашем селе, тебе рассказывать не надо. А за тебя постоять некому. Ты одна. Выгонят тебя с работы, и свекровь твоя скажет Антону: “Кого ты нам привёз? Её даже с работы выгнали”.

Эти слова окончательно убедили Таню, и она пошла на кухню. Тётя Галя и её помощница копались в подсобке. Таня спокойно спросила: “Тётя Галя, почему вы постоянно распускаете про меня сплетни?”. Она наивно думала, что та смутится и начнёт оправдываться, но как бы не так. Тётя Галя приблизилась к Тане, выпятила грудь, сморщила пренебрежительную гримасу и сказала:

— Пошла ты знаешь куда?!

У Тани мелькнула мысль, что тётя Галя старше её и что ссориться со старшими неудобно, но эта поза, этот тон вызвали возмущение. И Таня, чувствуя, что наливается злобой, не отводя взгляда, ответила: “Пошла ты сама!”.

— Ах ты ж сволочь! — закричала тётя Галя и сделала попытку схватить Таню за волосы, но она ловко уклонилась, а помощница повара встала между ними.

— Хватит! Хватит! — унимала она их, но женщины были готовы вцепиться друг другу в горло. В какой-то миг Таня почувствовала страх. Она никогда ни с кем не дралась, если не считать раннего детства, да и тётя Галя была не только старше, но и покрупнее комплекцией. Всё же она прогнала мысль о страхе и повысила голос:

— Я в ваши кастрюли нос не сую, и вы в мою группу не суйтесь. Это дело заведующей. А я завтра пойду к директору совхоза и расскажу, что здесь творится. И про то, как здесь детей переводят из группы в группу, и про всё остальное.

“Про всё остальное” она не имела ни малейшего понятия. Но, по-видимому, это “остальное” имело место. Потому что тётя Галя стушевалась. А Таня гордо пошла к выходу. В дверях она повернулась и как можно твёрже сказала:

— Да, я хохлушка! И ещё та! И ездить на мне никому не позволю!

И только подойдя к двери своей группы, Таня заметила, что её трясёт. Она опустилась на стул. Силы покинули её.

Возвращаясь домой, она думала, что ссорам ещё не конец. Как отреагирует муж? А его родители? Ведь она поругалась с их родственницей.

Но Антон удивил и обрадовал. Узнав о ссоре, он сказал: "Правильно сделала. Тётю Галю никто не любит. Она такая сплетница, хоть и наша родственница".

От этих слов у Тани потеплело на душе. И на следующий день она шла на работу, настраивая себя на решительную борьбу. Не успела она войти в группу, как следом за ней пришла тётя Галя.

— Здравствуй, Таня, — миролюбиво сказала она. — Я пришла извиниться перед тобой. Давай забудем нашу ссору. Согласна?

— Ладно, забудем, — согласилась Таня.

Тётя Галя не знала правды об отношении к Тане Антоновых родителей. Её напугал конфликт, не хотелось ссориться с родственниками, не хотелось неприятностей на работе. Правду говоря, она не рассчитывала получить такой отпор от этой маленькой, худенькой женщины, похожей на подростка.

29

У Жоры, друга Антона, снова праздник. Его сыну исполнился годик. На именинах было много народу. Старшее поколение уже встало из-за столов. Молодёжь же только что собралась.

Поздоровавшись со всеми, муж сразу же забыл о Тане. Он громко шутил, смеялся, казалось, что только сейчас он был в своей стихии.

После застолья, когда гости, сдвинув столы, начали танцевать, Антон ни разу не пригласил жену на танец. Он был на неё зол за то, что она не соглашалась пригласить его друзей к себе играть в карты. Таня говорила ему, что дети не смогут выспаться при шуме, что ей рано вставать на работу и что ей не нравится то, что он играет. Но здесь играли все. Образ жизни местного населения коренным образом отличался от образа жизни украинцев, живущих под Киевом. Здесь люди летом работали в поте лица на полях, а зиму проводили в праздной лени. Антон привык видеть играющих всю ночь друзей родителей с самого раннего детства. Никто не переживал как Таня о том, что дети спокойно не могут спать, что в доме накурено, что мужчины, увлечшись, ругаются матом. Никто от этого ещё не умер. Он хотел пригласить друзей без согласия жены, но боялся, вдруг она выгонит их и опозорит его перед всеми. Это его злило. И он ей мстил.

Таня чувствовала себя несчастной. Мужчины приглашали её танцевать, и она пыталась изображать веселье, но истинное её настроение проглядывало сквозь маску. Присутствовавшие давно отметили, что Антон не балует жену вниманием.

Дома Таня с упрёком сказала мужу:

— Ты ни разу за весь вечер не пригласил меня на танец.

Он вспыхнул:

— Ой-ой, не пригласил, тебе вечно не угодить.

— Я не прошу мне угождать.

— А чего ты просишь? Надоела твоя вечно кислая рожа.

Антон стал раздеваться, зло швыряя одежду на стул, а Таня, не желая показывать слёз, ушла на кухню, а когда заглянула в спальню, муж уже спал.

Продолжение в следующем номере.

Любовь УСОВА

“Взмахнула бабочка крылами...”

Вина

Глаза закрываю и медленно еду
по заметённому санному следу.
За полем гречишным, за дальним бугром
стоит, затаившись, бревенчатый дом,

пропитанный запахом вольных хлебов,
хранящий преданья, печаль и любовь.
Навстречу ветрам подымаю лицо —
никто не выходит встречать на крыльцо,

не вспыхнул в окне огонёк средь ночи,
хоть вой от тоски, хоть от боли кричи.
Лишь звёзды мерцают.
Товарка-луна
гуляет меж туч одичалых одна.

Куда ни посмотришь —
столикакая тень
накрыла немало таких деревень.
Забыл хлебопашец своё ремесло,
от этого город стальной затрясло.

И в мирное время не счесть нам потерь.
Открою гвоздями забитую дверь,
а там, где есть крыша, и стены, и печь
опять вознесётся родимая речь,

опять защебечут птенцы по весне.
Но душно... но горько... но муторно мне...
Продрогнув, сижу, как сова, у огня.
По белому свету кочует родня,

забытые предки в затылок глядят:
— Пошто нарожали столь хлипких ребят?
Не могут свой кров от беды заслонить...
Тончает надежды последняя нить.

Назад между ёлок всклокоченных еду
по зыбкому насту, размытому следу.
И побоку скачет, темна и длинна,
неясная чуждому взору вина.

Жизнь

Владимиру Гундареву

Жизнь, полная надежды и любви...
Случайным вздохом связь не оборви
с пыльной ромашки, полыханьем гроз
и с деревенькой, где когда-то рос.

Жизнь, полная лишений и любви,
замешанная часто на крови, —
то войны, то разруха. Красный цвет
вдруг затопил страну на много лет.

Жизнь, полная смятений и любви...
Судьбу свою счастливой назови,
пусть пуля пролетит наискосок,
и лишь мечта посеребрит висок.

Жизнь, полная тревог, забот, любви...
Раскрой объятия и взахлёб живи,
чтоб выплеснулись чувства через край,
и солнечную славу забирай!

Проводник

Мне Господь диктует в полночь строки,
искорки мерцают на столе,
и бегут по чутким пальцам токи,
вспыхивает зарево во мгле.

И на свет любви маняще-жаркий
потянулись бедам вопреки
пастухи, старатели, кухарки,
на фелюге старой моряки.

Средь песков из мёртвого кристалла
вдруг забил живительный родник,
я к нему с надеждою припала —
меж землёй и небом проводник.

И звучало над пустыней Слово,
и лучи скользили без конца,
и уже расплавиться готова
пуля для поэта и певца.

Бренна жизнь. Поэзия бессмертна.
Ангелы толпились у ворот,
и стихи запоминал усердно,
как молитву, праведный народ.

Печального старца крылатая тень

*“Адам бол! — будь человеком”, —
так напутствовал Абай.*

Ударил молния. Старец стоит
в клубке потрясений, раздумий, обид.

Когда же наступит любви торжество?
Чингисские горы — обитель его.

Цепляясь руками за звёздный карниз,
спускались к нему Фирдоуси, Хафиз.

И Пушкин в казахскую степь прискакал,
где кюй в честь него сочинял аксакал.

Обнявшись, гуляли под бледной луной,
измучены славой, свободой, виной...

Неужто народ не достиг высоты,
с которой зриаешь, как мученик, ты?

Но солнце Востока взвалив на хребет,
мчит барс белоснежный сквозь хмурый рассвет.

На горной вершине остался Абай,
другие, наверно, отправились в рай.

Великую Степь охраняет ночь-день
печального старца крылатая тень.

Диане

Тебе сегодня двадцать!
И надо просыпаться,
и стоит улыбаться, —
в окно стучит весна!
Как небеса велели,
ты в мартовской купели
была окрещена.

Хоть нынче век суровый
и с ног сшибает снова, —
не трусь и не лукавь.
Мы до вершины снежной
торопимся неспешно
и по земле и вплавь.

И тот мудрец, что рядом,
одарит строгим взглядом,
расчистит трудный путь.
Когда взлетишь высоко
или нырнёшь глубоко, —
о доме не забудь.

Назначен бал на вечер,
где музыка и свечи,
поверь — прекрасна жизнь!
Ты — мой источник стресса,
ты — двигатель прогресса,
ты — юная принцесса,
кружись,
кружись,
кружись!

Страна Поэзия

Строки выверены сердцем
до последней запятой,
каждый может отогреться
красотой и добротой.

Здесь не встретишь зла и фальши,
но в почёте ум и труд.
Отдохнул и следуй дальше,
не окончен твой маршрут.

Будут взлёты и паденья,
и вонзятся стрелы в грудь.
Божья искра вдохновенья
освещает мглистый путь!

Памяти поэта Руфи Тамариной

Очнулась средь пепла: — Тревога! —
Шептала молитвы свои.
Петляла в руинах дорога,
где жарко дымились бои.

Земля прогибалась под грузом,
и смерчи крушили судьбу.
Чуралась предателей-трусов,
а слабых несла на горбу.

Ей, девочке, стукнуло двадцать.
К лицу ли солдатский прикид?
Ей лучше б в саду целоваться
и слушать, как море шумит.

Навеки сестра милосердья,
заступница, воин, поэт!
... Как больно и горько, поверьте,
встречать сквозь решётки рассвет...

В неволе и в рубище тесном
меж рифов сумела проплыть.
А я бы могла на том месте
вождей и простить и забыть?

Она улыбнулась бесстрашно,
свой крестик сжимая в горсти,
взлетела над рощей, над пашней,
и след в облаках не найти.

... Погасла мятежная свечка,
стою на ветру ледяном.
Но доброе наше словечко
услышит и в мире ином.

2005 г.

Указ

И самый лютый изо всех царей,
бунтовщиков сославший по острогам
и не читавший сроду букварей,
издал Указ в империи своей:
Поэтов и юродивых — не трогать!

***

Средь лампад,
берёз и лип
страстный шёпот,
горький всхлип.
Свято веря в небеса,
век молились голоса.
Звёзды падают в обрыв,
тайну исповеди скрыв.
В бурной речке — тень Голгофы
за пронзительные строфы.
Впереди тернистый путь.
Не отречься. Не свернуть.

Романс

Рассекая сумрак зыбкий,
мы летели в небесах,
заливаясь, пели скрипки.
Наше счастье и ошибки
кто-то взвесил на весах.

И отправил на свиданье
без вины и ворожбы,
закружились в мирозданьи
среди яркого сиянья
две песчинки, две судьбы.

Приземлились — стихли звуки,
обступили холода.
Вы мои согрели руки,
но кричали о разлуке
корабли и поезда.

Вы опять умчались в дали,
вы сказали: селяви.
Но навряд ли там встречали
сердце, полное печали,
сердце, полное любви...

Посвящение

Поэту М. Балькину

Осилив прошлое с трудом,
войдите в мой холодный дом.
Всё прежнее — ничто.

Дыхание переводя,
смахните капельки дождя
с колючего пальто.

Скажите так: я стар и сед,
мне много зим и много лет,
а ты — весенний штрих.
К лицу ль мне время двигать вспять,
с волшебной палочкой гулять
и бормотать твой стих?

Согласно головой кивну,
светясь, приветствуя весну
в тех стенах, что тесны,
и стану голосом звенеть,
глазами нежно зеленеть
без страха и вины.

А Вы садитесь у огня,
глядите молча на меня,
сушите башмаки.
И, спохватясь, из вечных книг
прочтите в сей блаженный миг
две чудные строки.

И двух сердец коснётся пусть
Верлена хмель, Петрарки грусть,
возникшие из тьмы.
Признайтесь мне, мой дорогой,
в каком столетье, в час какой,
где разминулись мы?

Спасибо, любовь

В жару появилась снежинкою белой
и горько пахнуло зимой.
Зачем ты кольцо золотое надела,
ведь это подарок не мой...

Воинственный Марс изготовился к бою,
и схлынули краски с лица.
Неужто другой будет рядом с тобою
да после венца...

Ты помнишь — скакали верхом без оглядки
в безбрежную даль.
Смятенье, и слёзы, и мокрые прядки, —
всё скрыла вуаль.

Склонившись, целую невинные руки,
прощай, моя нежность и боль!

Паденье и взлёты, восторги и муки
слились воедино — ЛЮБОВЬ.

Ни словом, ни действием вовек не обижу,
хоть глыбой придавит беда,
как жаль, что тебя никогда не увижу,
уже никогда.

Звезда полуночная искрами брызнет.
Потерь и ошибок не счесть.
Спасибо, ЛЮБОВЬ, что была в моей жизни,
спасибо, что будешь и есть...

***

Взмахнула бабочка крылами —
в горах случился снегопад,
на волю вырвалось цунами,
сверкнула молния над нами,
запнулись путники о клад.

И лики прослезились в храме,
что ждёт: прощенье иль беда?
Пропавший сын вернулся к маме.
Взмахнула бабочка крылами —
на небе дрогнула звезда.

Птица Счастья

Удача ускользала вновь и вновь
и разбивалась волнами о скалы.
Я птицу Счастья в зарослях искала,
свои колени обдирая в кровь.

Кто помнит след? Крестьянин поплевал
на руки и взмахнул косою острой,
в траве змея скользнула лентой пёстрой.
Нет, чудо-птицы сроду не знавал.

Кто видел тень прозрачного крыла
и, может быть, выслеживал с ружьишком?
Она казалась осторожной слишком,
но где-то ведь и ела и пила...

Один старик, заросший до бровей,
в ответ на мой вопрос вздохнул устало:
— Кажись, намедни птица пролетала,
не разглядел — скворец аль воробей.

Пока я шла не час... не день... не год...
Уже над головой набрякли тучи.
Но кто-то пел в тех зарослях дремучих,
и простиралась песня до высот!

***

В дикой зоне ширпотреба
упасут от немоты
птички, солнышко и небо,
и зелёные цветы.

Бабье лето

К нам спустилось бабье лето,
излучая дивный свет.
Мимоходом путник-ветер,
свежих сил набравший где-то,
с плеч унёс десяток лет.

Я на площади кружилась,
как оранжевый листок.
Милый мой, скажи на милость,
я, наверно, заблудилась, —
где тут запад, где восток?

Табор птиц. Тепло улыбки,
как магнит, прильну к лучу.
Я за все свои ошибки,
не торгуюсь, заплачу.

В длинном платье бабье лето,
на запястьях — серебро.
И на счастье нет запрета,
сердце нежностью согрето,
и в глазах сквозит добро.

А цыганка молодая
мне кричит протяжно вслед,
но, на картах не гадая,
бабье лето, увядая,
дарит всем прощальный свет..

***

Это я!!
Хохочу до упаду
и, цепляясь ногой за ограду,
рву подсолнухи, маки, чабрец,
заслужила с рожденья награду, —
соловьиную слушать руладу,
рядом — мама и воин-отец.
С давних пор, заплаутовавшись в веках,
эхо бродит в алтайских белках.

Это я!
Унесённая ветром
под шатёр казахстанских небес,

подрастаю с кочевником-кедром
и не вижу надежды провес.
Я бренчу на расхристанной лире,
и души нет доверчивей в мире.

Это я.
Вплывь гребу осторожно
через море проклятий и лжи,
лава чувств ищет выход порожний
и сметает вокруг миражи.
В лабиринте сомнений и зла
за собой волоку два крыла.

Это я..
Вся в колючках и шрамах,
да в наколах нещадной судьбы
роль заглавную выбрала в драмах,
исторгая печаль из трубы.
Я б давно провалилась сквозь землю
иль сгорела в мороз от стыда,
только щебету детскому внемлю.
Ангел мой!
Прилетай иногда...

Сокровенное

Стали чаще открываться небеса,
слышу-слышу по-над тучей голоса:
то ли матушка, жалеючи, вздохнёт,
то ли бабушка на выручку плывёт,
то ли братец на свирельке заиграет —
и рысак в конюшне чутко замирает,
то ли тот, кто вечный мытарь и поэт,
сочиняет во спасение сонет.
Но грохочет над судьбинушкой гроза,
и забыться, и укрыться здесь нельзя.

Всех, кого давно любила и простила,
в небеса, как птицу счастья, отпустила.
И страдает, и поёт моя душа,
спозаранку по делам земным спеша.

г. Темиртау
Карагандинской области.

Марат ВАЛЕЕВ

Михалыч и Митяй

Рассказ

Ногу Виктор Михайлович Бельский, а попросту — Михалыч, надо признать, потерял глупо — когда ещё лет пятнадцать назад вдруг начал хромать, хирург в районной больнице сказал ему, что это болезнь сосудов, эндартериит. Она практически неизлечима, но если бросить курить, то её можно хотя бы остановить.

Михалыч регулярно, раз в год ложился в больницу под капельницу, дисциплинированно принимал прописанные ему лекарства, но с куревом так и не смог расстаться и потому хромота его всё усиливалась. Ходил он уже с большим трудом, а вскоре и вовсе не смог наступать на правую ногу: ступня распухла и страшно болела. Началась гангрена, и ногу ему, в конце концов, оттяпали, причём выше колена. Вот только тогда Михалыч всё же бросил курить. Потому как если бы не бросил, вполне мог расстаться и со второй конечностью, которая тоже болела. Хотя и поменьше, чем бедная правая, где-то теперь уже похороненная или сожжённая в печи больницы котельной, царствие ей небесное. О судьбе отрезанной ноги Михалычу в больнице не сказали, да он как-то и не заморачивался на эту тему, и вспоминал о ней лишь в придуманной им “шутке чёрного юмора”, когда мог для красного словца ляпнуть, что одной ногой он уже “там”.

Отказ от курева Михалычу дался нелегко. Беда ещё была в том, что почти год он сиднем просидел дома, ожидая, пока чудовищный шрам на ноющей культге окончательно заживёт, чтобы затем можно было ехать в областной город на протезирование. Жена Тамара с утра уходила на работу в детский сад, которым она заведовала, и возвращалась лишь после шести часов вечера. Предоставленный сам себе, Михалыч угрюмо сидел дома один, мучаясь от желания закурить. Одиночество ему скрашивали книги, телевизор да толстый и ленивый, но очень ласковый кот Митяй. Предполагалось, что он принадлежит к серой русской породе, хотя никаких документов по этому поводу на него не имелось. А произвела его на свет полусиамка, полу-неизвестно-кто Мотя, когда Михалыч был ещё на своих двоих и добросовестно трудился бульдозеристом в мехколонне на строительстве автозимников. Эту диковатую голубоглазую кошку, “если что”, без раздумья пускающую в ход когти и зубы, Тамара принесла с работы, чтобы навести укорот на разгулявшихся в их квартире мышшей. Двухэтажный дом на восемь хозяев, среди которых значились и Бельские, был

**Марат
Хасанович
ВАЛЕЕВ**

— по рождению казахстанец. Работал в газетах Железинки, Экибастуза, в “Звезде Прииртышья”. Закончил КазГУ. С 1989 года проживает в России, является редактором газеты “Эвенкийская жизнь”. Печатался и печатается в “Шмеле”, “Литературной газете”, “Советской России”, “День и ночь”, “Колесе смеха” и т. д. Автор трёх юмористических сборников. Серебряный призёр международного литературного конкурса “Золотое перо Руси-2008” в номинации “Юмор”.

В “Ниве” впервые опубликовался в № 4 за 2009 год.

выстроен из деревянного бруса, как и практически всё жильё в этом северном посёлке, и с годами огромное число пустот в его перекрытиях, в стенах за листами сухой штукатурки дружно заселили мыши и даже крысы, и без конца что-то там грызли, точили, шуршали, а ночами смело объвлялись на кухне с целью чем-нибудь поживиться.

***

Мотя оказалась свирепой и азартной охотницей и быстро навела порядок в квартире своих новых хозяев, всего лишь за неделю изловив с пятток штук мышшей. Остальные насмерть перепуганные обитатели застенков и подполья надолго притихли в своих пустотах и передвигались там только на цыпочках, потому что Мотя, заслышав шорох, тут же бросалась к подозрительному участку квартиры и надолго замирала там в засаде. В такие минуты она почти не дышала и не двигалась, вперив горящий и неподвижный взгляд в одну точку. Уносить Мотьку обратно в садик, где кошек и так было хоть отбавляй — какие сами прибывались, на запах кухни, каких втихомолку кто-то подбрасывал ещё несмышлёными котятами, — было жалко, настолько привыкли к ней. Так и прижилась она у Бельских. А вскоре выяснилось, что Мотька, оказывается, беременна!

В положенное время она сама забралась в специально оборудованную Тамарой картонную коробку и без особой натуги произвела на свет четверых слабо пищущих слепых котят самой разной расцветки, впрочем, совершенно не похожих на Мотьку.

Один из них, головастый и в серую полоску, оказался самым крупным, это и был будущий Митяй. Вот его, после ряда совещаний, Бельские всё же решили оставить, а оставшихся троих, когда они немного подросли, с большим трудом растолкали по знакомым. Митяй менее чем за год вымахал в крупного вальяжного котяру. Ещё бы: он один за четверых сосал мамкины, то есть Мотькины, титьки. Даже когда прошёл положенный срок “грудничкового” возраста, Митяй бесцеремонно заваливал мамку набок и, обхватив её толстыми лапами, припадал к одному из сосков — причём уже явно пустых! — и с наслаждением чмокал. Мотька сначала злилась, а потом смирилась и принимала эту процедуру покорно. Как массаж. Дальше — больше. Дойдя до половой зрелости, этот греховодник в кошачьем обличии избрал объектом для своих сексуальных утех её же. То есть мать свою, Мотьку.

***

Бельские сначала не поверили. Думали, это у них игра такая. Но когда Митяй и раз “слазил” на Мотьку, и два, а та, как и полагается кошке, каждый раз в конце сих подозрительных упражнений удовлетворённо мурчала и начинала кататься по полу, Бельские возмутились и решительно пресекли этот кошачий инцест. Тамара отдала Мотьку одной из своих сотрудниц, давно высказывавшей желание занять сиамку, пусть и полукровку. И вот Митяй остался в их доме один и жил долго и счастливо много лет, пользуясь особым покровительством хозяина. Михалыч был, что называется, кошатником. Может быть, потому, что по зодиаку сам был Котом. И Митяй тоже выделял Михалыча: всегда лез под руку хозяина, чтобы тот его погладил, “почухал” мягкое толстое брюшко. А стояло Михалычу прилечь на диван, как Митяй, довольное урча, тут же по-хозяйски располагался на его груди — подремать часок-другой. И всем было хорошо, и все

были довольны. Но с годами Митяй состарился, у него начали болеть зубы, это было понятно по тому, как он во время еды всё чаще взрыкивал и отскакивал от своей тарелки с мясом, а изо рта у него начало неприятно пахнуть. Митяя несколько раз пришлось относить к ветеринару. Тот нашёл у кота пародонтоз и под наркозом несколько раз удалял ему зубные камни и наиболее расшатавшиеся зубы. Но всё равно Митяй к пятнадцати годам своей долгой кошачьей жизни утратил возможность кусать мясо, а ничего другого он признавать не хотел, в том числе и появившиеся в последнее время кошачьи консервы, и Михалыч специально для него вертел фарш из дикой оленины. Благо что её здесь было хоть завались — не так далеко от посёлка пролегал вековой миграционный путь огромного стада “дикаря”, которого местные промысловики добывали для продажи населению. Совсем незадорого, по сравнению с привозными свиной, говядиной и птицей.

Сосед Михалыча, безобидный пьянчужка Сеня Шатунов, который, как ни зайдёт, всё заставлял Михалыча у мясорубки, не раз советовал ему отнести Митяя к ветеринарам и усыпить “к чёртовой матери”.

— Сеня, иди ты сам к чёртовой матери, — сипел потный Михалыч, с трудом прокручивая едва отошедшие после морозилки куски оленины. — А если тебя усыпить?

— А меня-то за что? — искренне удивлялся Сеня. — Я — человек!.. Михалыч, я чё зашёл-то. Стольника не будет, до полочки? Лучше бы, конечно, двести. Но если дашь хотя бы сто пятьдесят, я не обижусь...

Щупленький Сеня со своей дородной женой Варварой жили напротив Бельских. Варвара устала бороться с Сениным алкоголизмом, а потом и сама стала с ним попивать. Но на опохмелку денег ему никогда не давала. А, встав с утра пораньше, пока Сенька, дёргаясь и скрипя зубами, ещё досматривал свои утренние похмельные кошмары, быстренько убегала на работу, в местную пекарню, где отпивалась чаем с ванильными булочками. От Варвары всегда вкусно пахло свежеспечённым хлебом и ванилью. И сама она была как булочка — румяная, пухленькая. Но Сеньке давно уже было на неё наплевать. Впрочем, как и на других женщин.

***

Он слесарил на дизельной электростанции, там женщин не было. С работы домой Сенька частенько возвращался уже пьяным, с белыми глазами и никого вокруг не видел. Так что после стольких лет пьянки — а из своих сорока пяти лет Сенька пил уже никак не меньше сорока, — подложи ему хоть эту тёмную из “Виа-Гры”, хоть последнюю “Мисс Мира”, эффект был бы одинаков. То есть, никакого эффекта. Одна отрада осталась у Сеньки в жизни, после тесного общения с которой он шёл к Михалычу — в их доме только Михалыч ещё не отказывался давать ему в долг. А у Михалыча деньги водились потому, что кроме “инвалидской” пенсии он получал ещё зарплату как сторож детского сада, куда его устроила жена. Садик был буквально через дорогу, и Михалычу не составляло особого труда, нацепив неудобный протез и опираясь на трость, доковылять туда один раз в трое суток и провести там ночь. А так как у Михалыча руки росли откуда надо, он время своей сторожевой вахты коротал за починкой детских стульчиков, шкафчиков и прочей поломанной мебели. За что заботливая и справедливая заведующая садиком в лице жены Тамары приплачивала ему уже отдельно. Конечно, всё заработанное Михалычем шло

в семейный бюджет, которым, как и полагается, ведала рачительная супруга. Но пару-тройку сотен рублей — на газеты там, банку-другую пива раз в неделю, — ему с полочки или пенсии милостиво разрешали оставлять при себе. Так что Михалыч мог себе позволить дать займы Сене Шатунову из своих карманных денег. Тем более что Сеня никогда не забывал вернуть их. Правда, не “завтра”, как он божился, приплясывая на пороге кухни от нетерпения, а чаще всего через месяц-другой. Но ведь возвращал!

***

Однако вернёмся к Митяю. К проблемам с зубами у дряхлеющего кота добавились ещё трудности с почками и памятью. Митяй стал помногу мочиться, причём упорно — не в туалетный лоток, а рядом. Когда был здоровым и молодым, в туалет ходил, можно сказать, показательно, демонстративно громко шурша выстланными газетами — дескать, смотрите, хозяева, какой я хороший. А впав в старческий маразм, старался выбрать момент, когда рядом никого нет, и прудил рядом с лотком на пол. Кот был крупный, и лужа после него образовывалась большущая, невозможно вонючая и с длинными, на всю прихожую, красноватыми потёками. В ветлечебнице, куда хозяйка снесла Митяя в очередной раз, ему сделали “Узи” и сообщили, что это всё, увы, старческие хвори, которые уже и лечить-то бесполезно и которые уйдут только вместе с недалёкой кончиной кота. И предложили эту кончину ускорить прямо тут, за небольшую плату, чтобы и сам кот больше не мучился, и хозяев освободил от мучений. Но Митяй всё ещё был дорог не только Михалычу, но и самой Тамаре, которого она вырастила, можно сказать, с младенческих когтей. И потому она гневно отвергла милосердное предложение ветеринаров и настояла на том, чтобы ему всё же выписали какие-нибудь лекарства. Уколы Тамара делала Митяю дома сама — наловчилась на Михалыче, когда тот на перемену погоды начинал корчиться от фантомных болей в отсутствующей ноге, и экзекуцию эту кот переносил довольно мужественно. А вот заставить его глотать лекарства было практически невозможно: кот ошалело пучил глаза, шипел и плевался не хуже верблюда. Впрочем, лечение никак не сказалось на его периодичности опорожнения мочевого пузыря. В тех же количествах и на том же месте. То есть на пол.

***

Михалыч, совестясь за своего любимца и жалея жену, первое время сам пытался протирать полы. Но пару раз поскользнулся и навернулся с костылей так, что чуть не сломал последнюю ногу. Потому все мочевые потоки, шипя сквозь зубы матерные слова, собирала половой тряпкой Тамара и затем долго намывала пол с хлоркой и разными там ароматизаторами. А на другой день всё повторялось — подлый Митяй улучал момент и снова тихой сапой шёл на мокрое дело. Из-за всего этого в квартире, как её ни проветривали, воцарился устойчивый специфический запах, и Бельские перестали приглашать к себе гостей, а незваных просто не пускали дальше порога. Кроме Сеньки — тот был свой человек.

А тут жена Михалыча улетела на недельку “на материк” — в город, вроде как по делам, но на самом деле проведать сына-студента. Михалыч остался дома один с Митяем. На второй день заявился Сенька — опять перехватить “до завтра” стельник-другой. Михалыч посмотрел-посмотрел на небритого, но весёлого соседа — с похмелья тот, как ни странно, почему-то всегда был весел, — махнул рукой и дал ему пятьсот рублей.

Сенька не поверил своим глазам:

— Михалыч, завтра я тебе столько не верну. Послезавтра, ладно?

— Не надо ничего возвращать. Купи пару бутылок нормальной водки, да дуй ко мне, — распорядился Михалыч. Посидели они в тот день хорошо, поговорили по душам, если это можно было только назвать разговором: от постоянного соседства с громыхающими дизелями Сенька был глуховат, и поэтому и сам всегда орал при разговоре, и ему приходилось кричать, чтобы он что-то слышал. Их содержательную беседу прервала пришедшая с работы Сенькина жена Варвара. По несусветному ору, доносящемуся даже из-за двойных дверей квартиры Михалыча, ей не составило труда найти местопребывание непутёвого муженька и утащить его за шкирку домой. Михалыч запер дверь за удалившимися супругами Шатуновыми и отправился спать. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как костыли его, попав в очередную митяевскую лужу, разъехались, и Михалыч с грохотом свалился на пол. Причём получилось так, что сел он на шпагат в центре самой мочевой лужи. Такого вопля их дом, пожалуй, не слышал уже давно.

— Митька, сволочь, я убью тебя! — ревел Михалыч, ворочаясь в луже и пытаясь встать. — Только попадись мне, придушу, сукин кот!

***

Но Митяй, не будь дураком, уже прятался где-то в глубине квартиры. Вот ведь скотина: явно понимал, что делает что-то не так, поскольку хозяйева, обнаружив очередную его “роспись” на полу, всегда громко ругались и, изловив, тыкали его мордой в свежую лужу, приговаривая: “Сюда нельзя! Нельзя!! Нельзя, Моть твою мать!!!”. Митяй, несомненно, признавал свою вину, но из-за какого-то сдвига, произошедшего на старости лет в его кошачьей башке, ничего с собой поделывать не мог и продолжал дуть на пол. И в том, что он сделал это и сегодня, ничего особенного не было. Так, может быть, думал спрятавшийся под кроватью и угрюмо дремавший Митяй. Но Михалыч, с трудом вставший с пола и чувствуя по сильной боли в месте приземления, что он не только ушиб копчик, но и растянул какое-то сухожилие, уже принял для себя конкретное решение, воплощение которого отложил до утра. Охая на каждом шагу, он доковылял до ванной, тщательно помылся под душем и замочил на ночь в растворе стирального порошка перепачканную в кошачьей моче одежду. Потом, сидя на стуле и на нём же рывками передвигаясь, всё же протёр пол в прихожей и только тогда отправился спать на диван у работающего телевизора. Уже засыпая, почувствовал, как выбравшийся из своего укрытия Митяй запрыгнул на диван. Он вначале постоял пару минут в ногах хозяина, дожидаясь его реакции, и лишь потом уверенно взобрался на его укрытую пледом грудь, уютно свернулся клубком и громко замурлыкал.

— Сволочь ты, Митяй! — пробормотал Михалыч, но кота на груди оставил и провалился в глубокий сон.

***

Разбудил его настойчивый стук в дверь. Сенька, больше некому. Михалыч повернулся на другой бок, пытаясь снова заснуть. Но Сенька продолжал избивать дверь. И Михалыч тут же вспомнил о своём вчерашнем решении. Он сел на диване, потряс головой, сделал пару резких вдохов-выдохов. Голова была в порядке, лишь тупо ныла растянутая при вчерашнем

падении промежность. И решение, принятое Михалычем, никуда не ушло, а прочно сидело в его голове. Видать, оно исподволь зрело в сознании Михалыча, просто он не хотел себе признаваться в этом. А теперь вот созрело окончательно и требовало реализации, иначе — ну просто уже никак. Михалыч вздохнул, натянул треники, привычным жестом заправив пустую правую штанину за резинку пояса и, постукивая костылями, пошёл открывать дверь. На пороге в длинных семейных трусах, из которых торчали худущие ноги в реденьких светлых волосиках, в майке навывпуск стоял всклокоченный Сеня.

— Михалыч, у нас там ничего не оставалось, а? — просительно выдавил он серыми губами.

— Не знаю, проходи, сейчас посмотрим, — посторонился Михалыч, пропуская Сеньку. — Что, опять на работу не пошёл?

— Отгул взял.

На неубранном столе, среди тарелок с малосольным сигом, солёными груздями и кусками варёной оленины, стояла бутылка с недопитой водкой. Там было ещё граммов сто-сто пятьдесят.

— Пей, я не буду, — сказал Михалыч. — И потом оденься и возвращайся ко мне. У меня дело к тебе есть.

— Я сейчас, Михалыч, сейчас! — обрадованно заторопился Сенька, проглотил остаток водки и, не закусывая, побежал домой.

Михалыч вытащил из холодильника пакет с фаршем, позвал громко: — Кис-кис, Митюша, кис-кис! Иди ко мне, завтракать будем!

Митяй не заставил себя долго ждать и с громким “Мя-я-я-я!” тут же объявился на кухне, с мурлыканьем стал тереться об единственную ногу Михалыча. Михалыч сел прямо на пол и, доставая из пакета маленькие кусочки фарша, скатывал их между пальцев в шарики и по одному подавал на ладони коту. Митяй жадно схватывал этот мясной комочек и, проглотив, терпеливо ждал следующего. А если давать ему есть фарш из кучки, глупый Митяй набивал полный рот и мясная масса давила ему на большие дёсны, отчего он начинал вертеться на полу, плевать и кричать от боли. Накормив кота, Михалыч спрятал пакет обратно в холодильник. Потом помыл руки и приготовил большую сумку, в которой Тамара обычно носила Митяя на лечение к ветеринарам. Кот, завидев сумку, побежал прятаться под кровать. Он хорошо знал, чем для него чревато появление этой ненавистной сумки. Сначала его, покачивая, в полной темноте несут в неизвестность, потом чужие люди в белых халатах, в незнакомом помещении с неприятными резкими запахами, насильно раскрывают ему рот и заглядывают в него, подсвечивая себе чем-то ослепительно ярким. Затем следует болезненный укол в бедро, провал в темноту и просыпание уже дома, с тошнотными позывами и мокрой тряпкой на тяжёлой голове, время от времени заботливо меняемой хозяйкой, а ещё эти неприятные ощущения в выскобленной от зубных камней пасти...

***

Стукнула входная дверь.

— Михалыч, я готов! — весело прокричал Сенька. — Куда идти, чего делать?

Всем своим пропитым нутром Сенька чувствовал, что сегодня ему опять достанется дармовая выпивка.

— Подожди, — сердито сказал Михалыч. — Я сейчас.

Он с сумкой проковылял в спальню, сел на пол и заглянул под кровать. Митяй, нехорошо отсвечивая зелёными глазами, сидел в самом дальнем углу.

— Ну иди ко мне, иди, Митюша, — забормотал Михалыч, пытаясь дотянуться до кота рукой. Митяй, чуя недоброе, отполз ещё дальше.

— Я ж тебя всё равно достану! — разозлился Михалыч. И, запустив костыль под кровать, зацепил им кота и подгрёб к себе. Взяв его на руки, уселся с ним на кровати. Погладил по серой взъерошенной спине, по большой круглой голове с прижатыми ушами.

— Ну что, Митяй? Пора тебе, брат. Ну, извини, и прощай! Так надо.

Михалыч поцеловал кота в усатую морду, затолкал его в сумку, вжикнул замком и вынес в прихожую, где его дожидался, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, Сенька.

Сумка заходила ходуном, пытаясь выбраться из неё, Митяй стал хрипло кричать, как будто кто его душил.

— Вот тебе пятьсот рублей, а вот сумка с Митяем, — отрывисто сказал Михалыч, протягивая Сеньке дёргающуюся сумку. — Отнеси к ветеринарам. Знаешь же где? Пусть усыпят. Это стоит рублей полста, не больше. Потом купишь водки — и ко мне, помянем Митяя.

— Ух ты! — почесал в затылке Сенька. — Значит, всё же решил? Ну и правильно. Слушай, а куда девать... Ну, это, тело?

— Куда-куда... Откуда я знаю, куда, — раздражённо сказал Михалыч, болезненно прислушиваясь к воплям ещё живого Митяя. — Земля сейчас мёрзлая, не закопаешь. Снеси куда-нибудь в котельную. Купи мужикам пива, пусть сож... Пусть кремируют. Ну пошёл, пошёл, не рвите мне тут душу!

Сенька часто покивал головой, как китайский болванчик, повернулся и вышел на лестничную площадку. Дёргающаяся сумка тяжело оттягивала ему руку. Митяй, не прекращая, приглушённо выл в своём тесном и тёмном узилище. И это удаляющееся с каждым шагом Сеньки завывание в самом деле рвало и когтило душу Михалыча. Хоть и надоел ему до чёртиков Митяй, было его ужасно жаль. Всё же какая-никакая, а живая, более того — родная душа... А что он скажет жене? Что умер? “А как умер, от чего умер? От старости? А может, это ты его костылём забил, когда больной бедолажка Митюшка сделал очередную лужу?” — с подозрением заглянув в глаза Михалычу, скажет Томка. И ведь будет укорять его в смерти кота до конца дней, хотя сама же и страдала от его старческого маразма. А кто ляжет на грудь Михалычу приятной тяжестью и смурлыкает ему перед сном котофеевскую песню, легонько когтя его перед этим? Чёрт, это невозможно!

***

Слышно было, как хлопнула за Сенькой тугая, на пружине, дверь, и Митяевских жалобных воплей почти не стало слышно. Сенька же сейчас свернёт за угол и исчезнет! А с ним и бедняжечка Митяй, который жил с Бельскими душа в душу целых восемнадцать лет и которого Михалыч недогнувшей рукой отправил на казнь! Вот именно — на казнь! А вдруг он ещё будет живой, когда Сенька понесёт его, усыпленного, в котельную и отдаст кочегарам на сожжение?

Ну не сволочь, а? Михалыч скрежетнул зубами, смахнул с небритой щеки выкатившуюся злую слезинку и в два широких взмаха костылей оказался на кухне, пододвинул к окну стул, взгромоздился на него и,

балансируя на одной ноге, торопливо стал дёргать на себя примёрзшую за ночь внутреннюю фрамугу форточки, толкнул на улицу наружную. Ворвался морозный воздух, пахнувший угольной копотью от соседней котельной. Михалыч просунул всклокоченную голову в форточку, завертел ею в поисках Сеньки. Но того уже нигде не было. Ушёл! А до ветеринарной клиники пройти — всего ничего, метров двести. Надо позвонить туда, сказать, чтобы они ничего Митяю не делали и отправили Сеньку обратно домой. С котом! Так, где же справочник? А, вот. А как зовут их главного врача? Вспомнил — как их районного главу, Борис Иванович! Сейчас, сейчас, Митюша, ты будешь скоро дома, и папочка покормит тебя твоим любимым фаршиком.

Михалыч потянулся за трубкой, и аппарат неожиданно зазвонил. Настолько неожиданно и резко, что у Михалыча даже неприятно подпрыгнуло сердце, и он отшатнулся от стола. Снял трубку. Звонила его благоверная. Сообщила, что послезавтра вылетает, что насчёт машины договорилась сама в управлении образования и в порту её встретят. “Ладно, ладно, — торопливо сказал Михалыч, — мы ждём, извини, у меня что-то живот разболелся”. Нажал на рычаг и стал набирать номер ветеринарной клиники. Набрал, подождал соединения, но из трубки послышались короткие гудки. Занято! Но как же так, он же не успеет! Чуть не плача, дрожащим указательным пальцем снова стал нетерпеливо набирать номер. Диск вращался очень медленно, пару раз сорвался, и номер пришлось набирать вновь. Наконец, соединение... Слава тебе господи, пошёл длинный гудок! Гудок, ещё гудок. Но почему же никто не берёт трубку? А, нет, взяли!

***

— Ветеринарная клиника, слушаю вас, — сказала трубка низким женским голосом. Видимо, медсестра.

— Это... Как мне услышать вашего главного врача, Бориса Ивановича? — хрипло спросил Михалыч.

— Он сейчас не может подойти. У него операция.

— Какая ещё операция? Что, уже моего Митяя усыпляют? — закричал Михалыч.

— Какого ещё Митяя? — удивились в трубке. — Кобельку тут одному уху зашивают, порвали в драке. Не помню, как его зовут, но точно не Митяй.

— Уф-ф! — вытер вспотевший лоб ладошкой Михалыч. — Послушайте, как вас зовут... Ирина Петровна, тут к вам должен подойти один мужичок с котом в сумке, зовут его Митяй.

— Кого, мужичка?

— Да нет, мужичка зовут Сенька... Вернее, Семён. А в сумке у него кот. Вот тот Митяй.

— Подождите, подождите, — сказала Ирина Петровна. Слышно было, как она спросила кого-то: “Мужчина, это не вы Семён? Да вы что, глухой? Вы, говорю, Семён? И в сумке у вас кот Митяй?”. И опять в трубку:

— Пришли ваши Семён с Митяем. И что?

— Дайте ему трубку! — обрадованно сказал Михалыч.

— Алё, кто это? — просипел Сенькин голос. — Говорите громче, вас не слышно!

— Сенька, глухая ты тетеря! — весело прокричал в трубку Михалыч. — Всё, акция отменяется! Дуй с Митяем домой! Домой, тебе говорят!! Ну, зайди, зайди по пути в магазин...

Пить с Сенькой в этот раз он не стал — отдал ему только что купленную им бутылку целиком, и Сенька, не веря своему счастью, торопливо ушёл домой с водкой под мышкой. А Михалыч на кухне осторожно извлёк уже охрипшего от ора Митяя из сумки и сел с ним, как обычно, на пол перед извлечённым из холодильника пакетом с оленьим фаршем.

— Давай, брат, порубай оленинки-то, и спать, — виновато бормотал он, подсовывая мясные катышки под обиженную Митяевскую морду. Но Митяй нервно дёргал хвостом и усами и отворачивался от руки дающего.

— Обиделся, да? Обиделся. Эх, ты! — укоряюще сказал Михалыч, поглаживая кота по взъерошенной спине. — Это я на тебя, между прочим, обижаться должен. Чуть калекой из-за тебя не стал, до сих пор копчик и всё, что рядом, болит. Ну ладно, ладно, всё, мир! Живи, никто тебя больше не тронет. Иди, отдыхай. Потом поешь.

И Митяй, осторожно ступая, ушёл с кухни. Михалыч вздохнул и включил чайник, потом — маленький телевизор, стоявший на морозильной камере. Но и сквозь шум закипающего чайника и грохотание какой-то войнушки по НТВ он расслышал характерные звуки. Это Митяй часто-часто скрёб когтями линолеум в прихожей. А спустя несколько секунд в нос шибануло аммиаком.

— Ну ты и козёл, Митяй! — возмутился Михалыч.

Он вышел в прихожую. Митяя там уже не было, а на полу расплылась огромная лужа. В два раза больше обычной.

— Мстишь, да? — зло сказал Михалыч в пространство, зная, что спрятавшийся под кроватью Митяй всё прекрасно слышит и довольно шурит свои подлиннявшие к старости зелёные глаза. Михалычу ничего не оставалось, кроме как выволочь с кухни стул, сесть на него рядом с поломоечным ведром и в очередной раз взяться за швабру.

***

Закончив с замыванием следов преступления Митяя, Михалыч затем “замёл” и свои, оставшиеся после небольшого загула с Сенькой, и решил вздремнуть. Устроившись на диване, он позвал Митяя — недовольство на старого беспутного кота прошло, а на смену ему пришло умиротворение от того, что Михалыч всё же не совершил злодейство. Ну а то что Митяй продолжал творить свои мокрые дела... Что ж, старость — она никому не в радость. Ещё неизвестно, что будет с самим Михалычем, когда он доживёт до возраста Митяя. Если, конечно, доживёт — по человеческим меркам, коту было уже далеко за восемьдесят.

— Ну иди же ко мне, дурачок, иди, — звал Михалыч, приглашающе похлопывая ладошкой по дивану, — обычно Митяй, услышав этот звук, всегда спешил уютно устроиться на груди своего хозяина. — Кис-кис, Митюша, кис-кис.

Но Митяй не шёл. “Крепко же он на меня обиделся, — сконфуженно подумал Михалыч. — Ещё бы не обидеться — чуть в крематорий не угодил. Ладно, я не гордый, сам к тебе пойду”.

И он прохромал в спальню, опустился на пол, заглянул под кровать. Митяй был там. Он лежал головой к Михалычу, а глаза его были закрыты. Спит, что ли?

— Митяй, а, Митяй? Ты чего это тут разлэгся? Не слышишь, что ли, как тебя папа зовёт? — с охватившим его непонятным волнением

забормотал Михалыч. — Ты что, ещё и оглох, ко всему? А ну вылазь, да пошли на наш диванчик.

Но Митяй молчал. И Михалыч всё понял. Он дотянулся дрожащей рукой до Митяя, пошевелил его ещё тёплое, но уже безжизненное тело. Всё, Митяя не стало. Ошеломлённый Михалыч осторожно вытащил безвольную тушку кота с обвисшими лапами и некогда пушистым хвостом, на котором от старости образовалась большая проплешина, положил его на кровать, присел рядом.

— Вот как, брат, ты решил, — дрожащим голосом сказал Михалыч, поглаживая кота. — Сам, значит, ушёл. Ну что ж, прощай, брат Митюша, и прости меня. И спасибо тебе, что был у нас.

Закончив свою бессвязную прощальную речь, Михалыч нагнулся и коснулся губами мохнатого, остывающего лба Митяя с зажмуренными глазами. На голову кота скатилось несколько слезинок. Вытерев кулаком глаза, Михалыч пошёл за давешней сумкой.

Завтра прилетала Тамара. Митяя надо было похоронить до её возвращения, чтобы она не видела кота неживым. Именно похоронить. Михалыч позвонил начальнику бывшей своей мехколонны, с которым он был в хороших отношениях, объяснил суть дела. Через пару-тройку часов за ним приехал вездеход. Михалыч нацепил протез, оделся и, осторожно ступая со ступеньки на ступеньку, спустился со своего второго этажа с сумкой в руке. Взревев, вездеход вырулил со двора и помчался по малолюдным улицам посёлка на окраину, а затем вообще выехал за его пределы. В паре километров в тайге была вырублена и обустроена большая площадка под учебный автодром. Вездеход пересёк его и спустился к кромке тайги. Под одной из заснеженных лиственниц, плотной стеной подступающих к автодрому, чернела выдолбленная в вечной мерзлоте метровая яма.

— Мужики вот здесь решили выкопать могилку твоему коту. Пойдёт, Михалыч? — почтительно спросил водитель вездехода Андрей. Михалыч кивнул.

— Ну давай своего... своего приятеля, я похороню. Да ты сиди, я сам.

Но Михалыч отрицательно помотал головой и вылез из тёплой кабинки. Неловко шагая по глубокому снегу, он подошёл к ямке и осторожно опустил на её дно сумку с Митяем. Постоял с минутку молча.

— Ну, закапывай, — скомандовал он Андрею, сокрушённо махнув рукой и, тяжело опираясь на трость, побрёл к вездеходу...

***

Вернувшись домой, Михалыч нехотя пообедал позавчерашним борщом, потом лёг на диван и попытался поспать — в эту ночь ему нужно было идти на дежурство в детский сад. Ворочался, ворочался, а заснуть так и не смог — перед глазами всё время стояла добродушная усатая морда Митяя. Да и засыпать он привык, ощущая у себя на груди тёплую тяжесть громко тарахтящего кота — вот такое могучее у него было мурлыканье. “Что за чёрт! — раздражённо думал Михалыч. — Ну, любил я кота. Ну, умер он. Не родственника же похоронил какого, не приятеля. Что ж мне нехорошо-то так, тоскливо?”. Но в глубине души Михалыч прекрасно понимал, что Митяй за эти годы очень глубоко вошёл в его жизнь, в жизнь его жены Тамары, отсюда и эта скорбь. Ещё неизвестно, как Тамара перенесёт кончину Митяя, которого она тоже очень любила, невзирая даже на

его старческую немощь с этими мокрыми последствиями. “Нет, надо будет завести нового кота, желательнее совсем котёнка, чтобы прожил как можно дольше, а ещё лучше — пережил бы меня, — решил в конце концов Михалыч. — И назвать его Митяем”.

Так и не сомкнув глаз до самого вечера, Михалыч затем отправился на дежурство в детский сад. Вот здесь он, наконец, выспался — может, потому, что в садике ему ничего не напоминало о Митяе. Вернувшись с дежурства, он сварил свеженький вермишелевый суп с курицей, настрогал салат из помидоров и огурцов — вот-вот должна была прилететь Тамара. А вот и нетерпеливый прерывистый звонок в дверь — так звонила только она. Михалыч при полном параде — чисто выбритый и наодеколоненный, в свежей рубашке, с пристёгнутым протезом, в выглаженных брюках, — торопливо похромал к двери.

Тамара, вкусно пахнущая морозцем и какими-то тонкими духами — видимо, в городе прикупила по случаю, перешагнула порог. Михалыч снял с её плеча и поставил на пол большую сумку, ещё какую-то коробку Тамара сама осторожно пристроила на тумбу у зеркала, и только тогда позволила себя поцеловать.

— Ну как вы тут без меня, не сильно шалили? — нарочито строго спросила она мужа.

— Да так, — ответил Михалыч. — Немножко. Давай раздевайся, и за стол, пока супчик горячий.

И тут в коробке кто-то зашуршал, запищал.

— Что это? — удивлённо спросил Михалыч.

— Сюрприз! — засмеялась Тамара. — Да ты открой.

Михалыч осторожно отвернул картонную крышку и суеверно отшатнулся: на него смотрел зелёными глазами серый полосатый котёнок, вылитый Митяй в детстве, такой же лобастый. Михалыч вытащил его из коробки, поставил на тумбу. Ну да, Митяй и Митяй, даже окрас ближе к брюшку также переходил из серого в палевый цвет.

— Откуда он у тебя? — потрясённо спросил Михалыч.

Оказалось, что котёнка подобрал в троллейбусе сын, когда возвращался на квартиру из университета. Кто-то намеренно оставил его там. Котёнок ползал под сиденьем и отчаянно пищал. Сердобольный Вадик, которого также поразило сходство потеряшки с Митяем, посадил его в свой рюкзак и привёз домой. Как раз накануне прилёта матери к нему. Ну а уговорить маму забрать котёнка с собой большого труда не составило. Тем более что хозяйка квартиры высказала Вадиду своё явное недовольство присутствием беспокойного кошачьего детёныша в её домовладении.

— Пусть живёт, да, Михалыч? — просительно сказала Тамара, прижимаясь к мужу и поглаживая котёнка по выгнутой полосатой спинке. — Митяй у нас уже старенький, вот-вот, не дай Бог, случится с ним что. А тут его готовое, можно сказать продолжение. Где, кстати, сам-то Митяй? Чего он не идёт знакомиться?

— Вот это и есть наш второй Митяй, — сказал Михалыч. — Ты его вовремя привезла. Ну, иди к папочке, Митюша. Пойдём, я тебя покормлю...

г. Тура

Красноярского края.

Владимир ГУНДАРЕВ

*“Тронуть трепетные
струны
человеческой души...”*

***

Я в твоём пленительном плену.
Я тобой безжалостно пленён.
Зельем лихоманным опоён
Иль хмельным нектаром опьянён —
Коль смотрю на мир сквозь пелену?

Или это божья благодать?
Наважденье ль дьявольское вдруг?
Заколдованный порочный круг
Иль неисцеляемый недуг? —
Нечего терзаться и гадать:

Как бы оно ни было, и впредь
Ничего не изменю в себе.
Радоваться буду и скорбеть,
Выстраданной вверившись судьбе,
Сладкий гнёт безропотно терпеть.

16-17 июля 2010 г.

***

Суровой улыбкой и нежным оскалом судьбы
Довольствуюсь я, — нет от прежних страстей ни следа.
И прожитых лет верстовые мелькают столбы,
И лента дороги уводит меня в никуда.

Подхлестнутый плёткой, вздымается конь на дыбы,
Артачась, летит, разметая копытами грязь,
Потом устаёт, выбиваясь из сил, и смирясь
С суровой улыбкой и нежным оскалом судьбы.

От гонки за призрачной целью и я изнемог.
Как надолбы — путь заграждают вельможные лбы.
Одно утешение — в одолевающих смог
Суровой улыбке и нежном оскале судьбы.

Когда ужаснёшься тому, сколь у нас голытьбы,
А сильные мира — в порочной погрязи гульбе,
Невольно прозреешь — даровано благо тебе
В суровой улыбке и нежном оскале судьбы.

14-15 августа 2010 г.

Откровения

***

Держусь от власти в стороне:
Власть для богатых — не по мне.
Но и она день ото дня
Сильней косится на меня.

***

Я быть богатым не хочу —
Мне этот груз не по плечу.
Иметь достаток не мешало б, —
Но и его не получу.

***

Как клянчит нищий-неудачник,
Так я на это же горазд —
От государства жду подачки,
Ну а оно мне: “Бог подаст”.

***

Россией правят либералы.
Сказать точнее — обиралы.
И торжествует алчный нрав,
Народ до нитки обобрав.

***

Ты, честь свою не уважая,
Извне благоденствий ждёшь,
Другим нескладно подражая,
С чужого голоса поёшь.
Доколе будешь ты бессильной,
Жить, унижаясь и скорбя?
Иди своим путём, Россия,
Надеясь только на себя.

***

Деревню город уничтожил:
Поля бурьяном заросли,
Безлюдье — аж мороз по коже —
И запустение земли.

Селенья брошены. Разруха,
Как будто здесь прошла война.
Ничто не потревожит слуха —
Пугающая тишина.

Так безрассудный сын сурово —
Злодею лютому под стать —
Безжалостно лишает крова
Свою беспомощную мать.

***

Был сызмальства я жизнью битым:
Мёрз, голодал, не видел света...
Теперь вознаграждён за это —
Я стал сибирским сибаритом.

***

Чем больше я читаю книг,
Тем помню их всё меньше.
Чем больше знаю женщин,
Тем хуже разбираюсь в них.

***

Чту литературных гениев,
Перечитываю часто.
Но душе милей Тургенев —
Словно ожиданье счастья.

16-21 августа 2010 г.

Ода воробьям

Воробьи — как евреи — бытуют везде,
На широтах любых, до Полярного круга.
Если туго, то так же поддержат друг друга,
Ни за что не оставят беднягу в беде.

Воробьи — неунывы, их нрав незлобив,
Дружно держатся вместе весёлой ватагой.
На обидчика кинутся с дерзкой отвагой,
По-мужски опекают своих воробьих.

Увлекутся, как дети, вдрут шумной игрой.
К ним напрасно относятся люди предвзято.
Если даже слегка озоруют порой, —
Но ведь это у них от избытка азарта.

Обитатели самых суровых краёв,
Терпеливо зимуют в предчувствии лета.
... Я чем дальше живу в мире суетном этом,
Тем всё больше и больше люблю воробьёв.

24 августа 2010 г.

“Казнить нельзя помиловать”

*Текст без знаков препинания —
это партитура без нот.*

А. Чехов

Стремятся бездари, прикинувшись поэтами,
Каким-то вывертом привлечь к себе внимание.
Их захватило модное поветрие —
Писать стихи **без** знаков препинания.

Теперь поэзию бессмыслица заполнила —
С кокетством и снобизмом графомания.
Осталось лишь достичь абсурда полного:
Писать стихи — **из** знаков препинания.

Примерно так:

“ . — ; ... - , : ! ? ” , —
... ; . - : — , ? ; !!
“ : , . - ... ; — : ?? ” , —
; ... : , - ; . — ... !!!

У модернистов современной выделки
Ум изошрён, а слова нет заветного.
Невольно вспомнишь: голь хитра на выдумки,
Да только проку ни на грош от этого.

28-30 августа 2010 г.

Наказ деда

Напутствовал дед хитроватый,
Мне пальцем с остражкой грозя:
“Откладывать дело на завтра,
А девок на старость — нельзя”.

Всё время я помнил об этом,
И всё же — досадный пробел:
Я справился с первым заветом,
А вот со вторым — не успел.

1 сентября 2010 г.

Без пяти двенадцать

Не надо за будущим гнаться
И рваться вперёд напролом:
Уже без пяти двенадцать,
А бездна — за первым углом.

Ведь с участью не разминуться,
Напрасны пред нею мольбы:
Мгновенье — и стрелки сомкнутся
На циферблате судьбы.

Но в духе извечных традиций
И в самозабвенье святом
День изо дня надо трудиться —
Жизнь не отложить на потом.

И время транжирить негоже,
Безделье и праздность — порок.
Свершить бы побольше, чем можешь,
Суметь за отпущенный срок.

В любви напоследок признаться,
Душой не старея и впредь,
Пока — без пяти двенадцать,
И многое можно успеть.

4-5 сентября 2010 г.

Беспомощность

Какие мысли распирают череп,
Какие чувства будоражат грудь!
Как терпок воздух в сумерках вечерних,
Как радостно постичь природы суть!

Сколь волшебства таят созвучья лета,
Какое буйство красок на лугу!
Но точных слов, чтоб выразить всё это,
Найти — как ни стараюсь — не могу.

11 сентября 2010 г.

Поиск

Кто-то ищет женщину, губя
Лет невозвратимых череду.
Я же до сих пор ищу себя,
Только, видно, так и не найду.

13 сентября 2010 г.

Замутнённый родник

Я хожу темнее тучи,
А душа горит огнём:
Наш “великий и могучий”
Непонятней с каждым днём.

Зрю: на полосе газетной
(То же говорит экран)
“Толерантный”, “транспарентный” —
Может, это парень с репой?
И при чём тут Талейран?

Журналистов рать ретиво
Сей использует момент:

“Как же быть без креатива? —
Без него контента нет”.

Зря алмазы слов когда-то
Собирал в лукошко Даль:
Вытеснил их модератор
И, простите, мундиаль.

Если из бутылки бренди
Не отпить хотя бы треть,
То от бренда можно сбрендить,
А от тренда — затрындеть.

Выдаст менеджер лобастый
С мониторингом подсчёт:
Сколько “баксов” за год Басков
(Или “басков” Коля Басков?)
Из “Шарманки” извлечёт.

А на вывески взгляните:
Супермаркеты кругом,
“Гранды”, “Плазы”, “Меги”, “Сити” —
Будто Лондон за окном.

Перед взором всё померкло:
Что за сленг теперь у нас?
Я от кастинга с ремейком
В транш впадаю.. Или в транс?

Всюду лизинг стал желанным,
Драйвер прёт, что спасу нет:
“Айналайын, что с он-лайном?
Где же наш мент Алитет?”

Речь — родник, святыня, слава,
То, чем жив любой народ.
Но не сточная канава
И не мусоропровод.

15-17 сентября 2010 г.

Приметы осени

Не могу не подивиться,
Что деревья обнажаются,
А ядрёные девицы —
одеваются.

Любоваться стало нечем,
Как же вы живёте-ка,
Пряча ноги, груди, плечи
и животики?

Ждать приходится полгода —
До весны тела девчатами,
Словно воском соты с мёдом,
запечатаны.

А берёзы, клёны, ивы
И рябинушки-красавицы
С каждым днём всё торопливей
раздеваются.

Остаются сосны, ели,
Как монашки, строгими,
В листопадной карусели
недотрогами.

1 октября 2010 г.

Всё не то

То не те пути мы выбираем,
То не то минувшее у нас.
И не тех возносим и караем,
И не тот мы слышим голос масс.

То зима не по нутру, то лето.
То добру предпочитаем зло.
И не та досталась нам планета,
Да и с солнцем нам не повезло.

Оттого с библейских пор нет лада
Меж людьми во всех краях земли,
Что и сами мы не те, что надо,
И гораздо б лучше быть могли.

26 сентября 2010 г.

О русских

Признать и горько мне, и грустно:
Увы! Разноплеменный люд
Не жалует повсюду русских —
Не потому, что много пьют.

Коль сами — что страшней недуга —
Не вверяясь помыслам благим,
Не любят русские друг друга,
То как же их любить другим?

Рассеявшись под стать евреям
По белу свету, “русаки”
От них в отличие — не согреют,
Не подадут в беде руки.

Там, на чужбине, в час невзгоды
Всяк по себе, как за стеной,

Друг друга русские обходят
На всякий случай стороной.

Они и в матушке России
Влачат судьбу свою едва,
От разобщённости бессильны,
Нет между русскими родства.

Я тоже русский... Кем-то проклят.
Но как бы ни был нравом тих,
Я стал вместилищем пороков
Единокровников моих.

Повадки предков и ухватки
Впитав, как лепестки росу,
Достоинства и недостатки
На геномном уровне несущу.

Во мне живут антагонисты:
Бунтарь и раб, и сноб, и жлоб,
Смогли в душе соединиться
И русофил, и русофоб.

Бахвалы лезут вон из кожи —
Возвысить нацию свою.
А я не льстец, сужу я строже
И многих русских не терплю.

Но если кто худое слово
О русских вякнет вдруг при мне, —
Тому дам отповедь сурово
И не останусь в стороне.

12-13 октября 2010 г.

Пастораль

Баста! Отдых! Шапку оземь!
Застит едкий пот глаза.
В росных изумрудах озимь,
А над нею бирюза.

Тишь да гладь. И запах сена
Источает сизый дуг.
Осиянный день осенний
Смотрит ласково вокруг.

Красоты неотразимой
Добавляет щедро в синь
Рядом с Яковой низиной
Пламя рдеющих осин.

А отсюда недалечко —
За поскотиной села —
Возле Вардугиной речки
Порыжевшая ветла.

И берёзки вдоль увала —
 Позолота с серебром —
 Королевны карнавала,
 Что затеян октябрём.

... Ясно вижу через годы
 Детских лет родную даль,
 Сотворённая природой
 Греет душу пастораль.

В унисон ей под сурдинку
 Слышу нотную капель —
 Музыкальную картинку,
 Безделушку-багатель...

14 октября 2010 г.

Музыка и слово

*Как на флейте и на скрипке
 людям я играл, бывало,
 Чтобы жизнь со мной мирилась
 и меня не забывала.*

Тудор Аргези

Не сподобился играть я ни на скрипке, ни на флейте,
 Даже простенькой гармошки не затрагивал лады.
 Тренькал чуть на мандолине, но учитель мой заметил:
 “Пальцы слишком неуклюжи — ни туды и ни сюды”.
 Был я молод, мне мечталось ловко шпарить на гитаре,
 Подражать кумирам-бардам, в упоительном угаре
 Головы кружить девчатам, хмель вдыхая их волос...
 Но ни разу семиструнку в руки взять не довелось.
 Ксилофоном долго бредил, Гарри Гродберга органом,
 Завораживали сердце гусли пращуров-славян,
 Вера Дулова из арфы волны музыки кругами
 Извлекала, выпуская в поднебесный океан.
 Всей душой моей владели, отзываясь дрожью в теле,
 Нежный вздох виолончели, неземная грусть свирели,
 И сливались воедино от Ишима до Днепра
 Украинская бандура и казахская домбра.
 Все созвучия вбирая, чем я мог ответить людям,
 Откровеньями какими, мучаясь в ночной тиши? —
 Только словом вдохновенным, одолев рутину будней,
 Тронуть трепетные струны человеческой души.

4-5 октября 2010 г.

Файруза ШАРИП

Подарки Деда Мороза

Рассказ

Кто-нибудь ещё думает, что Деда Мороза не бывает? И зря... Есть он, есть, и когда-нибудь и вам докажет своё присутствие (когда подойдёт ваша очередь, наверно), как доказал это нам в предновогоднюю ночь...

31 декабря... Утро... Самое радостное, самое счастливое утро за весь прошедший год. Холодильник забит продуктами, и не надо экономить, не надо думать о завтрашнем дне, наоборот, можно съесть всё! Дети проснулись рано и путаются под ногами, но это никого не раздражает, все вежливы, обходительны, у всех вдруг открылись такие невиданные качества, как терпение, благородство, желание взвалить на себя все заботы. А заботы сегодня все сплошь приятные! Скоро, скоро станет самый желанный, самый обнадёживающий праздник! Детишки время от времени подбегают к сверкающей ёлке, трогают пальчиком игрушки и заливаются счастливым смехом, потому что весь воздух в доме пропитан счастьем, потому что сегодня можно не думать ни о каких проблемах, они все останутся в уходящем году; потому что сегодня никому не придёт в голову требовать у вас старый долг, который вы никак не можете отдать уже забыли сколько времени, потому что сегодня вы без страха берёте телефонную трубку, когда раздаётся звонок, и слышите только поздравления и пожелания, слышите счастливые и возбуждённые голоса — сегодня, 31 декабря, вы живёте, вы вдыхаете полной грудью пропитанный аппетитнейшими запахами воздух и говорите себе: вот это — ЖИЗНЬ!

В малюсенькой кухне не повернуться. Здесь стучат ножи, звенят ложки — всё крошится, мельчится, перемешивается, заправляется, пробуется, на столе не то что яблоку — пылинке негде приземлиться. Чем беднее человек, тем усерднее он готовится к празднику (богатому что готовиться, у него вся жизнь праздник) — весь декабрь он складывает в холодильник то селёдочку — и видит в мечтах “селёдку под шубой”, то лытки — какой Новый год без холодца, без хрена и горчицы, которые уже притулились в холодильнике; у него даже откуда-то берутся деньги на гуся, и гусь этот развалился на полочке, занял почётное место, гуся не притесняют, как остальные продукты; время от времени то один, то другой член семьи тайком открывает дверцу холодильника и любуется на гусика, и плотает слюни, и полирует его взглядом... А уж про солёные огурцы, помидоры, квашеную капусту и говорить не стоит. (Открою вам секрет — если у богача возникают неразрешимые проблемы, он пускает себе пулю в лоб или лезет в петлю; а что, вы думаете, делает бедняк от безысходности? Он отчаянно солит огурцы, и верит, и знает — пригодятся, ох как пригодятся они рано или поздно).

Наконец, праздничный стол накрыт. Ни одна веточка укропа, ни один листик салата не затерялись в холодильнике — всё взгромоздилось на стол, всё воткнуто в какой-нибудь салат, украсило какое-нибудь блюдо. Теперь самое трудное — проводить Старый год и не нарушить красоты стола для встречи Нового. Лиха беда начало... Заполняются рюмки, бокалы, осторожно, с краешка накладываются салаты; гуся не тронь — он ещё только румянится в духовке, он главное украшение, а как пробёт двенадцать — пожалуйста на стол! Холодец как на выставку, да ещё с хреном и с горчицей! А говяжье сердце с картошечкой! А курица поджаристая! А в кастрюльке уже кипят пельмени — прощай, Старый год! Может, ты и не заслужил такие проводы, может, тебе просто пинка бы под одно место... но пока ты не уйдёшь, не бывать Новому!

Шумно, радостно провожается Старый год (уж как он надоел, сколько обид причинил, говорить не хочется! — но сегодня такое благодушное настроение, что будь Старый год осязаемым, и его бы расцеловали); у всех зверский аппетит, ещё и подстёгнутый алкоголем, и хозяйка заносит с балкона ещё одну миску с холодцом вместо опустошённой, подкладывает оливье, винегрет, ещё что-то и не знает, радоваться или не радоваться такому бурному успеху своей кухни. В один момент ей с ужасом кажется, что до двенадцати часов всё съедят, так мельещат ложки и вилки,

так жуют зубастые и беззубые челюсти, но наконец темп замедляется, все откидываются на спинку стула и машут на себя салфеткой — уф-уф... Теперь время передохнуть, переварить пишу, а настроение такое великодушно... Ведь как хорошо жить на свете! Обзвонить бы сейчас всех друзей, всех, кто далеко, кто разъехался, но живёт в памяти, в сердце... Вот бы услышать их голоса! Вот был бы сюрприз на Новый год! А денег, как нарочно, на телефоне ноль (да и в кошельке тоже). И вот хозяин дома берёт свой жиденький сотовый телефон, долго смотрит на него, нажимает на кнопки и наконец изрекает: "Что я говорил? Я-то знаю — ни хрена денег нет на счету. А жаль... Вот бы Димка удивился в своей Германии. Витька, дай-ка домашний телефон, позвоню хоть соседям, что-то поздравить их охота...". Восьмилетний Витька принёс отцу трубку, а сам взял сотовый и начал что-то разглядывать, куда-то нажимать, и вдруг как закричит: "Пап, смотри, у тебя на счету шестьдесят тысяч тенге, а ты говоришь — денег нет! Вот, смотри!". — "Чего смотреть? Много ты понимаешь в телефонах. Шестьдесят тысяч! Откуда бы им там взяты, Дед Мороз разве положил?" — развеселился отец. "Да ты смотри, вот же, видишь, баланс... Ба, у тебя уже сто двадцать тысяч тенге!". — "Да ты понимаешь, что говоришь, — начал сердиться отец, — сто двадцать тысяч — это же тысяча долларов! У Деда Мороза и то, наверно, столько нет". — "А я тебе говорю, у тебя на счету сто двадцать тысяч! Давай спорить, ты сейчас дозвонишься к дяде Диме в Германию, я набираю, — и Витька начал ловко нажимать на кнопки, как виртуоз-пианист на клавиши пианино, потом приложил телефон к уху, послушал, опять понажимал, опять послушал и протянул трубку отцу, — на, разговаривай, быстро! Гудки пошли!". Отец коряво взял телефон, подозревая розыгрыш, приложил к уху на всякий случай и вдруг услышал в трубке знакомый Димкин голос: "Алло, алло, слушаю, кто это?". — "Да я это, — растерялся отец, — куда это я попал? Правда, что ли, в Германию? Да ты что ли это, Димка? А я звоню тебя поздравить! Димка, ты что ли это? Как жизнь-то в Германии? Небось домой хочешь? Ну, с Новым годом тебя, дружище! А мы что? Вот проводили Старый год, дай, думаю, обзвоню друзей. Тебе первому позвонил вот. Да ты разговаривай, не волнуйся, у меня тысяча долларов на телефоне. Зачем так много? Да это не я, это Дед Мороз. Да кроме шуток, это Дед Мороз! Да если б у меня тысяча долларов была, так я и положил бы их на телефон, как же! А, мечтаешь в Алма-Ату, а, барашка на вертеле. Целиком съешь? Дочка замуж вышла, Эльвирка? За кого, за немца? За русского, как сама? Хотя это хорошо. Ну, привет всем, всем... и тебе спасибо. С Новым годом!". Вся семья, открыв рот, слушала разговор с Германией, и только он закончился, как все загадели: "Что, что говорит Димка? Хорошо там? Что он делает в Германии-то? Когда приедет в гости?". — "Да вот мечтает приехать, говорит, сразу барана целиком съем, на вертеле. Старшая его замуж уже вышла, а младшая, говорит, вундеркинд среди немцев; немцы, говорит, все сплошь дебилы и тупые. А он учит немецкий язык, а за это ему немцы деньги платят — и как после этого он должен их называть? Ленка его работает, она-то немка, знает по-немецки. Да что я буду вам всё рассказывать, у него спросите, если приедет. Ну-ка, Витька, посмотри, сколько там денег осталось, а то ещё Валерке бы позвонить, глянь-ка". Витька солидно взял телефон, поиграл пальчиками по кнопкам и сказал: "Папка, ты миллионер, твои тысяча долларов почти целые, можешь звонить хоть куда. Дядь Валеру набрать?". — "Погоди-ка, — заволновался глава семьи, — что деньги на ветер пускать? Нельзя ли их того, забрать из телефона? Как-то ведь они туда попали, нельзя ли их оттуда так же и того... в карман? А, Витька?". Витька сделал вид, что думает, потёр лоб, пристально глядя на телефон — он ни за что не хотел признаваться, что понятия не имеет, как забрать из телефона деньги и добровольно слезть с Олимпа, на который вознёсся первый раз в жизни — с таким уважением на него смотрела вся семья, и вся семья ждала от него продолжения чуда. И он произнёс твёрдо и небрежно: "Забрать нельзя. Это же телефон. Можно только звонить. Набрать дядю Валеру?". — "Набирай! — разошёлся отец, — и носи записную книжку, всех обзвоню, всех, а то как бы того, Дед Мороз не одумался!".

Теперь вы верите, что Дед Мороз есть на самом деле? И ваша очередь дойдёт, и вам он сделает новогодний подарок... когда-нибудь. А вот нашей семье второй раз уже вряд ли повезёт — желающих очень много, а Дед Мороз-то один!

Юрий ГУНДАРЕВ

“Ты — счастлив.
Ты — вечен.
Ты — светел,
как снег...”

Февраль

Февраль.
Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд...
Б. Пастернак

Костёл Николаевский остриём шпिला
проткнул насквозь небесную ткань.
Посыпал снег серебристой пылью
на плечи зябнувших прихожан.

В проёме распахнутых врат —
распятие
сияет, притягивая прямо с порога.
Так хочется в углу незаметно стать и
попросить прощенья у Бога.

... По взмаху палочки дирижёра Макмеррина
разверзла уста душа Амадея.
Блаженства такого сколько отмерено? —
скажи, Пресвятая Дева.

И сколько отпущено захлёб эмоций?
Любви сколько? — скажи!
Февральский вечер.
“Реквием” Моцарта.

Распятие.

Орган.

Витражи.

**Юрий
Юрьевич
ГУНДАРЕВ**

родился 8 сентября 1955 года в г. Поти (Республика Грузия). Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Работал редактором в разных киевских издательствах. Последние 20 лет трудится в аппарате Верховной Рады Украины, где ныне заведует редакционным отделом. Заслуженный журналист Украины. Автор трёх поэтических сборников и диска фортепианной музыки. Стихи публиковались в украинской печати.

В “Ниве” выступает впервые.

Владимирский собор

*Львиная доля росписей
интерьера Владимирского собора
в Киеве принадлежит кисти
Виктора Васнецова*

Старый ботанический. Звон колоколов.
Сани высекают искры на снегу.
Кажется, из храма выйдет Васнецов,
спину занемевшую вытянет в дугу.

Солнцу улыбнётся, кудрями тряхнёт,
бороду огладит сильною рукой,
бросится с разбега на прозрачный лёд,
ногу выставляя, заскользит легко.

Вязкую усталость, как рукой, сняло,
час спустя — за кисти, через не могу...
Старый ботанический. Звон колоколов.
Сани высекают искры на снегу.

***

Тебя приветствует заснеженной булавой
Богдан на площади январским вечером.
Сияют золотом прямо над головой
Софии куполов зажжённые свечи.

Снежинок поцелуи ловишь губами.
Ресницы бьются, как крыльями мотыльки.
И лёгким дыханием прадревняя память
касается озябшей до боли щеки.

Ты — счастлив.
Ты — вечен.
Ты — светел, как снег.
Мгновение останавливается, почти
как у Гёте.
И снова время продолжает свой бег
по писанным Богом нотам.

***

С тяжёлым посохом, сумой цвета хаки
иду по пустыне в сандалиях ветхих.
Прносятся мимо бизоны и яки,
взрывая безмолвие многократным эхом.

Крылами взбивая облаков пену,
парит орёл одинокой точкой,
бредёт носорог иноходью степенной,
ступая осторожно через колючие кочки.

Вдыхаю воздух глубоко, всей грудью,
 вбираю все составные, все части...
 О, как далёк, светел и труден
 Мой путь — рождённого под звездой Счастья!

Ночной дозор

Из чернил ночи автомобильные фары
 выплёскивают деревья, летящие назад,
 памятники отлюбившим и ещё любящих
 пары
 бредущие одиноко вне времени наугад.

Ты — на заднем сидении рядом.
 Водитель пальцы мои на твоём колене
 ищет в зеркальце потерянным взглядом,
 сладко сторя на костре умиления.

Ты прикрываешь глаза под взглядами
 светофоров,
 и твоя душа, вырывающаяся из телес,
 будто вслушивается в дальние хоры,
 наполняющие паруса пустынных небес.

Контрапункт

Виолончельный скрип
 падающей качели,
 ноги, уходящие в бесконечность юбки...
 Костры из листьев чадно горели,
 тоскливо кричали на озере утки.

А ты забиралась к небу всё ближе,
 твой смех взрывал
 предвечерний лад.

И солнце сквозь ветки
 смотрело, как лижет
 скользящий ветер колен твоих гладь.

***

Воздушного замка вздымал стропила
 так благоговейно, почти не дыша...
 Но ты так и не позвонила,
 но ты так и не пришла.

Вживался в роль со страстью де Ниро,
 захлёбываясь от воображаемых ласк...
 Но ты так и не позвонила,
 но ты так и не пришла.

С трудом различая, что явно, что мнимо,
 сжигал ежечасно себя дотла...
 Но ты так и не позвонила,
 но ты так и не пришла.

***

Ты явишься с налитыми сосками,
с тугими бёдрами наперевес...
Да будь я даже камнем,
и то б растаял, испарился до небес.

Но, слава Богу, я пока не камень.
Я — лабиринт пульсирующих вен.
И чуть дрожащими от нежности руками
лепить тебя я буду, как Роден.

***

Как собирал руками в лукошко
солнечный лучик солнечный клоун,
так и я вечер этот ладошками
буду сгребать — по взгляду, по слову,

по так и не разгаданной тайне,
по вознесённым в небо крестам,
по световым струеньям фонтана
и по твоим открытым губам...

А по прошествии многих летий
всплывёт вдруг так явственно, зримо
весь в синих звёздах вечер тот летний.
Неповторимый.

***

Образы, рифмы твои и терции
в сумке если с собою носят,
значит, не в сумке,
а возле сердца,
и значит — ещё никакая
не осень.

Значит, бери карандаш и пиши,
шелест дней отражая эхом,
вслушиваясь, замирая,
в кабинетной тиши
в голос, спускающийся к тебе
сверху.

Памяти Марселя Марсо

Зал долго бурлил.

Зал стих.

Зал нем.

И вот он, миг, который неповторим, —
на сцене — не знаю,

наяву ли, во сне? —

Его Величество Мим.

Софиты выхватывают ладоней мел,
хрестоматийный, до комка в горле, лик...
И мир сотворяется —
и чёрен, и бел,
и мелок, и смешон,
и — велик.

Уши болят.
Тишины звон
дробит перепонку хрусталь...
И вот выходит уже на поклон,
чуть сторбился, иссяк, устал.

Взахлёб рукоплещет сторукий зал,
с далёкой галёрки —
стеной цветопад.
А он одиноко, как свечка, стоял.
Я помню его взгляд.

***

Бьют нараспев колокола.
Воскресный благовест.
Горят на солнце купола,
на каждом светит крест.

На санках мчится детвора,
старушки бьют поклон...
И кажется, что каждый рад
И чуточку влюблён.

Дрожат в такт звону тополя,
а снег, как лунный свет...
Звенят вздохом колокола.
Воскресный благовест.

***

*Господи, Боже наш,
еже согреших во дни сем словом,
делом и помышлением,
яко Благ и Человеколюбец,
прости мя
(Молитва)*

И, оказавшись в пустыне,
занесённой песком,
под солнца раскалённого
жалящим жалом,
я обезвоженным, онемевшим ртом,
превозмогая жажду, одиночество
и усталость,
лишь одного попрошу
у милосердного Бога,

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга третья

Я каждый день бессмертным сделать бы желал...

М. Ю. Лермонтов

Разберёмся во всём, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Сергей Есенин

Записывайте жизнь, записывайте,
иначе она утечёт и забудется!

Лидия Чуковская

Вот все эти бумаги, кусочки жизни, рассказы, воспоминания —
из них сложится обо мне такой неточный, неверный,
отличный от меня образ...

Франсуа Мориак

Империи рушатся, создаются, а люди заняты своими делами —
не столь значительными в масштабах Вселенной,
но самыми важными для них в этот момент.

Карен Шахназаров, кинорежиссёр

В моей жизни прошу никого не винить.

Княгиня Зинаида Шаховская

1995 год

5 января

В Москве состоялся второй Конгресс народов бывшего СССР. Была на нём и делегация из Павлодара. Приняли “Основные положения воссоздания союзного государства”. Если бы можно было повернуть историю вспять...

***

Погода опять чудит. Позавчера было так тепло, что начал таять снег. Навели справки в метеослужбе — плюс два градуса. Нечто подобное было в 1940 году, когда температура в январе поднималась до полутора градусов тепла.

***

Публикуем материал к юбилею М. К. Каирбаева — бывшего председателя облисполкома. Когда закончилась Великая Отечественная война, ему было всего двадцать лет. Первую награду — медаль “За отвагу” получил в 18 лет. В 19 стал Героем Советского Союза. Помимо других фронтовых наград, он награждён и редчайшей наградой — орденом Александра Невского.

Прожил достойную жизнь, его помнят и уважают люди.

Мы практически не были знакомы, а год назад столкнулись в профилактории “Строитель”, где он также отдыхал. Я поздоровался... И он вдруг говорит: “Знаю, что вас выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета... Желаю победы!”.

7 января

Наша Кульпаш Конырова съездила с павлодарскими “челноками” в китайский город Чугучак, где они закупают товары для продажи. Материал свой назвала “Купцы поневоле” — в том смысле, что не от хорошей жизни эти люди, главным образом женщины, взялись за далеко не простое дело... Они и покупатели, и грузчики, и экспедиторы, и продавцы... И сколько же их подстерегает невзгод и лишений на этом тернистом пути. Мы же, все остальные, всё ещё смотрим на них с некоторым убеждением.

8 января

Отгулял первую неделю в отпуске — в профилактории “Строитель”. Ночую тоже там, за исключением выходных. Днём принимаю необременительные процедуры, а большей частью пишу. Добиваю заказную книгу и уже не верю, что когда-нибудь закончу её. Получится “труд” примерно в десять печатных листов.

Пишу и совесть ложет: надо брать за “Хронику”, а я деньги зарабатываю... Впрочем, надеюсь ещё с десятком “Блесток” накропать.

***

Новое время — новые песни... Мы с братом Шуркой ругались в детстве, обзывая друг друга. Я был “хурсиком” (что это слово означает, не знал никто — прозвище наша соседка, подруга матери, тётя Вера Шарубина придумала; насколько теперь понимаю, имелось в виду нечто писклявое, вертлявое, притом себе на уме и т. д.). Шурка был “дутиком” — тут всё более-менее ясно: мог обидеться по поводу и без него. Я в его устах был ещё “спирькой” (от слова сепаратист, часто звучавшего по радио), “мобутовцем” (производное от фамилии малопривлекательного лидера одной из африканских стран). Он — кем-то ещё и т. д.

Наши Данька и Димка, желая уязвить младшего Пашку, говорят: “Уйди, ты любишь мамбу!”. Виной тому навязчивая реклама жевательной конфеты: “Папа любит мамбу, мама любит мамбу” и т. д. Пашка эту самую “мамбу” в глаза не видел и всякий раз бросается на старших, доставляя им тем самым немалое удовольствие.

10 января

В область приезжал Н. А. Назарбаев. Наша Людмила Ермолина попросила его прокомментировать недавний переход Павлодарского алюминиевого завода под управление английской фирмы. Завод никому не отдан, отвечал Н. А., а действительно передан под управление сроком на пять лет. Компания погасит все долги завода (в том числе бюджету — около 400 миллионов тенге), внесёт необходимые для нормальной работы предприятия оборотные средства (20 миллионов долларов), сохранит все рабочие места... Наверное, всё это так, но никто уже и не вспоминает, почему стабильно работавший завод, продукция которого пользуется устойчивым спросом на рынке, оказался в такой ситуации.

Ещё президент сказал, что рассчитывает на пуск третьего энергоблока Экибастузской ГРЭС-2 уже в этом году, и вообще был в хорошем расположении духа... Подводя итоги визита, Н. А. сказал, что настроение у него поднялось от всего увиденного в Павлодаре, где налицо результаты труда многих инициативных, предприимчивых людей.

12 января

В области назревает забастовка учителей. Большинство из них в буквальном смысле нищенствует: общий долг по зарплате им приближается к 80 миллионам

тенге. На собрании представителей педагогических коллективов постановили — “переходить к более решительным мерам”. Разосланы письма-предупреждения во все инстанции. Вопрос о всеобщей забастовке решит областная учительская конференция.

***

Из опубликованного сегодня материала главного инженера Иртышского райсельхозуправления А. Вибе: “За последние пять лет не приобретено ни одного трактора К-700, хотя именно “Кировцы” многие годы оставались главной силой на поле. Сейчас из 430 К-700 почти половина “на приколе”... Ремонт застопорился из-за полного отсутствия запасных частей... Нам готовы помочь соседи-омичи, но нам нечем с ними рассчитываться... Весна не за горами, а мы, скорее всего, не сможем встретить её в техническом вооружении...”.

В таком же положении и другие районы. Но Иртышский — особый, он производит до сорока процентов продовольственного зерна в области.

***

Мой материал о строительстве железнодорожного моста в Павлодаре вызвал немало откликов самого разного рода. И от тех, кто когда-то его строил, и от потомков мостостроителей... И почти все, кто написал или позвонил, просили вернуться к истории строительства, рассказать о том, когда и как оно было закончено.

Эту историю я восстановил уже по “Большевицкому пути” (так тогда называлась “Звезда Прииртышья”).

Мост был сдан в эксплуатацию в июне 1949 года. С этого времени станция Павлодар переставала быть тупиковой.

Обращает на себя внимание стиль публикаций, приуроченных к знаменательному событию.

“Это — ключ к кладовой несметных богатств Прииртышья... Это — важнейший форпост Южно-Сибирской магистрали... Это величественный памятник могуществу и воле советских людей, преобразующих облик природы по сталинским предначертаниям...”.

Тем временем ускоренными темпами строилась и железная дорога Акмолинск — Павлодар — с двух сторон сразу... И вскоре началось регулярное движение поездов по новой железнодорожной линии.

Потом была Целина с её большими делами, вызвавшая к жизни сооружение автомобильного моста через Иртыш в районе Павлодара. Он был сдан в эксплуатацию 29 октября 1962 года. Кстати, как и железнодорожный, — на год раньше намеченного срока...

***

Скандалная история в Павлодаре... Некто Вербицкий, представлявшийся директором специализированной фирмы, набирал в нашем городе желающих подзаработать в Израиле. Для того, чтобы попасть туда, на первом этапе требовалось всего ничего — триста долларов... Собрав с доверчивых павлодарцев “первый урожай”, Вербицкий исчез, а в милицию обращаются всё новые и новые пострадавшие.

***

У нас в области есть своя чемпионка мира. Это Алия Мейрамгалиева — мастер спорта международного класса по самбо. Тренирует её отец Жумабек. Алия в свои 18 лет выиграла чемпионат мира, состоявшийся в октябре прошлого года в Югославии. Надо будет написать о ней.

14 января

Бастуют шахтёры и шахтостроители Экибастуза. Им только зарплаты за-должали на 850 миллионов рублей.

***

Только за прошлый год в Павлодаре получили водительские права более пяти тысяч женщин. Всё больше их имеют в личном пользовании автомашины, в том числе и престижные — “Волги”, иномарки... И, кстати, они гораздо реже мужчин нарушают правила дорожного движения.

15 января

Старый Новый год отмечали с Ольгой у Шевченко. Само собой, “надегустировались” с Сергеем Павловичем. Женщины предпочитали его многочисленные вина собственного приготовления и тягучий ликёр на кедровых орехах. А мы налегали на “бурьяновку” — крепчайшую самогонку на травах. Чудо как хороша!

***

Перечитал в профилактории “Записки об отце” и порадовался: неплохо написано и даёт хорошее представление об отце...

А через несколько дней добрые слова об этой вещи мне сказал Н. Г. Шафер, прочитавший очерк в “Ниве”. Когда я сказал Науму Григорьевичу, что не собирался его печатать, поэтому и подзаголовок дал — “для семейного чтения”, он взялся меня разубеждать: “Я сейчас как раз читаю Аксакова и ясно вижу, что очень многие наши беды — от распада семьи, кризиса семейных отношений... В этом смысле эта ваша вещь не только художественно полноценная, но и очень нужная, своевременная...”

Наум Григорьевич собирается разработать специальный курс у себя в институте на кафедре русского языка и литературы — по творчеству местных авторов. Поражаюсь широте его интересов.

***

Данька — в трансе. Сдал два экзамена в институте — и оба на тройки. Комплексует... Судя по всему, учёба у него не только идёт туго, но и вообще не слишком его вдохновляет. Проводил воспитательную беседу: не ругал, скорее, успокаивал. Не уверен, что поможет.

17 января

При акционерном обществе “Иртыш” (бывший мясокомбинат) создана акционерная компания, которая финансирует проект по созданию в Павлодаре завода медицинских препаратов. Оказывается, и раньше, в бытность Союза, на мясокомбинате собирали так называемое эндокринное сырьё из туш забитых животных, которое отправлялось на фармацевтические предприятия СССР. А там из него производили лекарства. И вот теперь решили изготавливать их на месте — лидазу, стекловидное тело, гематоген — всего восемь видов с перспективой расширения — и по объёмам, и по номенклатуре, до десятков наименований.

Технологию поставила военно-медицинская академия Санкт-Петербурга, оборудование уже заказано — в странах СНГ и Германии, строится производственный корпус.

Обо всём этом председатель правления АО “Иртыш” З. М. Нурмуханова рассказала в интервью нашей газете.

19 января

Бастующие шахтёры Караганды и Экибастуза после встречи с премьер-министром А. М. Кажегельдиным добились правительственного постановления о стабилизации работы отрасли и возобновляют работу. Хотя экибастузцы бастовали лишь частично, потому что, оставив без топлива некоторые предприятия, они могли парализовать работу целых отраслей и заморозить целые города. Теперь восстановлен нормальный ритм работы.

21 января

Отличный материал Людмилы Гришиной по запискам её давно умершего дяди. Он их писал на склоне лет и никому не показывал. К Людмиле они попали после его смерти и не один год пролежали, пока она, наконец, не взялась их разбирать...

Поразительный человеческий документ. В нём — отражение всего нашего кровавого и трагического века. И очень хорошо, что Гришина взялась довести его до газетной страницы.

23 января

В Чечне — война. Больше месяца российская армия ведёт кровопролитные бои за Грозный. (Берлин, кстати, был взят войсками Красной Армии за шесть суток). И вот, наконец, произошло “знаменательное” событие: ТВ демонстрирует полуразрушенное здание то ли дома правительства, то ли президентского дворца с водружённым над ним российским триколором.

Чем не поверженный рейхстаг? Если не иметь при этом в виду, что война идёт на собственной территории...

Никто не знает, сколько при этом погибло несчастных, совершенно не готовых к такой войне солдат-срочников.

В российских газетах — беспрецедентно-беспощадная критика Ельцина, силовых министров — всей российской верхушки, заварившей эту кровавую “кашу”. В ответ российский министр обороны П. Грачёв назвал в своём телевизионном интервью правозащитника С. Ковалёва врагом народа и России, а депутата-демократа С. Юшенкова — попросту гадёнышем.

Это к вопросу о нравах, царящих в среде российской политической элиты.

В “Комсомолке” статья Костикова, пресс-секретаря Ельцина. Пишет о перевернутом российском сознании, информационном терроре... Мол, американцы не нагнетали истерии, когда армия США наносила удары по Ираку или жестоко подавляла беспорядки, устроенные “чёрными” в Сан-Франциско... И дальше: ну свалим и мы Ельцина или, наоборот, подтолкнём к его ещё более жёстким шагам, а дальше-то что?

Лукавая логика, где грешное перемешано с праведным, и всё поставлено с ног на голову... Разве раньше не видели, что тот же Б. Н. Ельцин может быть неадекватен и непредсказуем... И разве не те же представители демократической интеллигенции призывали Б. Н. в октябре 1993 года “раздавить гадину”? Только тогда “гадиной” был мятежный Верховный Совет, а теперь кто “гадина” — Дудаев и иже с ним, кого породило в его новой ипостаси всё то же окружение Ельцина? А самое главное — что дальше, после всемирного позора, завершившегося взятием Грозного? Ведь война на этом не закончится. И сколько ещё будет брошено российских мальчишек в эту бессмысленную и беспощадную кровавую мясорубку?

Кстати, у нас в Павлодаре тоже прошёл митинг протеста против войны в Чечне, на котором были, кроме чеченцев, национал-патриотический “Азат”, интернациональный Народный Конгресс Казахстана, Лига женщин-мусульманок, экологический ЭКОМ, Социалистическая партия и т. д. и т.п. Главный лозунг — прекратить войну. Но у неё ведь своя собственная логика развития, да и не слушает война митингов...

24 января

Областная администрация одобрила сотрудничество предприятий Экибастуза и хозяйств Успенского района, установивших прямые хозяйственные и другие связи. Это сотрудничество родилось по инициативе акимов Экибастуза Р. Ш. Жуматаева и Успенского района В. Д. Глазырина, и теперь его рекомендовано распространить по всей области.

***

В критическом состоянии Беловодский групповой водовод, который начинается в нашем Иртышском районе, проходит дальше по Русско-Полянскому району Омской области и по трём районам Кокчетавской области. Эта своеобразная “река жизни” поит иртышской водой десятки населённых пунктов и находится, попросту говоря, на последнем издыхании. Причины всё те же: потребители за воду не платят (откуда у нынешних хозяйств деньги?), тысячи километров водной трассы ветшают, вовремя не ремонтируются... Раньше водопровод финансировался из союзного бюджета, потом — из республиканского, теперь не финансируется никем...

Наш иртышский собкор Г. Жаманбалинов прислал заметку об отчаянном положении здешних “водников, готовых перекрыть кран”, и мы её печатаем... Но сколько их уже было, подобных заметок по самым разным поводам, и всё без толку.

***

Парламент Эстонии принял новый закон о гражданстве, по которому, чтобы стать гражданином этой страны, надо пять лет прожить в ней на основании постоянного вида на жительство. А этот “постоянный вид” можно получить лишь по прошествии пяти лет проживания на основании временного вида. Затем ещё год уйдёт на сложную процедуру оформления гражданства. Таким образом, “натурализация” займёт не меньше десяти-одиннадцати лет. При всём при этом Эстония позиционирует себя цивилизованной европейской страной.

26 января

Оказывается, наша обладминистрация преуспела в решении ряда сложных проблем. Это я цитирую “казтаговскую” заметку в “ЗП”, повествующую об отчёте нашего главы Д. К. Ахметова на президиуме Кабинета министров. Речь шла о выполнении в регионе плана действий правительства по углублению реформ и стабилизации экономики в 1994-1995 годах. Вот что, например, ставится областной администрацией в заслугу: “... Несколько стабилизировался процесс падения промышленного производства (каков, однако, стиль! — Ю. П.). Наблюдается снижение общего уровня инфляции... Обладминистрация активно также ведёт работу по диверсификации... Получают развитие новые производства...”. В заслугу власти поставлено также создание ассоциации “Павлодарский промышленно-финансовый альянс”.

Президиум правительства признал работу нашей обладминистрации удовлетворительной, что по нынешним временам большая редкость. Не думаю, однако, что сдержанный оптимизм правительства разделят жители области. Ну так ведь большое видится на расстоянии.

27 января

Догуливаю последние отпускные денёчки. Написал очередную порцию “блесток” — около печатного листа. Собираюсь отдать в “Ниву”. Написал ещё вещь — непонятно какого жанра — “Как я в депутаты ходил”. Перечитал после перепечатки — и не понравилось: как-то всё вяло, пресно... Решил — пусть отлежится...

***

Был на выставке художника Виктора Поликарпова и вечер поэзии Василия Лукова (в миру — Борис Исаев).

Поликарпов — художник настоящий, со своим видением мира, собственным творческим почерком. Мне кажется, современники его недооценивают, между тем его картинам уготована долгая жизнь, особенно графике.

Что же до поэзии В. Лукова — Б. Исаева, то тут я остаюсь при своём мнении: человек он, бесспорно, не бесталанный, с гражданским и творческим темпераментом и собственной позицией, но стихи его неравноценны. С великолепными

образами и готовыми афоризмами соседствуют банальности, идеологические пристрастия часто довлеют над поэзией как таковой — иные строки как будто из передовой “Правды” советской поры.

Тем не менее Борис Васильевич интересен мне и своей поэтической ипостасью, и я, продолжая критиковать его (хотя и не столь пылко и беспощадно, как прежде), помогаю ему готовить к изданию первую книгу стихов. В. Р. Гундарев согласился её редактировать и написать к ней предисловие.

***

Н. А. Назарбаев и Б. Н. Ельцин подписали целый ворох соглашений (что-то около пятнадцати), призванных облегчить жизнь людям в обоих государствах и все формы сотрудничества. Чуть ли не ликвидируются таможи, вводится упрощённая процедура получения гражданства россиянами и казахстанцами, переезжающими жить туда или сюда, и т. д. и т. п. Всё это замечательно, вопрос лишь в том, будут ли все эти соглашения работать?

***

Выписал из павлодарской “независимой” газеты “Местное время” объявления “про это”, которые в высшей степени ярко характеризуют нравы нашей новой эпохи.

“Увезу с собой в Германию очаровательного доктора. Я недурна собой, сексуальна, 35 лет. Требование к супругу одно — любовь к моим детям”.

“Обаятельная, строптивая Львица с широким кулинарно-сексуальным кругозором ищет неординарного укротителя без сквозняков в душе, голове и кармане”.

“Русская, спокойная, заботливая, темпераментная Любовь предлагает откликнуться для интимных встреч мужчине в возрасте 40-50 лет. Со мной не соскучишься...”.

“1961 года рождения, славянка, хочет друга-мужчину, похожего на Никиту Михалкова или Дмитрия Харатьяна, для создания совместного сексфильма “В вечерних сумерках”.

“Скорпион, Тигр — женщина 57 лет приглашает к редкому совместному времяпрепровождению мужчину-славянина 55-60 лет”.

“Хочу воплощения своих сексуальных фантазий с обаятельной женщиной на её территории. Жутко заводной. Не разочарую. Костя. 25 лет”.

“Ты молода, красива и безнравственна. Я — тоже. Жду встречи”.

И, наконец: “Он ищет его. Хотел бы познакомиться с мужчиной до 40 лет для занятия сексом”.

А это уже из “независимой” “Павлодарской газеты”: “Молодая семейная пара ищет чистоплотную обаятельную женщину для приятного времяпрепровождения. Анонимность гарантируется. Оплата — по договорённости”.

Так что мы, павлодарцы, тоже не лыком шиты. И да здравствует сексуальная революция! Куда там нашей Зое Алексеевне с её трогательно-целомудренными строками в странице “Мир семьи” про то, как “одно одиночество надеется на встречу с другим”...

И ещё: потомки будут теряться в догадках, пытаясь постичь нас, сегодняшних: действительно ли им столько недоставало в их каждодневном быту (денег, продуктов, товаров первой необходимости), если газеты пестрят объявлениями такого типа? Может, наоборот, с жиру бесились?

В размышлениях обо всём этом написал “блётку”: “У нашей газеты такое разделение труда с независимыми изданиями: они печатают объявления “с клубничкой”, а мы — соболезнования и некрологи. Роднит же нас то, что и мы, и они зарабатываем на этих специфических услугах деньги”.

28 января

В профилактории пообщался с Николаем Максимовичем Савенко — интереснейшим человеком, который мне много чего порассказал — об истории своей

семьи, о себе самом... Решил опубликовать часть его рассказа в газете — об урожае 1958 года на Целине, ставшем и её триумфом, и её трагедией. Тот урожай был как стихийное бедствие. С одной стороны, понятная радость — дождались, наконец, большого хлеба, с другой — полнейшая неготовность принять этот хлеб и переработать.

Н. М. Савенко тогда работал директором совхоза “Суворовский” — одного из самых крупных в области. И один этот совхоз при средней урожайности в 14 с лишним центнеров с гектара (а на отдельных участках собирали до 40 центнеров) дал почти сорок тысяч тонн зерна. Хороший урожай был и в соседних хозяйствах. Иртышский элеватор и Беловодский хлебоприёмный пункт быстро затарились зерном. Им же были завалены все тока в совхозах. Не могли его отправлять в больших объёмах и по железной дороге — она тоже оказалась не готова к таким перевозкам. И тогда приняли, наверно, единственное на тот момент правильное решение: готовить в поле земляные площадки для временного хранения и валить зерно на них. В “Суворовском” на таких площадках оказалось примерно 20 тысяч тонн хлеба. Где-то подобные площадки устраивали прямо вдоль дорог.

А дальше быски афера: весь этот хлеб, лежавший на площадках временного хранения, посчитали сданным государству. И отрапортовали в Алма-Ату и Москву: есть 155 миллионов пудов (без малого миллион тонн) павлодарского хлеба в закромах Родины.

Область за выдающиеся заслуги в освоении целины и получение невиданного урожая была награждена, наряду с рядом других областей Казахстана, орденом Ленина. И только к весне стало ясно, что объявленного на весь Союз павлодарского каравая как бы нет — во всяком случае, значительной его части. Когда весь хлеб, который удалось сохранить на временных площадках, был доставлен на хлебоприёмные предприятия, оказалось, что недостаёт примерно пятой его части, которая за зиму сгнила...

Начались быски крайних, хотя, по большому счёту, ответственность за случившееся с местными властями должны были разделить и республиканские, и союзные, ведь это насаждаемая сверху политика штурма и натиска привела к тому, что выращенный урожай оказалось некуда девать... Были исключены из партии первые секретари обкома и Иртышского райкома партии, другие руководители, некоторые даже осуждены... Н. М. Савенко, к счастью, миновала чаша сия.

И, словно в назидание людям, никогда больше в истории области подобно-го урожая не случилось...

***

Любопытная информация в сегодняшнем номере: больше всего за прошлый год подорожали хозяйственно-бытовые товары: стиральный порошок — в 56 раз, мыло — в 49, нитки — в 40, спички — в 36 раз.

***

Ещё из нашей газеты (подборка мировых новостей): 90 процентов из более чем полумиллиона евреев, эмигрировавших из бывшего СССР в Израиль, чувствуют себя неустроенными. А три четверти из прибывших туда в последнее время не рекомендуют родным и знакомым следовать за ними...

С одной стороны, всё понятно: никто никого нигде не ждёт с распростёртыми объятиями, ведь не резиновые те же Израиль или Германия... Но с другой — куда деваться обездоленным людям, которые чувствуют себя чужими в суверенных республиках бывшего Союза?

***

С 1992 года каждый казахстанец может при желании поменять национальность. Как сообщили “ЗП” в ЗАГСе, чаще всего теперь хотят быть немцами.

***

Абсурды нашего времени... В музей Павла Васильева поступил чек на 100 долларов из Нью-Йорка от друга юности Павла — Доната Мечика (кстати, отца знаменитого писателя Сергея Довлатова). И оказалось, что воспользоваться этими деньгами пока что невозможно: подобные чеки нашими банками не оплачиваются...

31 января

Хороший материал Ольги Воронько — рассказ о том, с чем приходится сталкиваться нашим “челнокам”, гоняющим подержанные машины из Германии... Бандиты в Польше, Белоруссии (русские), России, поборы на границах и таможах, беспредел “гаишников”... Приезжают они домой, ободранные как липки, зарекаются: больше — ни ногой... Потом отходят от пережитого и снова отправляются в путь...

2 февраля 1995 года

“Евразийский союз становится реальностью”, — заявил в Москве премьер-министр Казахстана А. М. Кажегельдин. Пока это тройственный Таможенный союз, заключённый между Россией, Казахстаном и Беларусью, к которому могут присоединиться и другие страны СНГ. Теперь предстоит унифицировать законодательства участниц нового Союза.

***

Наш павлодарский трактор стоит 580 тысяч тенге, или девять тысяч долларов. И спрос на него есть — заявки на 7,5 тысячи штук... Но теперь уже завод не может выполнить эти заявки: в январе вместо плановых 700 собрано 360 тракторов, большинство которых уйдёт в счёт прежних долгов, и денег на комплектующие для новых машин опять не останется.

Похоже, и правительство уже махнуло рукой на бывший “флагман союзного машиностроения”: высшие должностные лица республики, раньше начинавшие свои визиты в Павлодар с этого завода, теперь объезжают его стороной.

***

Практически узаконено платное высшее образование. В медицинских и педагогических вузах разрешено принимать “на договорной основе”, с полным возмещением затрат на обучение до 10 процентов абитуриентов, а в университетах, технических и сельскохозяйственных вузах — до 30 процентов. Сколько же будет стоить это самое обучение на договорной основе?

***

Двадцать дней работает “в режиме циркуляции” (то есть не выпуская продукции) наш нефтеперерабатывающий завод. Ему нечем платить за сырую нефть. Это очередное значительное достижение наших чиновников-рыночников, которые своими манипуляциями с продукцией предприятия довели его до подобного состояния. Между тем наш завод — один из самых конкурентоспособных во всём СНГ — ещё в пору Союза на нём была достигнута самая глубокая в СССР переработка нефти.

***

Ольга Воронько нашла в Качирском районе фронтовика Степана Павловича Лямзина, прошедшего 15 фашистских концлагерей и оставшегося живым. Он ещё и Берлин брал. Даже сегодня, читая строки его бесхитростного рассказа, содрогаетесь...

Помню, отец, у которого я спросил: чего он больше всего боялся на войне? — ответил: “Попасть в плен”.

4 февраля

Отличный материал Ольги Григорьевой — отклик на войну в Чечне. Она пишет о своей школьной подруге Лейле, у которой отец был чеченец, а мать

азербайджанка. Ольга пишет о том, что отец Лейлы всегда рвался на родину и увёз туда семью — как только это стало возможным. В их доме, где не раз бывала и Ольга, царил культ литературы, музыки, театра... Отец Лейлы был образованным человеком — инженером, а сама она мечтала о театральном институте. Они с Ольгой переписывались, но потом письма из Чечни перестали приходить... Её старший сын, пишет Ольга, на год старше нашего Даньки, и, живи мы в России, наши сыновья могли бы стрелять друг в друга...

Материал публикуем под рубрикой “Личное”. Тем выше ему цена.

***

Поистине “похоронным” стал прошлый год для Ермаковского завода ферросплавов. Некогда одно из самых благополучных предприятий отрасли, потеснившее на мировом рынке американские ферросплавы, из-за вакханалии с ценами превратилось в убыточное и балансирует на грани останова. Оказался бессилён даже многомудрый Семён Аронович Донской, в своё время творивший здесь чудеса. Сегодняшний выход из положения он видит в создании промышленно-финансового альянса, способного связать труд шахтёров, энергетиков, поставщиков сырья, металлургов, железнодорожников. Но опять же нужна активная поддержка правительства.

7 февраля

Заместитель председателя российского Совета Федерации Р. Абдулатипов “отчитывался” перед Парламентской Ассамблеей Европы: “В Чечне федеральные власти воюют не с чеченским народом, а с диктаторским режимом Дудаева. Однако непрофессиональные действия привели к тому, что он превратился в глазах некоторых чуть ли не в национального героя”.

А сам Дудаев дал интервью кувейтскому журналу: “Падение Грозного будет означать не конец, а начало настоящей суровой и жестокой войны с Россией, которая истощит силы российской армии...”.

***

Публикуем отчёт с республиканского совещания с участием глав областных и городских администраций, промышленников, предпринимателей, учёных, парламентариев. О его содержании можно судить по заголовку: “Цель концепции новой промышленной политики — остановить спад производства, обеспечить экономический рост...”.

***

Большая, в полполосы, статья руководителя завода специнструментов и технологической оснастки (подразделение бывшего тракторного завода, теперь поделённого на самостоятельные структуры) О. Гортэ. Пишет об истории создания этого уникального производства, о том, как создавался рабочий коллектив, большинство которого — инструментальщики высочайшей квалификации. Такой коллектив формируется даже не годами, а десятилетиями. И сегодня, когда тракторный завод на грани умирания (спад производства здесь уже перевалил за 80 процентов), у инструментальщиков он в десять раз меньше. В то же время партнёры задолжали предприятию 30 миллионов тенге. Это наш тракторный, заводы и фабрики Караганды, Усть-Каменогорска, Шымкента, Акмолы, Костаная. Зарплату инструментальщикам не платят с октября.

О. Гортэ вычитал в “Известиях”: в США слесарь-инструментальщик получает среднюю зарплату — 593 доллара. Не в месяц, а в неделю. Это больше зарплаты химика-технолога (530), детектива-полицейского (554), преподавателя средней школы (523), бухгалтера (523). То есть инструментальщики там — рабочая элита. Нашим зарплата определена в пять-шесть тысяч тенге в месяц, или, соответственно, в 22-25 долларов в неделю. Но и ту месяцами не платят.

Недавно к директору предприятия пришёл молодой рабочий и, бросив ему на стол заявление об уходе, сказал в сердцах:

— Рабам когда-то тоже не платили, но хозяева их всё же кормили. Мы лишены и того, и другого, так что наше положение — хуже рабского!

Завод, продукцию которого с руками отрывают, всё ещё держится. Но держится из последних сил. И если развалится он, пострадают десятки других предприятий. Но, похоже, нашему правительству, занятому исключительно глобальными проблемами, до бед одного, отдельно взятого завода, дела нет.

***

Оказывается, первая каменная церковь на территории нынешней области была построена в Ямышево в 1783 году, вторая в Железинке — в 1801. Всего же на территории тогдашнего Павлодарского уезда было около двадцати каменных и деревянных церквей и часовен. В том числе два каменных собора в Павлодаре (один так и не был достроен).

От них после прихода большевиков к власти вскоре не осталось никакого следа, хотя каменные церкви строились на века. Я работал в Железинке в начале семидесятых годов и лишь слышал иногда о том, что в этом селе когда-то стояла красавица-церковь.

В недостроенном Владимирском соборе Павлодара сначала разместили городскую электростанцию, затем — заводские мастерские...

Действующий до революции Троицкий собор имел металлический пол из чугунных плит знаменитого каслинского (от города Касли Челябинской области) литья. Всё было разрушено и разграблено, и когда музейщики бросились искать эти самые уникальные плиты, то обнаружили несколько из них на потолке в пристройке к старой павлодарской бане, что работала на улице Бебеля (я в неё, кстати, тоже ходил).

К счастью, сохранился снимок Троицкого собора, сделанный в 1929 году Д. П. Багаевым, который мы публикуем в сегодняшнем номере вместе с большим материалом краеведа Э. Соколкина.

***

Вернулся с вечера встречи выпускников в своей Берёзовской школе. Впечатления противоречивые: оказывается, теперь собирают только “юбилейные” выпуски — тех, кто окончил школу пять, десять, пятнадцать, двадцать и т. д. лет назад. Наш класс в эту традицию не вписывается, и мы были как бы незваные гости. Мы — это Вовка Скотских, Толька Баук и я. Толька прибыл без ноги, зато на собственном “Москвиче”. Он и раньше-то был малоуправляем, а теперь дури у него добавилось, и праздник он нам испортил окончательно... В конце концов нам пришлось от него прятаться.

Подарил школе книжку “Помню и люблю”, “Простор” и “Ниву” с “блестками”.

***

Чувства от встречи с родиной — нерадостные. У совхоза не жизнь, а убогое автономное плавание. В магазинах абсолютно пустые полки, торгуют лишь хлебом и солью. Впрочем, хлеб большинство моих земляков вынуждены печь дома... А те, кто его покупают, берут в долг — “под зарплату”. Когда она будет — никто не знает. Учителя, к примеру, получают деньги с трёх-четырёхмесячной задержкой...

Не ходят автобусы. Почти все совхозные машины на приколе (нет бензина). Из благ цивилизации осталось разве что электричество... Люди живут в каком-то оцепенении, по инерции... А что им ещё остаётся?

9 февраля

Кабинет министров обещает сделать нынешний год годом стабилизации экономики и начала выхода из затяжного кризиса. Не уверен однако, что это

оптимистическое заявление убедит наших читателей, которых мы пичкаем “казаховскими” отчётами с сессий, республиканских совещаний высокого уровня, заседаний Кабмина...

***

Б. Н. Ельцин продлил до 6 февраля 2000 года срок предоставления гражданства россиянам, живущим в ближнем зарубежье. Конечно же, это большое благо для тех, кто ещё не определился, — уезжать, обрекая себя на многие мытарства, связанные с обустройством на исторической родине, или принимать новые реалии жизни со всеми вытекающими последствиями в суверенном Казахстане?

***

Создана Павлодарская региональная Малая ассамблея народа Казахстана. Это — идея Н. А. Назарбаева: создать в регионах такие организации и объединить их в единую большую Ассамблею народа Казахстана. Цель понятна: сохранить и укрепить национальное согласие в многонациональном Казахстане.

Павлодарцы, кстати, создали такую организацию первыми в республике. В состав всеказахстанской ассамблеи избран и я.

***

Опубликовали “Несвоевременные мысли, или Слово в защиту колхоза” — монолог председателя колхоза имени Кирова В. Ф. Тарасенко. Пишет, что люди на селе отнюдь не горят желанием становиться фермерами. И их можно понять: они видят, как всё крепче затягивается петля на шее многострадального села. Оно давно поставлено на колени ценовым беспределом, когда промышленность давно перешла на свободные цены, а разваливающиеся на глазах совхозы и колхозы продолжают поставлять хлеб, молоко и мясо по ценам, которые им укажут, — заведомо разорительным...

Не о таком рынке мы мечтали, делает вывод председатель колхоза... И с горечью добавляет: не рынок это, а феодальные отношения.

Я немного знаком с В. Ф. Тарасенко ещё по Железинскому району, знаю его как хорошего специалиста и хозяина, равнодушного человека. И сколько их, таких людей, бесконечно преданных делу, вынуждено жить в условиях псевдорыночного абсурда!

***

Новый вид преступного промысла на дорогах. Бандиты останавливают ночью автомашины и отнимают всё, что им попадётся под руку. На днях около села Рождественка неизвестные на двух машинах без номеров остановили под утро карагандинский “КамАЗ” и забрали 13 телевизоров в упаковках...

Подобные сообщения у нас практически в каждой еженедельной “Криминальной хронике”. И ещё никого из злоумышленников, промышленяющих на дорогах, не поймали.

11 февраля

Из номера в номер публикуем материалы к юбилейному Дню Победы. Поразительную историю любви откопала в областном архиве Ольга Григорьева. Там хранятся письма с фронта Е. Н. Пронькина, адресованные его жене Анне Михайловне. Она дала разрешение на их публикацию.

К началу войны у Пронькиных было уже трое детей. А потом Евгений Николаевич ушёл на фронт, откуда слал жене письма, полные любви и нежности:

“... Нет ни одного часа, чтоб я не думал о тебе...”

“... Я знаю, что мы любим друг друга и будем верны друг другу до последнего вздоха...”

“Мы ещё молоды, и жизнь наша впереди... Мы ещё успеем познать счастье...”

Четыре года войны она получала эти письма, отправляла ему свои... А потом, как снег на голову, конверт с чужим почерком: “Анна Михайловна, ваш муж женился на мне в мае 1944 года... Он живёт со мной... Отдайте нам сына Валерика. Вам тяжело будет его воспитывать...”.

Разговаривая с Ольгой спустя 50 лет, Анна Михайловна пыталась как-то оправдать мужа: он заболел туберкулёзом, а счетовод колхоза, где стояла их часть, спасла его — зарезала свою единственную свинью, откормила. Вот он в благодарность и женился...

Они виделись ещё несколько раз, и он просил принять его снова, но она не простила ему предательства... Хотя, как оказалось, всю оставшуюся жизнь любила только его. Записала в своём дневнике, узнав о его смерти: “Сегодня иду на кладбище... Женья, милый... Я хочу с тобой поговорить, рассказать всё, что не успела. Я всю жизнь любила только тебя...”.

А. М. Пронькина приходила в архив прощаться с письмами мужа. Перечитала и перецеловала каждое. Плакала над ними...

Лишний раз убеждаешься в том, что в жизни случается такое, чего не придумает человек, наделённый самой богатой фантазией...

***

Узнал из нашей газеты о том, какой дорогой может быть реклама... Одна секунда рекламного ролика, показанного в ходе транслируемого телекомпанией “Эй-Би-Си” финального матча национальной футбольной лиги США, стоила свыше 33 тысяч долларов. При этом корпорация “Форд” оплатила 30 секунд рекламы (миллион долларов), “Крайслер” — 60 секунд, “Пепси-Кола” — 150 секунд. Все 60 рекламных 30-секундных пауз были раскуплены. Таким образом телекомпания окупила затраты на право трансляции матча — 50 миллионов долларов — и “наварила” на рекламе ещё 15 миллионов.

В моём редакторском мозгу, замордованном тяготами нашего ублюдочно-го рынка, всё эти цифры представляются чем-то абсолютно нереальным, фантазмагорическим.

***

В магазинах не хватает мелких денег — тиынов, и на сдачу вам могут дать щепотку соли — на глаз, завернув её в кулёчек. Большинство от такой “сдачи” отказываются, но некоторые берут...

13 февраля

Выбрались с Ольгой и Пашкой в пойму на лыжах — впервые за эту зиму.

Пашка показал себя молодцом — не хныкал. Интересно было наблюдать за ним — я шёл сзади... Лыжня уже подтаяла, была скользкая, и он этим умело пользовался, отталкиваясь палками... Напоминал мне при этом орангутанга, который передвигается, помогая себе руками.

И погода удалась на славу — тепло, тихо, лёгкий туман... Так жалко стало, что зима заканчивается.

***

“Павлодарская газета” дала суровый “отлуп” на нашу реплику, посвящённую их объявлениям. Припомнили нам и проклятое партийное прошлое, и “сладкую женщину”, и прочие прегрешения — истинные и мнимые... Хотя наша реплика была вполне корректной по тону, и “Павлодарскую газету” в ней мы лишь упомянули.

Такую “полемику” можно проиллюстрировать так... Один говорит другому: “Послушай, а ты ведь не прав в этом деле...”, и другой отвечает: “Да ты сам дурак. К тому же у тебя и наследственность дурная, и с женой тебе не повезло...”.

Правду моя мать говорит: не трогай дерьмо — вонять не будет.

***

Провели очередной мозговой штурм — всё пытаюсь улучшить содержание газеты. И ведь есть что улучшать — это все понимают, но реагируют вяло. Я же понимаю ещё и то, что пока газета будет “под властями”, кардинально ничего в ней не изменится. А затевать сегодня газету собственную — чистое безумие. К тому же всё равно она будет “под кем-то” — тем, кто даёт деньги.

15 февраля

Беспрецедентна волна критики в российских газетах в адрес Б. Н. Ельцина и его ближайшего окружения. Несостоявшийся Генеральный прокурор России А. И. Казанник (тот самый, что на первом съезде народных депутатов СССР уступил своё место в Верховном Совете СССР Ельцину и спустя несколько лет получил от него — уже президента России — высший прокурорский пост) повествует о том, как его с первых дней пытались поднять подручные Б.Н. О том, что никто президенту ни в чём не перечит и не говорит правды, не пытается удержаться от необдуманных поступков.

В “Правде” мощная статья Станислава Говорухина о некоем Дмитрие Якубовском. Факты приводятся просто ужасающие: “Генерал Дима”, как его иногда именуют в московских кругах, человек с непонятными высочайшими полномочиями, а на самом деле проныра, наглец, вор — Хлестаков наших дней, — был вхож в самые высокие кабинеты, творил “от имени и по поручению” невероятные мерзости, вершил судьбы, пока, наконец, не оказался за решёткой...

С. Говорухин снял очередной документальный фильм в трёх сериях “Великая криминальная революция”, но показать нигде не может, несмотря на то, что он известнейший режиссёр, лауреат, депутат Госдумы...

***

Из публикуемого сегодня отчёта облстатуправления... За прошлый год спад производства составил 29,2 процента, а по сравнению с 1991 годом — 47,2 процента. В том числе выпуск тракторов и бульдозеров (к 1991 году), соответственно, — в 17 и 15 раз. Объём переработки нефти (к 1991 году) упал на 54,1 процента, поголовье крупного рогатого скота снизилось до уровня 1977 года (610,4 тысячи голов). Большинство хозяйств — на грани банкротства.

За прошлый год из области уехали свыше 39 тысяч человек — в основном это русские (57 %), немцы (около 30 %) и украинцы (11 %).

16 февраля

Интереснейший материал Э. Д. Соколкина к 100-летию Всеволода Иванова. Я знал о том, что Всеволод родился и жил в Лебяжье, потом в Павлодаре, но не знал, что мать его из ссыльных каторжан — польских конфедератов, а отец — “незаконнорождённый” сын туркестанского генерал-губернатора и его экономки; много занимался самообразованием, знал семь восточных языков.

Оказывается, наш С. А. Музалевский состоял в переписке со Всеволодом Ивановым и некоторые произведения писателя впервые публиковались в “ЗП”. Например, очерк об Антоне Сорокине. В Павлодаре есть улица В. Иванова, о которой мало кто знает. Некоторые личные вещи и рукописи писателя хранятся теперь в литературном музее имени Бухар-жырау.

18 февраля

Отличный материал З. А. Суворовой о судьбе трёх женщин, побывавших на войне. Как жаль, что никто из литераторов и журналистов не взялся по-настоящему за эту неисчерпаемую и трагическую тему — женщины на войне. В нашей фронтовой литературе геройствуют преимущественно мужчины, а женщины в ней либо проходят по касательной, либо их там вообще нет... Хотя это не совсем так: прекрасную повесть “А зори здесь тихие...” написал Борис Васильев.

19 февраля

Ездили с Ольгой в Иртышск. Она — навестить дядьку с тёткой, я брал интервью у главы райадминистрации Т. В. Сыздыкова. Разговор получился, уже приду- мал заголовок “Долго ли селу стоять на коленях?”. И в самом деле: этот район — главная хлебная житница области, дающая ей до 40-50 процентов продоволь- ственного зерна, бедствует в прямом смысле слова. Государство же не только не помогает селу, но и связывает по рукам и ногам его инициативу... В животновод- стве ситуация тупиковая: в прошлом году хозяйства сдавали молоко, не получая за него денег, и сегодня доярки работают по сути бесплатно, получая время от времени “авансы” в 600-800 тенге. То же и в растениеводстве: с совхозами до сих пор не рассчитались ещё за сданное государству зерно прошлого урожая.

Крупнейший в области совхоз “Суворовский” закончил год с прибылью — более десяти миллионов тенге (сам по себе случай исключительный), а на счету у него всего лишь миллион (остальное совхозу должны), но и этим миллионом он распорядиться не может, поскольку “Агропромбанк”, в котором совхоз обслужи- вается, находится на так называемом дебетовом сальдо...

Чтобы не остановить производство, разваливающиеся совхозы меняют всё на всё. Этот дикий бартер добывает и без того почти убитое сельское хозяйство.

Написал материал, которым, конечно же, будут недовольны власти. Но глава района его завизировал. И это делает честь Т. В. Сыздыкову.

***

Грустным вышло общение и у Ольгиной родни. Дяде Илье, ветерану войны, уже за 80. И хоть он бодрился, сказал мне, что, скорее всего, не доживёт до Дня Победы. Потому что не хочет доживать...

Разве такую он заслужил старость?

22 февраля

День рождения... На работе подарили цветы — очень красивые. Сюрприз от Ольги: добыла где-то несколько бутылок пива... Уважила!

23 февраля

В Алма-Ате в кинотеатре “Целинный” прошла премьера документального фильма “Динмухаммед Кунаев. Хроника жизни и смерти” Асии Байгожиной. Долго она его снимала, много неприятностей пережила при этом, но всё же дове- ла дело до конца. До этого был её фильм о декабрьских событиях 1986 года в Алма-Ате, также выбивающийся из общего ряда. Я всегда поражался тому, ка- кой сильный характер таится в этом хрупком теле, тому, как ей удаётся в наше смутное время идти собственным путём.

Надо будет позвонить ей — поздравить...

25 февраля

На заседании коллегии обл администрации обсуждалось положение дел с орошаемым земледелием. Оно и в лучшие времена было далеко не идеальным, а теперь и вовсе плачевное: часть поливных земель брошена, а дорогостоящее оборудование разворовывается; другая часть поливается, но резко снизила от- дачу; часть даёт урожай меньше, чем поля без полива...

И хоть разговор на коллегии шёл довольно жёсткий, перспективы орошае- мых земель в области незавидные. Я говорю об этом ещё и потому, что хорошо знаю историю вопроса — в своё время написал книгу о мелиорации “Целина в новых берегах”, которая, к сожалению, осталась почти незамеченной.

***

Ноу-хау нашей торговли — продажа подержанных (то есть уже ношенных) вещей на вес. К нам они поступили по смешным ценам. При том что одежда, как

уверяет Ольга Фролова, побывавшая в магазине, вполне приличная — вещи добротные, чистые, а некоторые даже с магазинными этикетками. И раскупают их влёт.

28 февраля

В Павлодаре побывал посол ФРГ в Казахстане. Я ходил на его пресс-конференцию. Ключевая фраза: “Отъезд немцев из Казахстана не отвечает устремлениям ни нашей, ни вашей страны...”. Немцы тем не менее целыми семьями устремляются на историческую родину...

***

Наша Наталья Дворянинова побывала в своём родном Актогае. Впечатления — безрадостные. Один только факт: очередь за пенсией занимают с двух часов ночи — благо почта не закрывается... Тут же чай пьют — греются...

***

День рождения отца, сегодня ему было бы 73 года. Одиннадцать лет, как он умер. Как важно и как интересно мне было бы поговорить сейчас с ним!

***

Просили гормаслихат освободить “ЗП” от налога на рекламу, но депутаты только уменьшили его с 15 до 5 процентов... А уж как я бился-доказывал... Но всё же это лучше, чем ничего.

***

Ольга уехала на форум женщин Казахстана (она член президиума областного совета женщин). Поедет вся делегация с комфортом — начальник отделения дороги А. С. Саркыншаков выделил для неё спальный вагон.

Ольга собиралась в дорогу, будто в многомесячное путешествие. Пусть хоть в этой поездке отдохнёт.

***

Подготовил подборку новелл и “блесток” для “Нивы” — чуть больше печатного листа. Не всё нравится, но отправляю — пусть теперь у В. Р. Гундарева голова болит — что с этим делать...

1 марта 1995 года

Болею, но как-то непонятно: голова тяжёлая, будто не моя, ломота в теле, и ещё “крутит” ноги (теперь хотя бы отчасти могу понять ревматиков).

Пашка тоже болеет. У него грипп, высокая температура, почти не ест, плохо спит.. Хуже нет, когда болеют дети...

2 марта

С самого утра люди передают друг другу печальную новость: “Вы слышали — убили Влада Листьева?!” Это один из самых известных и талантливых тележурналистов новой формации. Слава его начиналась во “Взгляде”, потом было “Поле чудес”, в последнее время “Час пик” — телебеседы с известными людьми на актуальные темы. Обаятельный, умный профессионал, он был любимцем телезрителей всех возрастов и мировоззрений.

Недавно Листьев был назначен директором Общественного российского телевидения, создаваемого на первом канале вместо “Останкино”, готовилось акционирование бывшего Центрального телевидения; видимо, это сильно задевало чьи-то интересы, и Листьева “убрали”. Во всяком случае, прозвучала такая информация: когда на бывшем ЦТ стали давать рекламу без посредников, доходы от неё выросли с 5 до 30 миллиардов рублей.

Влада Листьева убили в подъезде собственного дома, двумя выстрелами в упор. Работал профессионал — смерть была почти мгновенной.

На телевидение приехал Б. Н. Ельцин — подавленный, мрачный. Повинился и построжился — уволил прокурора Москвы и начальника столичной милиции. Это правда, что Москва стала главным рассадником преступности в России, но назначать “козлами отпущения” за убийство Листьева двух главных столичных правоохранителей по меньшей мере глупо. Может быть, они и нашли бы убийцу, заказчиков... Впрочем, это вряд ли. Обещания властей найти и покарать виновных в смерти журналиста “Московского комсомольца” Дмитрия Холодова до сих пор не выполнены, хотя один из главных чинов спецслужб заявил, что уже знает их имена...

На российском телевидении в этот день — траур: только музыка и программа новостей...

Мы тоже подготовили заявление от областной организации Союза журналистов...

3 марта

По-прежнему больше всего разговоров о смерти В. Листьева. Вчера московские каналы объединились, организовали “прямой эфир” с участием журналистов, политиков, деятелей культуры — тех, кто когда-то участвовал в передачах Влада. Впечатление от этой странной “панихиды-тусовки” осталось тягостное: уж очень многие попросту красовались на телеэкране, зарабатывали разного рода очки, сводили счёты...

Жалковато выглядел наш бывший генсек и экс-президент СССР Горбачёв, так и не нашедший нужных слов в связи с убийством Листьева, хотя экранного времени занял больше других. Сводил всё к политике, критике нынешнего режима, оправданиям своего курса. Думаю, раздражение он вызвал не только у меня: операторы не раз демонстрировали на экране недоумённые лица сидящих в зале, когда он говорил. Их взгляды будто вопрошали: разве об этом нужно сейчас?

Отыгрался за свою принудительную отставку с поста главы бывшего ЦТ и Егор Яковлев, заявивший с телеэкрана Б. Н. Ельцину, что не надо держать людей за дураков — мол, освободили прокурора, поручили расследование министру Ерину, “геройски” прославившемуся в октябре 1993 года при взятии здания Верховного Совета и заслужившему за это звезду Героя России... Мне показалось, что давняя обида сквозила в выступлении авторитетного журналиста куда сильнее, чем боль за то, что в российском государстве давно всё продано и куплено.

Артём Боровик сказал, что спрашивать за всё надо с Ельцина, потому что при Горбачёве нас снимали с постов, но не убивали.

Ведущий — Киселёв — тут же парировал: нет, это началось ещё при Горбачёве, и тут же выдал в эфир видеоряд из страшных кадров горбачёво-ельцинского периода...

Сванидзе заявил, что он, тем не менее, выбирает Ельцина, а то ведь, того гляди, и Анпилов придёт. Журналист Сванидзе продвинутый, а постановка вопроса дурацкая, потому что России, наверное, нужен не тот, ни другой.

Ведущий брейн-ринга Козлов истерически “нёс” с телеэкрана и Яковлева, и Ельцина...

И так далее — кто в лес, кто по дрова... Вроде хорошее дело затеяли: умные, талантливые люди собрались, чтобы почтить память погибшего товарища, поговорить о том, как жить дальше... И превратили вечер скорби в пошлейший спектакль — подобие первого съезда народных депутатов СССР, когда каждый, выходя на трибуну, говорил только о своём, и плевать было ему на пять тысяч остальных депутатов и всю страну, прильнувшую к телеэкранам.

Добавление из 2009 года. Много лет спустя один из бывших “взглядовцев” Владимир Мукусев написал книгу “Разберёмся...”, в которой коснулся и истории убийства Влада Листьева. По словам Мукусева, который, конечно же, знает о чём говорит, Листьева сгубила совершенно необузданная возможность получить

огромные деньги, никем не контролируемые. Цитата из книги “Разберёмся...” В. Мукусева: “После убийства Влада Листьева на его счетах было обнаружено 16 миллионов долларов, не считая недвижимости. И это после работы во “Взгляде” с его сорокарублёвыми ставками.

... 1 марта 1995 года убили не журналиста Листьева, а Листьева-коммерсанта...

Полный финансовый беспредел творился в получении рекламных денег. Одна минута в прайм-тайме стоила примерно 40000 долларов. Но чтобы выставить эту рекламу в “Поле чудес”, рекламодателю нужно было заплатить ещё столько же производителю в карман... Доходы от этой “замечательной” коммерческой деятельности составляли около 200 тысяч долларов за передачу...

Если бы Влада арестовали (В. Мукусев говорит, что вся эта “коммерция” попала под статью о мошенничестве в крупных размерах. — Ю. П.), вместе с ним были бы арестованы не только его личные счета, но и счета всей компании, всех дочерних организаций. Тем, кто убил Влада, было важно сосредоточить на нём внимание следствия и общества. В этом случае арестовывались только личные счета Влада”.

Неудивительно, что убийцы, а, главное, заказчики убийства Листьева, так и не были найдены. Это я уже от себя добавляю...

***

В Павлодаре резко сокращено число плановых операций, оперируют в последнее время только так называемых экстренных больных. Причина — отсутствие необходимых медикаментов.

***

В прошлом году из Щербактинского района уехали 438 человек, а из Успенского — 1236. Последняя цифра — это численность населения среднего по размерам хозяйства. Итого за год “потеряли” только в двух районах полтора хозяйства.

Почему из Успенского района уехало людей почти втрое больше, чем из Щербактинского? Ответ прост — в Успенском районе много немцев, а их отъезд все последние годы напоминает массовое бегство.

***

*“Я устал от войн и революций,
От вождей, теорий и цитат,
Пятилеток, съездов, конституций...”*

Из подборки стихов Василия Лукова в сегодняшнем номере... Хорошие строки...

4 марта

Наш Бейбут Байдилов увидел объявление на автобусной остановке: “Молодая здоровая женщина ищет обеспеченных приёмных родителей для своего будущего ребёнка”. И телефон посредника. Бейбут позвонил и услышал: ребёнок “на подходе” — родится в марте, мать его отдаёт потому, что не имеет средств к существованию, и хочет получить две тысячи долларов...

А что: рынок есть рынок, на нём всему есть своя цена... Дали реплику на первой странице.

***

С. П. Шевченко побывал в Петропавловске на 50-летию своей школы, написал хороший материал. В нём есть фрагмент потрясающей силы — о том, как, потеряв хлебные карточки на всю семью (или их у неё украли), повесилась семиклассница.

Сергей Павлович рассказывал мне, что много лет спустя описал эту историю в небольшой автобиографической повести “Пушки грохотали далеко”.

Повесть уже готовилась к выходу в одном из алма-атинских издательств, когда автору сказали, что главу с этой печальной историей надо убрать.

— Да вы что? — возмутился Сергей Павлович, — может быть, эта самая сильная глава в книге!

— Советские пионерки не вешаются, — отвечал ему редактор издательства, — не уберёте главу — вместе с ней вылетит из плана и вся ваша книжка.

Главой пришлось пожертвовать...

5 марта

Был на встрече с Олжасом Сулейменовым. Он приезжал на отчётно-выборную конференцию возглавляемой им партии Народный Конгресс Казахстана, заодно решил встретиться — как депутат Верховного Совета — с павлодарцами. Большой зал Дворца тракторостроителей был набит до отказа — Олжаса в народе любят.

Отчасти эту встречу можно считать продолжением необъявленной, но, вероятно, всё же “имевшейся в виду” предвыборной президентской кампании Олжаса... Хотя ничего нового лично я из речи Сулейменова и его ответов на вопросы не услышал. Правильно критикует правительство, выдвигает ряд здравых предложений... Подтвердил, что НКК переходит в так называемую конструктивную оппозицию нынешнему президентскому курсу...

Но критиковать всегда проще, чем что-то делать самому... Да и, честно говоря, я не вижу Олжаса Омаровича в роли президента. Светлая голова — да, талант — да, известен в Казахстане и в мире — да... Но всего этого недостаточно, чтобы эффективно управлять государством — тем более в столь смутные времена. Тут и не такие зубры — с опытом управления, немалым политическим весом — ломали себе не только зубы, но и шеи... Да и не дело поэта управлять государством, его призвание — властвовать над умами и душами, что, может быть, куда важнее и дороже.

Впрочем, у Олжаса Омаровича нашлось что сказать и на этот счёт: в политику он пришёл вынужденно, не в силах больше наблюдать со стороны страдания народа. Прав он, когда говорит, что нельзя считать повсеместную невыплату зарплаты победой над инфляцией, которой уже начинает гордиться правительство.

Я, глядя на Олжаса Омаровича, думал: какая же всё-таки эта зараза — политика, как она засасывает людей — как то же пьянство, как наркотики...

***

Запомнились ещё два факта, приведённые на встрече с О. Сулейменовым. В 1990 году он выпустил книгу, за которую ему заплатили 200 тысяч рублей... Самая престижная легковая машина “Волга” стоила тогда максимум 12-15 тысяч. Вот какие гонорары платили в СССР маститым литераторам!

И второй факт. Недавно прошёл благотворительный марафон детского фонда “Бобек”, который возглавляет супруга Н. А. Назарбаева Сара Алпысовна. На ней личная теннисная ракетка нашего Президента была продана за пять миллионов тенге, а его национальный пояс — за 4,8 миллиона. Олжас по этому поводу с раздражением заметил: лучше бы разработали государственную программу помощи детям, чем заниматься популизмом.

И подобными “уколами” президент и первый казахстанский поэт обмениваются в последнее время всё чаще. Правда, обычно не называя при этом друг друга. Вряд ли это на пользу им обоим и всему Казахстану.

8 марта

Опубликовали подборку стихов В. Семерьянова — как раз про наше время:

*«Не заметили мы наши быстрые годы,
Мы плутали с вожжами — от души без души...
То ли жизнь без свободы, то ль без жизни свобода,
То ли рано уходим, то ли поздно пришли».*

9 марта

Ольга сказала мне сегодня, что до того, как вышла за меня замуж, каждый день писала по стихотворению... Сказала в шутку, но едва ли не со слезами на глазах, имея в виду съедающие всю нашу жизнь тяготы бытия... А виной всему — телевизионные монологи Виктории Токаревой, которые мы смотрели и слушали. Я люблю токаревскую прозу, такую непохожую на других, полную скрытой и явной иронии и самоиронии. Ей бы ещё убавить самодовольства в телевыступлениях...

Что же до Ольгиных стихов, то она и права, и неправа. Стихи и сегодня пишутся, и, наверное, цена им выше, чем прежде.

***

Показывает характер московский градоначальник Ю. М. Лужков: сказал, что если президентом России не будут отменены указы о смещениях со своих постов столичных прокурора и начальника милиции (эта прерогатива мэра Москвы), он подаст в отставку. Б. Н. Ельцин пока держит паузу.

***

“Изюминка” “Останкино”: “Час пик” с Владом Листьевым, смонтированный из его прежних эфиров. Он задаёт вопросы невидимым собеседникам и сам на них отвечает (это ответы из каких-то его интервью по разным поводам). Получилось очень хорошо, ярко, убедительно.

Безмерно талантливый человек, угадавший своё место в жизни, труженик из тружеников и отчаянный жизнелюб...

“Осиротели на талант” — написал о Листьеве Василий Луков (Б. В. Исаев).

12 марта

Политическая сенсация! Казахстан остался без Верховного Совета. Одна из “отсеянных” кандидаток в депутаты, известная журналистка Татьяна Квятковская, обратилась с жалобой в Конституционный суд. В частности, она оспаривала непропорциональную “нарезку” избирательных округов (делалось это по границам районов, из-за чего выходило — где густо, а где — пусто), неправильный подсчёт голосов: если избиратель оставлял в бюллетене не одну фамилию, как полагалось, а несколько, то все эти кандидаты получали по голосу “за”. Такие разъяснения по подсчётам дал сразу по итогам выборов Центризбирком — видимо, просто боялись, что выборы могут не состояться из-за низкой активности избирателей. И Конституционный суд вынес вердикт в пользу несостоявшегося депутата Квятковской.

Верховный Совет и президент страны внесли свои возражения на решение Конституционного суда, однако он квалифицированным большинством отклонил их, подтвердив свой прежний вердикт.

В итоге выборы признаны нелегитимными, то есть незаконными. И не только в злополучном округе кандидатки Квятковской, но и во всех остальных. А из этого вытекает, что и парламент наш — нелегитимный и отныне не существует — с 6 марта, того самого дня, когда Конституционный суд вынес своё первое судьбоносное решение.

Конечно же, возникают вопросы. С чего бы это вдруг Конституционный суд, прежде свою принципиальную позицию никак не проявлявший, вдруг так озаботился судьбой одной-единственной кандидатки — пусть и столь активной?

Не побоялся “бодаться” с Верховным Советом и даже с самим президентом? И неужели всё то, о чём написала в своём заявлении Квятковская, стало для кого-то открытием, ведь были на этот счёт публикации в газетах, иски в обычных судах, но всё это получало жёсткий и решительный отлуп, в том числе и от верховной власти, не раз заявлявшей, что наши парламентские выборы прошли в полном соответствии с законом. Что же произошло: только теперь прозрели или это очередной хорошо подготовленный политический спектакль?

По здравому размышлению, парламентский кризис президенту вроде ни к чему. Нынешний Верховный Совет возглавляет человек, безусловно лояльный (если не сказать — преданный) президенту, сам парламент хотя и “бузит” временами, в целом идёт в фарватере президентской политики, а новый, если выборы пройдут в ближайшее время, может быть по составу куда более непослушным.

Парламентарии ерепелятся, грозятся внести в Конституцию поправку, чтобы изъять из неё статью о Конституционном суде... Но дело уже сделано — Верховного Совета больше нет. Правительство подало в отставку, и президент тут же вновь назначил его главой А. М. Кажегельдина. Стало быть, и оно, сформированное совсем недавно, также в большинстве своём останется по составу прежним. То есть и тут никакой иезуитской логики не просматривается.

Честно говоря, я думал: после первого решения Конституционного суда и Верховный Совет, и президент найдут способ дезавуировать его, но — нет.. Президент, кстати, в телевизионных сюжетах на эту тему выглядел абсолютно спокойным и уверенным. И на пресс-конференции в ответ на дерзкий вопрос моего однокурсника Игоря Денисова — не идёт ли в Казахстане дело к диктатуре — сказал, что это не так, потому что все решения приняты в соответствии с Конституцией.

Можно себе представить панику, охватившую сегодня большую часть парламентариев. Они только что получили квартиры в столице, начали их обустривать, впереди ещё целых четыре года безбедной и не очень заботной жизни — и на тебе... Многие, конечно, опять полезут в депутаты, но у кого-то из народных избранников никаких шансов на этот счастливый билет нет.

Мне тоже было несколько звонков, в том числе и с поздравлениями: что, мол, торжествуешь — где бы ты теперь был, если бы прошёл в депутаты? И в самом деле, права народная мудрость: никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. Кстати, и Ольга вспомнила, когда я, пытаясь её как-то успокоить, скорее в шутку сказал: не переживай, мол, их через год разгонят.. И вот — как в воду смотрел. Но ни злорадства, ни тихой радости не испытываю — скорее тревогу: новые выборы — это опять такая нервотрёпка...

Добавление из 2009 года. Через некоторое время в ходу будет присказка, авторство которой приписывают Олжасу Сулейменову: “Ельцину для разгона российского парламента понадобились танки, а в Казахстане хватило одной Таньки”.

14 марта

Тельман Айтказин, заведующий организационным отделом областной администрации, собаку съевший на выборах, сказал мне, что он телефоны оборвал, когда из Центризбиркома поступила инструкция считать голоса “по новой” — все оставленные в бюллетенях фамилии получают “за”. И ведь не он один тогда сомневался... Но тогда подобный способ подсчёта всех наверху устраивал... И вдруг такая сверхпринципиальность!

Но если нелегитимными признаны выборы в Верховный Совет, то таковыми надо признать и выборы в маслихаты всех уровней, где система подсчёта голосов была аналогичной. Об этом, однако, никто не вспоминает: не потому ли, что Верховный Совет всё же “вякал” время от времени, а маслихаты сегодня — структура суть декоративная?

Любопытно, что и сама “Женщина, которая играет по правилам и выигрывает” (заголовок “казтаговского” материала) Татьяна Квятковская накануне принятия Конституционным судом ещё первого решения выступила в “Казахстанской правде” со статьёй под весьма красноречивым заголовком — “Защищая свои конституционные права, я не собираюсь разрушать Рим”, в которой подчёркивает: она отнюдь не собирается оспаривать законность выборов в других округах и легитимность парламента в целом... Но если суд пошёл дальше, демонстрируя всему миру — вот что значит у нас гражданин и его права — то, может, Квятковскую попросту использовали? Мало кто из прожжённых аппаратчиков госструктур верит в то, что Конституционный суд в данном случае действовал без высочайшего одобрения. Всё становится на свои места лишь в том случае, если предположить, что и такой — полупослушный — парламент президенту не нужен. На вчерашней встрече с руководителями столичных СМИ из уст Н. А. Назарбаева прозвучало: Верховный Совет принял за год всего семь законов, а все главные — волокитил. О чём, мол, тут вообще жалеть? Последнее не было произнесено, но вытекало из сказанного.

Может быть, президент просто решил выиграть время и издать нужные стране законы без парламента, сам? А когда будет избран новый Верховный Совет, поезд реформ будет уже далеко... Или, как, прихохатывая, говорил мне С. П. Шевченко, новый общественный институт — Ассамблея народа Казахстана — возьмёт на себя роль парламента и единодушно проголосует за президентскую республику. Недаром же её сбор сдвинули на неделю вперёд...

Вопросы, вопросы, вопросы... Никакой новой информации из столицы нет.

Вряд ли “опущенные” парламентарии (во всяком случае, некоторые из них) безропотно проглотят пилюлю унижения. С. П. Шевченко говорит, что Москва уже передала и такую оценку случившегося, данную Олжасом Сулейменовым, — государственный переворот. От себя добавлю, что последние события могут стать мощным консолидирующим фактором для хилой оппозиции, когда будут готовы объединить даже самые необъединяемые.

На меня случившееся производит гнетущее впечатление. Нутром чую дальнейшее закручивание гаек и перекрытие кислорода нам со стороны властей и встречную волну из стана обиженных депутатов и прочих “несогласных” всех мастей... И опять мы будем между двух огней...

Народу, похоже, глубоко плевать на все эти законодательные и политические разборки, и на новые выборы, если таковые будут вскоре объявлены, люди попросту не пойдут.

В этой стране ещё тысячу лет ничего не изменится — сказал мне, имея в виду большую часть СССР, прожжённый партийный идеолог Ю. М. Резников, умный и в меру циничный еврей, недавно побывавший в Израиле. И добавил: там он увидел всё, к чему 35 лет призывал здесь, будучи одним из главных рупоров местной идеологической машины; всё то, что мы пытались построить здесь... И он понял, в чём разница: им есть что терять, что защищать, есть за что воевать.

16 марта

И двух месяцев не продержались Россия и Казахстан без таможенных постов на границах меж ними. Как сообщает пресс-служба таможенного управления по нашей области, с 3 марта работа таможенных постов возобновлена. Объяснение: “За этот период наблюдались многочисленные факты недекларирования грузов, увеличился транзит наркотических средств, оружия и взрывчатых веществ через территорию нашей республики...”.

17 марта

З. А. Суворова принесла очередную подборку писем. Опять один сплошной вопль: как жить, на что жить?

Пишет многолетняя вдова из села Кенес: “У меня семеро, в день съедаем 5-6 булок хлеба... Всё время в долгах, потому что на моей работе не платят и пособие задерживают на два-три месяца...”.

Пенсионеры из Новопокровки: “Нас в селе 150... Как мы живём? Уже четыре месяца не получаем пенсии... Наше детство пришлось на войну, работали по 16-18 часов — голодные, полуголые, босые... Но там была война — мы понимали... А теперь без войны живём впроголодь. Беда ещё и в том, что наши пенсии были подспорьем семей, ведь не платят зарплату и нашим детям и внукам. Скажите — как нам жить?”.

“Пасынки бюджета” — это о незавидной доле сельских медиков, которым установили нищенскую зарплату, и ту не платят.

Печатаем, печатаем, печатаем... И что из этого?

19 марта

Российские “Вести” передали сегодня: Н. А. Назарбаев намерен строить в Казахстане президентскую республику, о чём он заявил на республиканском совещании правоохранительных органов. Для достижения этой цели в стране будет проведена конституционная реформа. Если дело обстоит именно так, то всё у нас случившееся имеет вполне объяснимую логику — президент умело воспользовался возникшей правовой коллизией...

***

Вечером слушал по телевидению самого Н. А. Назарбаева. Выступал он жёстко — досталось и милиции, и судам. Он собирается ужесточить Уголовный кодекс. Повсеместно в республике проходят милицейские мероприятия “Правопорядок”, устанавливается круглосуточное дежурство прокурорских работников и судей — с тем, чтобы по горячим следам разбираться с задержанными... Наверное, это правильно — с воровским и бандитским беспределом пора покончить. Но уж как-то это всё напоминает очередную кампанию. У нас в Павлодаре милиционеры опять разгоняют уличных торговцев — как будто они и есть главное зло.

Скорее всего, эта идея будет использована для всенародного одобрения последних решительных действий президента, Конституционного суда и Ассамблеи народа Казахстана.

Официальные средства массовой информации, включая и нашу “ЗП”, по поводу всех последних событий молчат как рыбы, публикуя лишь официальные “казтаговские” материалы. Зато “независимые” не дремлют. Слава Лесовский дал в своей только что созданной газете “Вместе” подробное интервью с бывшим депутатом Верховного Совета В. Галенко. Печатают комментарии “Местное время”, “Павлодарская газета”. Конечно, мы им проигрываем в этом. И дело не только в желании защитить бывший парламент (он и вправду этого не слишком заслуживает), а в том, чтобы звучали нормальные человеческие голоса, с разных точек зрения оценивающие происходящее.

***

Спешно освобождён от должности директор Ермаковского завода ферросплавов С. А. Донской. Премьер-министр А. М. Кажегельдин, выступая на совещании с главами областных администраций, высказался о нём в таких примерно тонах: вы сколько его там держать будете? Завод на боку, а он из-за границ не выезжает! И буквально через пару дней Донской уже не был директором — проводили его по-тихому, но с почётом.

Между тем Семён Аронович немало сделал для того, чтобы вывести завод в число лучших предприятий отрасли. Ермаковские ферросплавы пользовались большим спросом в мире... А все последние проблемы завода связаны с резким

удорожанием электроэнергии, стоимость которой в структуре его затрат преобладает. Его и построили-то здесь потому, что рядом была Ермаковская ГРЭС — надёжный источник дешёвой энергии.

С. А. Донской, с которым я не раз встречался и мог его наблюдать в самых разных ситуациях, вообще, мне кажется, один из умнейших людей, с кем мне доводилось иметь дело... С ним обошлись в высшей степени несправедливо. Но кто сегодня считается с чьими бы то ни было заслугами?

***

Ездил в родную Берёзовскую школу в качестве редактора и литератора. Встречали очень хорошо, задушевно, устроили нечто вроде читательской конференции с участием героев моих книг: друга отца — дяди Саши Агеева, моего напарника школьных лет на сенокосе Толика Елисейкина, тракториста Петра Водостоева...

Дядя Саша — чалдон желтопупый, по определению моего отца, дал всем понять, что никакой я для него не авторитет, высказавшись примерно так: “Да что вы тут мне про него рассказываете, я его ещё без штанов помню... Помню, говорил ему: “Будешь плакать — пикулькой звать стану!”.

А одна из учительниц рассказала историю. Когда она стала своим пятиклашкой говорить, что вот, мол, скоро будет встреча с писателем — выпускником нашей школы, они её спросили: “А разве он живой?” — потому что были уверены: все писатели, которых они “проходят” в школе, давно умерли.

Вот ради таких встреч стоит жить и писать...

20 марта

Пришёл на работу — отдали обращение к Н. А. Назарбаеву лидеров славянского “Лада”, национал-патриотического “Азата”, “Экома” и местного отделения партии Народный Конгресс Казахстана с протестом против решений Конституционного суда, указа президента и т. д. Разумеется, требуют публикации, а глава администрации вчера на заседании коллегии предупредил все средства массовой информации об их ответственности за публикацию “поджигательных” материалов.

Зато “Казправда” отличилась — дала невразумительную, но верноподданническую статью с туманными обвинениями в нечистоплотности, политическом авантюризме, политиканстве, “поджигательстве” наиболее несговорчивых депутатов — С. Абдрахманова, О. Сулейменова, В. Галенко... Тон статьи такой, что они могут и в суд обратиться.

***

Почитал московские газеты. Реакция на казахстанские события — сдержанная. Вспоминают “наезды” иностранных наблюдателей на наши власти по поводу прошлогодних парламентских выборов, иронизируют по поводу того, какой отпор они (наблюдатели) получили (“Это были свободные и демократические выборы, прошедшие в соответствии с законом!”), но Н. А. Назарбаева прямо и резко не критикует никто.

***

Благополучнее всех свою неожиданную отставку пережило правительство: все остались на своих постах за исключением двух министров, один из которых — Е. А. Мамбетказиев, министр образования, — бывший ректор Восточно-Казахстанского университета, где работает брат Петька.

***

В Павлодаре во Дворце культуры тракторостроителей проходил турнир по борьбе, посвящённый памяти местного “авторитета”, погибшего в прошлом году и похороненного с невероятной пышностью. Мы тогда дали небольшую

недоуменную заметку по поводу как раз этой пышности, после чего я имел очень неприятное объяснение с людьми из окружения этого “авторитета”.

Ну разве не театр абсурда: президент проводит специальное совещание по борьбе с преступностью, а в одном из областных центров по-своему чувствуют местного “авторитета”. Десятки дорогих автомашин у дворца, толпы молодых людей... Вот она — консолидация, вот кому верят люди...

21 марта

Забежавший ко мне вчера вечером коллега Жасулан Садыков, увидев, как я суечусь, пытаюсь решать наслаивающиеся одна на другую проблемы, с мягкой иронией заметил:

— Вы ведёте себя так, как будто собираетесь жить вечно...

И ведь он прав: сколько в моей жизни ненужной суеты, дёрганья, пустых хлопот!

***

Приходила знакомая бальзаковского возраста — из гуманитариев, со следами былой красоты. Осталась без работы, но пытается шутить:

— И вот думаю: что же мне делать? На панель уже, наверное, поздно, а на покой, вроде, рано...

22 марта

Н. А. Назарбаев на республиканском совещании по усилению борьбы с преступностью высказался против отмены смертной казни. Привёл следующие цифры: за прошлый год в кассационном порядке рассматривались смертные приговоры в отношении 87 человек. При этом 67 приговоров оставлено в силе. А комиссией по помилованию из 40 ходатайств приговорённых к смертной казни она заменена на пожизненное заключение лишь одному.

Ещё Н. А. Назарбаев с возмущением говорил о бурном строительстве особняков: “... На какие шиши строят себе хоромы разного рода государственные чиновники?”. Дал поручение провести проверку в Алматы и области на этот счёт..

26 марта

Вернулся с первой сессии Ассамблеи народа Казахстана. В ней представлен полный казахстанский интернационал плюс главы областей и секретари областных маслихатов. Кого представляю я — даже мне самому не совсем понятно, ведь ни в какие славянские организации не вхожу, но вот избрали...

Свою историческую миссию ассамблея выполнила — выразила решительную поддержку курсу президента, единодушно высказалась за продление срока его полномочий ещё на один срок. Правда, не автоматически, а путём общенародного референдума (закона о котором ещё нет), хотя некоторые из выступавших в приступе патриотизма уверяли: и без референдума ясно — наш народ поддержит своего президента. Объясняли они это сложностями переходного периода, необходимостью сохранения стабильности в стране, преемственности реформ.

Много было суесловия и славословия, и мне казалось, что президент вот-вот остановит сладкоречивый поток, ведь даже от сладкого в большом количестве тошнит... Однако, надо полагать, и тон, и содержание речей хорошо вписывались в предполагаемый сценарий — и к концу дня ассамблея приняла соответствующую резолюцию...

Я не слишком жалею о почившем парламенте — ничем особым он себя не зарекомендовал. Бесконечные выяснения отношений — друг с другом, с правительством; политические заключения — много шума из ничего... При этом некоторые народные избранники прямо-таки разбухали от осознания собственной значимости, на самом деле ничего из себя не представляя. И результат их работы — ноль.

Так что я тоже, скорее, за то, чтобы власть сегодня была в одних руках. И что бы ни говорили оппоненты, Н. А. Назарбаев для этой цели подходит лучше, чем кто-либо другой. Он прошёл хорошую жизненную школу, он прагматичен и предсказуем, он не из тех, кто может наломать дров...

Но раздражает меня то, что всех нас в очередной раз держат за дураков. Зовут на выборы, объявляют их затем демократичными и свободными, несмотря на многочисленные вопли наблюдателей, журналистов и несостоявшихся депутатов, а затем по одной-единственной жалобе несостоявшейся депутатки объявляют их нелегитимными. И никто за эти вопиющие нарушения закона (“неправильные” выборы) не отвечает. Потом подбирают на местах (притом весьма тщательно!) группы людей, готовых играть по установленным другими людьми (из верхов) правилам. Априори объявляют отобранных лучшими представителями разных народов и, стало быть, всей страны, и с большой охотой принимают их рекомендации, родившиеся отнюдь не в мозгах этих самых отобранных-избранных... Сами по себе они вполне достойные, уважаемые люди, но они ведь лишь актёры во всём этом политическом спектакле. Убеждён: многие из них отлично отдадут себе отчёт в этом. И всё-таки лицедействуют! Почему? У каждого свой резон: у кого-то должность, которой запросто можно лишиться, у кого-то бизнес (вдруг новое общественное положение поможет!), кто-то просто всегда рад возможности засветиться среди сильных мира сего...

“Ну а тебе-то это зачем, тебе что за выгода?” — спрашиваю себя самого. Ответить мне нечего: отчасти я такой же, как и все, соглашатель, разве что не столь усердный. Пытаюсь выжить в предлагаемых мне обстоятельствах, хоть это иногда бывает и противно... Пытаюсь исследовать жизнь, чтобы когда-нибудь написать об этом... Так что оправдания, если захотеть, всегда найдутся. И ничем я не лучше многих других...

***

Президент заявил нам, что будет строить в Казахстане президентскую республику, потому что до полноценной демократии нам ещё расти и расти, а эта форма правления давно зарекомендовала себя в мире.

Парламент у нас будет, но другой — скорее всего, меньшим числом и двухпалатный, и заниматься он будет исключительно законотворчеством. Никакого перетягивания каната ветвями власти отныне быть не должно. Более того, есть идея после узаконивания соответствующих процедур наделить глав местных администраций правом возглавлять маслихаты... А то сегодня непонятно, какую вертикаль продолжают главы администраций — то ли президентскую, то ли правительственную. Так что и вправду грядут большие перемены...

***

В очередной раз подивился собственной наивности... Ехали в столицу на двое суток, я взял пять с половиной тысяч тенге (почти целый редакторский оклад). Думал — тысячу отдам за гостиницу, а на остальные куплю подарки домочадцам. Но оказалось, что за место в двухместном номере (мы жили по двое) надо заплатить полторы тысячи за сутки — итого вместе с оплатой за бронь моих денег хватило бы как раз на трое суток. Благо, что мы выселились уже утром (улетели только вечером) и за третьи сутки платить не пришлось. Иначе я бы вовсе остался на бобах.

***

Передал в Алматы Наташе Баталовой “Ниву” с “Записками об отце” (увидеться нам не удалось). А когда она позвонила и стала хвалить эту вещь, я сказал, что отдал ей журнал, чтобы убедить её написать историю своей борьбы за

спасение младшего сына — поразительную историю, полную трагизма и мужества, отчаяния и любви, лишений и благородства... Пытаюсь убедить её в том, что эта история поможет обрести надежду и веру тысячам других людей.

27 марта

Объявлен срок референдума о продлении полномочий президента — 29 апреля. Спешно написан закон о референдуме, который мы публикуем. Кстати, узбеки уже провели свой референдум о продлении президентских полномочий И. Каримова, на котором 95 процентов избирателей выразили ему свою поддержку. Так что у нас есть достойный пример для подражания.

Нам, областным государственным газетам, поставлена задача — обеспечить информационную поддержку важнейшей политической акции.

Сверху спущена идеологическая установка, требующая нейтрализации “неправильных газет” во время подготовки к референдуму. Любой прорыв оппозиции в средства массовой информации будет расцениваться как политическое бессилие местной власти — со всеми вытекающими последствиями... Это тот самый случай, когда усердие превозмогает разум, ведь ясно же, что президент и без этого получит вотум доверия народа. Но важна, вероятно, ещё и степень этого самого доверия — то есть самый высокий процент “за”.

28 марта

“Власть закона сменилась властью средств массовой информации, но человечество ещё полностью не осознало это. Именно СМИ стали источниками власти в нынешних демократических обществах, трансформировав само понятие “демократия”. И если раньше демократия базировалась на законе, то теперь — на общественном мнении, создаваемом СМИ”.

Это мнение генерального секретаря ООН Бутроса Гали. Не думаю, что оно относится к прессе республик СНГ.

***

Ольга Воронько разбиралась в Качирах в ситуации, сложившейся после приватизации здешних комбината строительных материалов и райбыткомбината. Некий Алик Умаров приобрёл их на коммерческом конкурсе, обязуясь сохранить профиль и рабочие места. Теперь от первого, выпускавшего в год до 13 миллионов штук кирпичей, остались рожки да ножки — предприятие восстановлению не подлежит. Та же ситуация и с райбыткомбинатом. Без работы, а главное — без её перспективы, остались, соответственно, 190 и 80 человек. А сам “приватизатор” пропал — его уже полгода не могут найти...

И никто за случившееся не понёс никакой ответственности. Один из чинов территориального комитета по госимуществу “качирскую эпопею” прокомментировал так: “Я всегда говорю, что приватизация — горькое лекарство, которое мы должны выпить... Другого механизма найти собственника у нас нет: один прогорит, второй, потом научатся работать на ошибках друг друга, и мы начнём строить новую экономику”.

Да чёрт бы с ними — пусть прогорают, но ведь люди остаются за бортом жизни! Люди, которые создавали эти ныне разграбленные производства, должны быть их собственниками. Какой-то явно не тот мы рынок строим — без человеческого лица...

29 марта

Такое не могло мне присниться в самом кошмарном сне... Во вчерашнем номере газеты, в указе президента о предстоящем референдуме, проскочила ошибка, издевательски искажающая смысл ключевой фразы текста. И вместо “всенародно избранного” у нас в газете вышел “вненародно избранный” президент. В

строке с этим словом была малозначительная ошибка, корректор её заметила и исправила, а линотипист, исправляя, допустила другую — уже чудовищную, которую корректор и дежурный редактор, читавшие полосу, попросту не заметили. Обе они сверили — исправлена ли первая незначительная ошибка — и не обратили внимания на новую, нарушив железное правило читки: при сверке прочитывается не только строка с исправленной ошибкой, но и соседние — верхняя и нижняя, потому что при правке могут быть перепутаны ещё и строки.

В нашей газете примерно пять тысяч строк. Ошибка в любой из них была бы досадной оплошностью по сравнению с этой. Произошло то, чего никак нельзя было допустить. Это и есть закон подлости.

Вышло так, что я уже с утра был взвинчен другими неурядицами, и когда мне позвонил знакомый чиновник из областной администрации и ехидно спросил — читаю ли я свою газету, я ответил ему в его же тоне: а зачем, я ведь писатель, а не читатель. Тут он мне и выдал...

Я схватил газету, прочитал раз, другой... И мне стало жарко...

Потом было ещё несколько звонков, и я с досадой подумал о том, какой оказывается, у нас внимательный читатель — ни буковки в газете не пропустит.

Пошёл каяться к руководителю аппарата обладминистрации Р. М. Гафурову — он по распределению обязанностей отвечает за связи с прессой. Надо отдать должное Ринату Мифтаховичу — он не стал устраивать мне допроса с пристрастием (“Как вы могли допустить такое?!” и т. д.). Он вёл себя так, будто ничего из ряда вон выходящего не произошло. С одной стороны, в этом была своя логика — никому не нужен скандал в такое время. Но с другой — нельзя делать вид, будто ничего не произошло...

Помолчали...

— Что будем делать? — спросил он. — Поправку давать?

— Ни в коем случае, — сказал я, — пока что ошибку заметили десятки, в худшем случае — сотни читателей. Напечатаем поправку — возьмутся сверять, что там такое было, уже тысячи... “Прославимся” не только на всю республику — на весь мир...

— Что же вы предлагаете?

— Перепечатаем полностью указ в следующем номере, — сказал я, — тем самым ошибку исправим, но без всяких пояснений.

Р.М. Гафуров спросил ещё:

— Нельзя ли остановить тираж? Не отправлять подписчикам?

Я тут же позвонил почтовикам: на город Павлодар тираж уже ушёл, а на область ещё нет. Таким образом, из 38 тысяч экземпляров можно остановить 21 тысячу... Этот тираж договорились перепечатать...

Это, конечно же, выльется в кругленькую сумму, но голова дороже, притом не только моя. В прежние времена я, наверное, не писал бы сейчас эти строки, а уже объяснялся “где надо” по поводу “внеародно” избранного президента. Хотя и теперь ещё не знаю, чем кончится для меня это дело. Могут найтись (наверняка найдутся!) “доброжелатели”, которые “просигнализируют” в столицу, и, учитывая особую важность политического момента, мне запросто дадут по шапке.

Надо же так: в отпуске написал новеллу про ошибки в газете — самые невероятные. Писал и временами думал: нет, вот этому точно не поверят — такого-то в жизни не бывает. А в жизни, оказывается, бывает такое, что и придумать нельзя.

Позвонила рыдающая корректорша, одинокая женщина с ребёнком и несложившейся судьбой:

— Простите... Я не знаю, как это вышло... Вы же не думаете, что я это специально?

Зашла Гришина — она дежурила по этому злополучному номеру. Не знаю, что там было у неё на душе, но держалась она спокойно. Спросила только:

— Заявление писать?

— Подожди ещё, — мрачно отвечал я, — если что — вместе напишем...

Позвонил вечером домой Сергей Горбунов:

— Давай подумаем, чем я могу тебе помочь...

Сказал ему: уже помог — тем, что позвонил.

30 марта

Обратился на планёрке к народу с заявлением “о текущем моменте”. Не про ошибку — что тут можно сказать? В. М. Воронов всегда произносил в таких случаях sacramентальную фразу: если ошибке суждено случиться, она обязательно будет; пусть хоть сто человек читают полосу...

Говорил я о просьбе главы обладминистрации — “поработать на референдум”. Сказал: если не мудрствовать и не кривить душой, то сегодня у президента и в самом деле нет альтернативы, и нам всем ещё повезло в том, что в Казахстане такой президент. Призвал всех к сдержанности и ответственности и добавил: может быть, кому-то не понравится моя осмотрительность, но под ней есть своя почва — за мной редакция, все вы, и я никогда никого не сдавал — даже когда при этом стоял вопрос о моём редакторстве.

Показалось, что слушали хорошо и даже поняли...

***

Мать вчера вечером сказала сквозь слёзы:

— Как же так: столько ты пережил-перемучился, когда всё сначала не ладилось... Только-только жить как люди начали — и такое...

Ольга — за обедом:

— Я думала, за тобой на “воронке” приедут..

Шутила, желая поддержать, а под вечер жаловалась на сердце.

На работу пришёл — любимая моя картина В.Ф. Поликарпова уже не на подоконнике, где стояла всегда, а на стене. В расстроенных чувствах не сразу заметил. Спрашиваю у секретарши — чья инициатива?

— Это я повесила, чтобы вам настроение поднять... Там гвоздик был... Нельзя же так переживать — вы весь белый...

***

Вечером наперекор всему отправился с Пашкой и Данькой в бассейн. Данька с полпути вернулся... Встретили его знакомого, который сказал, что умер какой-то человек... А Данька должен был что-то сделать по просьбе этого человека, но не сделал...

Что это был за человек, какие у них были отношения, Данька не сказал и оставил нас с Пашкой, жутко расстроенный.

Данька живёт какой-то своей, во многом неведомой нам жизнью...

А Пашка вчера после обеда, встретив меня во дворе, вдруг решил проводить.

Идём, и он спрашивает:

— У тебя что-то не так на работе?

— А ты откуда знаешь?

— Бабушка сказала...

Ответил ему, чтобы он не беспокоился. А матери скажу — рано ещё его в такие вещи посвящать.

Проще всех из нашей семьи воспринял происходящее Димка (ему 15):

— Больше напускаете на себя... Ну ошибка... Кто там её заметил?

Может быть, он по-своему прав — не надо уж слишком баюкать свою печаль. Ну случилось, уже не исправить, а что можно — исправили. Надо жить дальше.

***

Приходили “доброжелатели” к Булату Ахметову — он теперь редактирует частную газету “Местное время” — предлагали дать реплику про нашу ошибку. Он их выставил за дверь и даже мне ничего не сказал — другие сообщили.

Кстати сказать, “независимым” газетам у нас на время подготовки к референдуму перекрывают кислород — в областной типографии срочно “сломалась” малая печатная машина.

***

Встретил Н. П. Попова. Он мне посочувствовал и, видя, как я к нему при-
сматриваюсь, сразу спросил:

— Что, плохо выгляжу?

— Не преувеличивайте, — уклонился я от прямого ответа — выглядел он и
впрямь неважно.

Он:

— Видно, дело к концу идёт, мне и врач так сказал...

У Николая Петровича тяжёлая и, судя по всему, уже неизлечимая форма рака...

***

У нашего домашнего “Джона Брауна” — так Пашка хотел бы именоваться — очередной приступ любви ко всему американскому: завёл специальную тетрадь, в которую переписывает слова из русско-английского словаря...

1 апреля 1995 года

Опубликовали доклад Н. А. Назарбаева, произнесённый на сессии Ассамблеи народа Казахстана. Он носит всеобъемлющий характер, затрагивая этнические проблемы всего мира, уроки истории Казахстана, меры по укреплению стабильности общества и национального согласия, дальнейший ход реформ, в том числе конституционных...

Только цитаты:

“В чём же главный исторический просчёт прошлой системы? На мой взгляд, он кроется в том, что целые народы были насильственно загнаны в прокрустово ложе тоталитарного государства, да ещё под знаменем пролетарского интернационализма. На деле это привело к сжатию пружин национального самосознания... Без утверждения институтов защиты и развития национального самосознания государственное строительство неминуемо обречено на провал...”

... Имея до войны 5,6 миллиона жителей, Таджикистан потерял в боевых действиях более 300 тысяч человек. Общее число беженцев и перемещённых лиц здесь, по некоторым оценкам, составляет свыше полутора миллионов человек, половина из которых была вынуждена покинуть страну. Несколько тысяч человек было убито и около 150 тысяч стали беженцами в результате конфликтов в Абхазии. По данным только за январь этого года, число беженцев из Чечни превысило 130 тысяч человек, число же жертв пока трудно определить...

... По оценкам экспертов, в ходе крестьянской колонизации в дореволюционный период в Казахстан из России, Украины, Белоруссии был переселён один миллион 150 тысяч человек. Во время коллективизации из Центральных районов СССР в Казахстан было сослано 250 тысяч раскулаченных крестьян. Для промышленного строительства в предвоенные годы из всех уголков страны, в основном из Европейской части, переселён один миллион 200 тысяч человек.

В Казахстан в разные годы было депортировано около 800 тысяч немцев, 18,5 тысячи еврейских семей, 102 тысячи поляков, 507 тысяч представителей

народов Северного Кавказа. Не по своей воле здесь оказались крымские татары, турки, греки, калмыки и другие.

Вследствие депортации народов население республики увеличилось на один миллион 500 тысяч человек. Во время войны в Казахстан было эвакуировано 350 тысяч человек... На целину прибыло 1,5 миллиона человек, а закрытые военные объекты приняли ещё 150 тысяч...

В итоге только с начала века в Казахстан было переселено 5 миллионов 600 тысяч человек, в том числе 3,5 миллиона — за последние 40-50 лет, не считая сосланных и эвакуированных.

С другой стороны, страшным последствием преступной сталинской коллективизации стала гибель около полутора миллионов казахов. В 1930-1932 годах 1,3 миллиона казахов безвозвратно откочевали за пределы СССР. Приведу две цифры, которые показывают губительный характер репрессивной политики для народов Казахстана. В 1930 году в республике проживали 5 миллионов 873 тысячи человек — почти столько же, сколько было переселено. К 1933 году численность населения упала до 2 миллионов 493 тысяч человек...

Нет вины казахов в том, что XX век стал для них веком трагических событий, превративших их в меньшинство на своей родине...

Не виноваты и те, кто не по своей воле оказался в нашей республике...

Имея такую уникальную политэтническую ситуацию, Казахстан избежал печальной участи наших ближайших соседей в странах СНГ, ввергнутых в братоубийственные войны. И, я уверен, мы и в дальнейшем сумеем сохранить мир и международную стабильность в государстве...

... Без политики согласия и разумной национальной стратегии мы не сможем решить никаких задач...".

О конституционной реформе:

"... Только парламент с двухпалатной системой способен квалифицированно заниматься законотворческой деятельностью... Каждая ветвь власти должна заниматься своим делом, не "наезжать" друг на друга. Этого не скажешь о Верховных Советах предыдущих созывов, которые являлись, скорее, ареной политического самовыражения депутатов, нежели законодательными органами в полном понимании этого слова.

... В наших Верховных Советах последних лет дирижировали, мягко говоря, не в меру амбициозные и чрезвычайно речистые, но далёкие от интересов страны люди... Национал-патриоты, шовинисты и коммунисты объединяются в единый блок, когда речь идёт об их групповых и личных интересах...

Требуется также пересмотреть точку зрения на местные маслихаты. Казахстан — унитарное государство... Значит, у местных представительных органов нет полномочий законодателя, и они фактически выполняют функции исполнительной власти. Поэтому было бы логичным возложить на главу всю полноту ответственности перед населением по определённой процедуре и одновременно наделить его функциями руководителя маслихата..."

3 апреля

Встречался с главой администрации Павлодара В. И. Пыхтиным. Хороший мужик, строитель, и к тому же, оказалось, земляк — купинский.

Когда у нас прошла ошибка, он позвонил мне по "вертушке" и выразил своё неудовольствие: смотреть, мол, надо, а то распустил ты там, похоже, своих... Я тогда был в таком состоянии, что не нашёл, как ответить, зато в эту встречу насовал ему полную пазуху... Он слушал молча — только лицо кровью наливалось... Думаю, понял, что был тогда неправ, потому что извинился передо мной и даже подарил на память камчу — символ власти у казахов. А я подарил ему свою книжку "Помню и люблю".

Не знаю, как он, а я точно проникся к нему симпатией после этой нашей встречи.

***

Кошмарная неделя позади, а кошмар жизни продолжается... Надо срочно лететь в Алматы — собирают редакторов на какое-то совещание. Денег на поездку нет: надо не менее 10-12 тысяч тенге, а у нас в кассе всего шесть... Пошли с А. М. Мухамеджановым на поклон в "Полиграфию" — к Г. А. Кузину, заняли восемь тысяч тенге у них. Договорились, что от нас поедет один Мухамеджанов, поскольку я недавно был в столице — на сессии Ассамблеи народа Казахстана. Отдал все деньги ему, а тут выясняется, что ехать надо обоим. Опять надо где-то попрошайничать...

***

В республике разворачивается пропагандистская волна в поддержку референдума и президента.

***

Вчера вечером пили с Данькой пиво. Он — совсем чуть-чуть... И я ему сказал: когда он родился, у меня была мечта: вот вырастет, мы вместе пойдём в баню, попаримся, а потом тут же, в предбаннике, выпьем пива — обязательно из кружек, с шапкой пены...

4 апреля

В АО "Павлодармелиорация" распродавали автотранспорт — на закрытом аукционе, то есть только для своих работников. Продано 27 автомобилей из 31 выставленного. В среднем продажная цена превосходила стартовую в четыре раза, а иногда — в восемь-десять раз.

Особенностью аукциона было то, что никаких денег никто за машины не платил — торг шёл в счет зарплаты, которую тут не платят уже около полугода. Вот её и "выдавали" автомашинами. Надо полагать, номинал её не так уж и мал, если некоторые водители прикупили сразу по две автомашины.

Сумма проданного составила 566500 тенге.

***

Оказывается, в Павлодаре есть благотворительные столовые, в которых ежедневно кормят 200 человек (из числа малообеспеченных). Надо будет узнать, что это за столовые, и по какому принципу они отбирают посетителей.

***

Прочитал в сегодняшнем "Горячем телетайпе": по мнению американских экономистов, "великая депрессия" в России наконец-то достигла нижней точки. В условиях, когда сотни новых и приватизированных предприятий приспосабливаются к новым условиям, а также при появившихся намёках на замедление темпов инфляции предсказывается наступление периода стабилизации.

О наступлении подобного периода в последнее время твердят и наши власти. Мне же этот период представляется таким образом: человек болен, состояние его нестабильно, ему всё хуже и хуже, вот он впал в кому — и теперь неясно, то ли он умрёт, то ли когда-нибудь придёт в себя; и тем не менее — это определённая стабилизация... В таком примерно состоянии и находится экономика — что в России, что в Казахстане... Если о такой стабилизации идёт речь, то это правда. Хотя, если верить нашему "нештатнику" Жасулану Садыкову — единственному информатору "ЗП" о делах на Павлодарском алюминиевом заводе, там с приходом новых управленцев сдвиги и вправду происходят: погашены гигантские долги в бюджет (более 2,5 миллиарда тенге), заключены контракты с поставщиками

сырья — казахстанскими и российскими, уже с мая зарплата будет индексироваться с поправкой на инфляцию...

Всё это, конечно, здорово, но ситуация на алюминиевом — скорее, исключение, чем правило.

6 апреля

Три дня пробыл в Алматы. Инструктировали нас “на предмет референдума” лично вице-президент, министр печати и другие официальные лица, не особенно при этом церемонясь (свой же люди — чего там!). “Негатива” в газетах и на телеэкранах быть не должно, ситуация в экономике улучшается, инфляция, наоборот, снижается, пенсии выплачиваются почти вовремя, долги по зарплате бюджетникам погашаются... Альтернативы президенту нет — от добра добра не ищут.

Всё мы уже и без того поняли: нет среди нас противников президента, а нас всё накачивают и накачивают, как школяров, похлеще, чем в худшие партийные времена.

“Мы с вами ответственны за крупнейшее, важнейшее политическое мероприятие, и оценка каждому будет дана по его результатам...”. В таком духе три дня велась идеологическая промывка мозгов.

Вернулся домой, а наши уже без меня расстарались — вся первая страница в призывах типа “все, как один...”. Пора бы уже привыкнуть к приступам идеологического идиотизма в период политических кампаний, а я всё не могу.

Ольга Фролова была на заседании местных оппозиционеров (коммунисты, Народный Конгресс Казахстана, “Славия”, “Азат”, “Эком” и т. д.), которые собираются агитировать и против референдума, и против действующего президента. Требуют обнародования своей позиции в газете. Хотя ещё несколько дней назад на встрече главы обл администрации с лидерами общественных объединений и партий никто из них ничего подобного не заявлял...

***

Один из наших редакционных ветеранов — из тех, кто терпеть не мог коммунистическую идеологию, да и советскую власть не любил, неожиданно признался мне: если бы ему дали возможность выбирать, когда жить и особенно стареть, то он, хлебнувший перестройки и периода строительства капитализма, безусловно, предпочёл бы застой... Вот и все принципы!

***

Арестованы за злоупотребления бывший председатель Национального банка, заместитель главы Восточно-Казахстанской области. Тем самым “верхи” демонстрируют серьёзность намерений в борьбе с преступностью. А ещё был вызван в прокуратуру республики для объяснений бывший председатель Верховного Совета и один из лидеров оппозиции С. А. Абдильдин.

***

Гуляли сегодня с Ольгой по набережной... Прекрасный вечер, на редкость красивый закат... И она мне сказала: “Вот так же когда-то стоял где-то здесь Павел Васильев, и Майра Шамсутдинова стояла, а Иртыш тёк... И теперь течёт, когда их нет... И течь будет, когда нас не будет...”. Она сказала это просто — как на душу легло, и очень вовремя. Ведь часто я хожу здесь, замордованный пустячными заботами, и не вижу этой красоты...

***

В столице мы жили с А. М. Мухамеджановым в гостинице “Алма-Ата”. Пошли вечером прогуляться и, возвращаясь, встретили павлодарского знакомого — необыкновенно возбуждённого директора одного из павлодарских заводов —

с охапкой баночного пива. Он обрадовался нам так, будто встретил лучших друзей: “Ребята, у меня такая радость, и поделиться не с кем, я хочу вам рассказать!”. Завёл к себе в номер, стал рассказывать. Оказывается, “выбил” кредит в 200 миллионов тенге — на строительство нового завода, о котором мечтал больше десяти лет... Не верил, что это удастся, а когда получил, наконец, документы — заплакал...

Разумеется, выпили за его удачу. Он произнёс тост: “За то, чтобы нас никогда не ставили на счётчик!”. Его, оказывается, ставили (просрочил какой-то платёж коммерсантам, взятый на строительство этого самого завода). Ему угрожали, вынужден был скрываться, не ночевал дома (говорить, что происходит, не хотел, боялся связать этим семью), жена обижалась, считая, что у него другая женщина; пошёл разлад, они с год как супруги не жили... Он вынужден был нанять охрану... Этот немолодой уже, битый жизнью мужик, плакал, рассказывая нам всё это, и всё благодарил нас за то, что мы рядом с ним в эту счастливую минуту...

***

На улице тепло, и комары — как взбесились, их полная квартира... При этом это не пойменные, а подвальные комары — маленькие, злые как собаки...

8 апреля

Прославиться можно по-разному... Остап Бендер в своё время получил известность тем, что попал под лошадь, о чём и сообщила газетная заметка под таким заголовком, а “ЗП” теперь стала всемирно известной благодаря “вненаародно избранному” президенту. Заметка о нашей ошибке появилась 5 апреля в “Комсомольской правде” под заголовком “У Назарбаева обнаружилось 42647 врагов”. Цифра — тираж нашей газеты. Заметку цитирую дословно: “И грустный, и смешной инцидент произошёл в Павлодаре с областной газетой “Звезда Прииртышья”. В официальном блоке материалов президента Казахстана ненароком обозвали “вненаародно избранным”. Досадную ошибку начальство обнаружило лишь тогда, когда все 42647 экземпляров вредной газетёнки оказались у распространителей.

Экстренные решительные меры в корне пресекли провокацию. За исключением какой-то тысячи экземпляров, весь тираж был изъят и сожжён, а вместо него напечатан новый.

Местное руководство рассудило трезво: уж лучше понести материальные издержки, чем получить обвинение в несоблюдении идеологической чистоты”.

Заметка появилась, скорее всего, по следам уже прозвучавшей информации по телеканалу “ТАН-ТВ”, или кто-то из моих павлодарских “доброжелателей” подсуетился...

Как же — упустить такой случай и не позубоскалить? Что из того, что заметка изобилует неточностями и несуразностями... Чего стоит одна фраза о том, что тираж был сожжён! Интересно, как автор себе представляет эту картину — сжигание 42 тысяч экземпляров? Наверное, так: вывезли в степь — от чужих глаз подальше, развели костёр и ну швырять в него газетные пачки... Так они ведь гореть не будут — плотные очень, да ещё сыроватые (газета — свежая, типографская краска не успела высохнуть)... На самом деле всё было куда как прозаичнее. Почтовики спросили: “Куда тираж будем девать? На макулатуру пустим?”. “Куда же ещё?” — отвечал я. Вот и всё.

Впрочем, детали теперь мало кого интересуют. Факт ошибки, как принято говорить, имел место, и это главное. О ней (со ссылкой на “Комсомолку”, кстати) уже и бывший всесоюзный “Маяк” поведал. И в историю мы уже вошли — вернее, влипли.

Два круга треволений, связанных с этой ошибкой, я уже пережил, теперь вот третий... Надо ждать звонков от казахстанских и российских друзей, ведь “Комсомолка” по-прежнему популярна на просторах СНГ. И ещё — реакции

столичных властей. Умные люди и там лишь посмеются, ну а есть и такие, что запросто войдут в чиновничий раж — тогда будут неприятности.

Доживём до понедельника...

***

Заходил вчера поэт Василий Луков — читал мне свои новые стихи, а я угощал его коньяком. Так что они (В. Луков и коньяк) хотя бы отчасти помогли мне снять стресс.

Ещё вчера устраивал судьбу чужого человека — помог подписчику “ЗП” перенести его свадьбу на более ранний срок. После чего он пообещал ещё минимум десять лет оставаться нашим подписчиком.

***

Объявили подписку на второе полугодие. Её стоимость — 320 тенге.

***

Председателем областной телерадиокомпании назначена Г. А. Науразбаева. Мы с ней знакомы ещё с партийных времён, а в бытность её председателем областного комитета по делам молодёжи вместе организовали продажу “ЗП” в розницу через созданную под эгидой её комитета молодёжную биржу. С Гүльбарам Ауэзхановой можно иметь дело.

А. М. Ажибаева, по некоторым сведениям, пока остаётся у неё в заместителях.

Добавление из 2009 года. Кстати, только недавно узнал, что это Б.В. Исаев попросил главу областной администрации А.А. Жабагина назначить А.М. Ажибаеву руководителем областной телерадиокомпании. То есть, Б.В. всегда ценил её деловые качества и когда-то хотел заменить на посту секретаря обкома партии лишь потому, что был убеждён: она в этом кресле пересидела. Но мы, несколько членов тогдашнего бюро обкома партии, решительно восстали против спешной замены Ажибаевой, и Исаев вынужден был отступить. А вскоре она смогла через Москву получить работу в Монголии, и проблема отпала вовсе.

Наверняка сама Алма Муқановна не знала, кому обязана своей руководящей работой на облтелерадио. А Исаев не счёл нужным “светиться”, что тоже характеризует его не с самой худшей стороны: и старые обиды может прощать, и прежних товарищей по партии не бросает в трудную минуту. Тем более, что в данном случае Ажибаева оказалась на своём месте и хорошо себя проявила в новом качестве.

Но она уже перешагнула пенсионный возраст, и, вероятно, теперь долго на телевидении не задержится...

***

В прошлом году в экибастузском медвытрезвителе побывало 12 тысяч “клиентов”, или каждый двенадцатый горожанин. Что, в общем, неудивительно: и в прошлом году, и в этом на некоторых предприятиях выдают “под зарплату” вино и спирт.

***

Вчера в Павлодаре было 32 градуса тепла. Ничего хорошего в этом нет — значит, опять будет холодно в мае.

9 апреля

Купили Димке по случаю на день рождения (досрочно) магнитофон-двухкассетник за три тысячи тенге. Доволен... Мы с Ольгой таких подарков в пору детства не получали...

***

На Иртыше — ледоход, довольно ранний... По реке, шурша и позванивая, плывут льдины. От реки тянет свежестью и прохладой. Долго стоял и смотрел, как мимо проплывали на льдине прорубь с намёрзшими и уже оплавившимися краями, изгиб грязной, занавоженной дороги, ещё какие-то непонятные вещи, оказавшиеся на льду.

Ледоход для меня — символ вечного движения, обновления жизни...

А на том берегу уже который день горит пойма. Оттуда тянет горьковатым дымком. Я очень люблю этот запах, но когда горит пойма, у меня душа болит: что мы всё же за нелюди такие — губим, не задумываясь, самое дорогое, что у нас есть...

***

У нас в гостях были Хухаревы, и мать, когда они ушли, сказала мне, что дядя Коля ей не понравился, что у него лицо серое, будто землей подёрнулось...

Почему-то заговорили о смерти. Мать: “У меня всё давно приготовлено. Я из своего “смертного” и Наташкиных ребятишек (дети моей сестры, умершие в младенчестве) обряжала, и Наде Хухаревой (моя двоюродная сестра, умершая несколько лет назад) на гроб белой материи давала...”

Как-то раньше мать сказала и Наталье, что всё у неё уже приготовлено (просто, без всякой задней мысли), и та ей ответила: не жалеи, мол, я тебе бархата для обивки гроба куплю. И мать — такой уж человек — недавно спрашивает у неё: “Ну и где он, твой бархат?” — “Прямо не говори, — отвечает Наталья, — не могу никак найти...”

Мать: “Я запасливая... у меня всё готово... Боюсь только — как бы полотенца не сгнили... Будете гроб опускать — ещё уроните... На всякий случай ещё веревкой посредине подстрахуйте...”

Поговорили, посмеялись... И мать подытожила: “Да, вот такие мы, старые люди, — обстоятельные, предусмотрительные”.

11 апреля

Восточный гороскоп на эту неделю сулит мне: “... робкие проблески надежды будут сменяться ощущением полной безысходности...”. Пока что предсказания полностью сбываются: припирают к стенке активисты-оппозиционеры — местный лидер НКК (Народного Конгресса Казахстана — партия Олжаса Сулейменова) принёс обращение от имени “Славии” — “Лада”, “Равноправия”, ЭКОМа, социал-демократической ассоциации, “Азата”, нескольких депутатов областного и городского маслихатов. Суть текста: Н. А. Назарбаев при всех его заслугах и достоинствах не справился с решением экономических проблем. Плачевные результаты реформ и продление его полномочий несовместимы. Лозунг “подписантов”: “Избранию наиболее достойного — да! Продлению полномочий — нет!”

Поразительно, что объединились в своём недоверии к президенту столь разнонацеленные силы — от прославянских до национал-патриотических казахских. Допекло? Или Бог лишает разума тех, кого хочет наказать?

Пытался объясняться с ними: обращение ваше в таком виде не имеет силы, поскольку никаких собраний, конференций ваших организаций не проводилось, и представляете вы, в лучшем случае, лишь самих себя... К тому же, например, один из лидеров НКК уже высказался в столице в поддержку и референдума, и продления полномочий; вы сначала сами между собой договоритесь... Они мне отвечают: интересно получается — всем, кто говорит “да” референдуму и президенту, — в прессе зелёная улица, а всем, кто против, — “стоп”? Грозят заявить на меня в прокуратуру. С одной стороны, закон о печати позволяет мне самому

принимать решения — что печатать, а что нет, но с другой, закон о референдуме гарантирует гражданам право агитировать как “за”, так и “против”. Как хочешь — так и понимай...

До чего же мне всё это надоело: ублюдочная политика одних по принципу “не пущать”, и параноидальная, истеричная страсть других во всём и всегда быть против власти... И я между ними — как раньше, в пору перестройки, так и теперь, в условиях суверенитета.

С кем я? Должность обязывает быть, скорее, с властью... Но душою я ни с теми, ни с другими, а сам с собой. Хотя душа — субстанция нематериальная, а жизнь, увы, наоборот, и без конца окунает мордой в грязь.

Быстрой бы уже он прошёл, этот референдум...

***

Вчера был день смертей. Умерла мать Ю. А. Ковхаева в Риге. Ни поехать на похороны, ни денег послать нет никакой возможности (границы, визы, валюта и т. д.). Какой-то жуткий театр абсурда. Мать он видел последний раз пять лет назад, и неизвестно — сможет ли хоть когда-то побывать на её могиле.

Умер В. М. Шкурко — бывший замредактора “ЗП”. Можно сказать, отмутился бедняга... Несколько месяцев пролежал парализованный... Мы какое-то время назад навещали его дома, и я поразился происшедшим с ним переменам. Куда подевалось это крепкое, жилистое, полное сил тело? Перед нами лежало едва прикрытое простынёй подобие Василия Михайловича — жалкая обнажённая мумия... Он ещё узнавал нас, но речь тоже ему отказала, и он лишь пытался выразительно щёлкнуть себя по горлу, призывая нас выпить (был его день рождения). Пить мы не стали...

На работе взял личное дело В. М. Я знал, что он фронтовик, но не знал, что у него есть боевые награды и что он, авиационный техник, дошёл до Берлина...

В журналистике Василий Михайлович был человеком случайным, однако же дослужился до поста замредактора. Писал редко, по обязанности... Это были скучные, идеологически девственные вещи. Зато по жизни он был душа-человек: играл на баяне и пел, его отмечали своим вниманием женщины... Ко мне Василий Михайлович благоволил ещё со студенческих времён. Часто говаривал: “Счастливый ты, Юра!”. Я всё удивлялся: “О чём вы, Василий Михайлович? Что в моей жизни особенного?”. А он, ничего не поясняя, приговаривал: “Счастливый ты, Юра!”. Думаю теперь, что имел он в виду и мой молодой возраст, и журналистскую прыть, и то, что у меня есть Ольга...

Хоронить Василия Михайловича будем за счёт редакции — родственники его, кроме жены, куда-то подевались, а ей одной все эти хлопоты не по силам...

Вечная память Василию Михайловичу... Человеком он был хорошим, и пусть земля ему будет пухом.

12 апреля

Вычитал в нашей газете: два космонавта первого (ещё гагаринского!) призыва — Евгений Хрунов и Борис Вольнов — начинали свой путь к звёздам в Павлодаре. Во второй половине 50-х годов они учились в Павлодарской авиашколе. Сохранилась и казарма, где жили будущие космонавты, она находится на территории госуниверситета.

Об этом пишет Альберт Павлов в своём материале, где много и другого интересного. Как журналисты — тогда ещё “Павлодарской правды” — делали спецвыпуск (внеплановый), посвящённый полёту Ю. А. Гагарина, как встречали в здешнем аэропорту “космическую чайку” — Валентину Терешкову.

Хотя Павлову далеко не всегда можно верить, есть у него журналистская жилка, которая напрочь отсутствует у многих нынешних журналистов...

13 апреля

Вездесущая Ольга Воронько раскопала сенсацию: на нашем тракторном заводе начали производить (пока, правда, в единичных экземплярах) автоматы. Один такой, изготовленный по типу израильского “УЗИ”, специалисты оценили как работу высокого класса. Изготовил его заточник инструментального цеха и нёс через проходную, спрятав под свитер. Его тормознул вахтёр, заподозрив в “предмете” бутылку... Впоследствии на рабочем месте заточника-рационализатора обнаружили ещё восемь почти готовых стволов... Из самого первого, как показала экспертиза, уже стреляли...

Кто бы сомневался в высочайшем профессионализме инструментальщиков тракторного! Ведь другой бывший тракторостроитель, уволившись с завода, купил дом на Втором Павлодаре и там стал налаживать мастерскую по изготовлению оружия. Есть у него и станки, и заготовки для будущего оружия, и даже снайперская винтовка полузаводского-полукустарного производства, у которой мастер уже переделал приклад... Он признался, что делать первый автомат начал, ещё работая на заводе. Сделал и подарил “гаишнику”, тормознувшему его за нарушение правил. “Гаишника” нашли, автомат он сдал — как оказалось, уже пристрелянный...

Наш В. М. Воронов начал когда-то свой репортаж с тракторного с фразы, которая вошла в историю “ЗП”: “Трактор изготовить — не кастрюлю склепать!”. Теперь, когда павлодарские тракторы становятся никому не нужны, здешние умельцы нашли своим талантам новое применение. У нас ведь рынок, и спрос рождает предложение. Павлодарскими “оружейниками” плотно занимается милиция.

14 апреля

Ещё одна сцена из театра абсурда нашей действительности. Б. В. Исаев, сам изумляясь, поведал мне такую историю: ему звонил С. А. Донской, бывший директор Ермаковского завода ферросплавов, в пожарном порядке лишившийся должности по прямому указанию премьер-министра А. М. Кажегельдина. Мотивы: завод лежит на боку, чуть ли не на издыхании, а директор — всё по границам да по границам...

Донского в спешном порядке проводили на пенсию... И вдруг — звонок от президента с предложением возглавить Карметкомбинат — крупнейшее в бывшем СССР металлургическое предприятие. Донской деликатно поясняет: мол, только что освобождён — по прямому указанию премьера... И слышит в ответ: надо же было в таком случае мне позвонить... Как будто у директора, даже такого авторитетного, как Донской, есть прямая телефонная линия с президентом...

И вот Донской советовался с Исаевым: как поступить? Исаев сказал — не соглашайтесь. Но не исключено, скоро наш Семён Аронович возглавит “Кармет”, с которого когда-то пришёл на завод ферросплавов.

Чудны дела твои, Господи, как говаривала когда-то моя бабушка Мария Петровна.

***

С. П. Шевченко рассказывал о визите, который вчера нанесла ему бывшая коллега, невероятным образом оказавшаяся в ближайшем окружении Б.Н. Ельцина и даже удостоившаяся его личной благодарности — в числе тех, кто помог ему готовить первую автобиографическую книгу “Исповедь на заданную тему”. Затем пути тележурналистки и её бывшего патрона разошлись... И когда Сергей Павлович поинтересовался, чем она занимается теперь, услышал циничное: “Тем же, что и все, кто это может, — участвую в разграблении России”.

Бывшая павлодарская телевизионщица заматерела, раздалась вширь и уже не считает нужным стесняться...

Это к вопросу о чистоте помыслов тех, кто лепил из Б.Н. Ельцина образ борца с привилегиями, демократа и лидера России...

15 апреля

Мне записали по блату на видеокассету “Утомлённые солнцем” Никиты Михалкова. Смотрели всей семьёй. Жалко — копия плохая, особенно звук, а фильм — эмоциональный, многоплановый. Мне не всё нравится в Михалкове, в том числе и некоторое его самолюбование, но всё же он — хороший режиссёр и актёр. Вот и здесь: убедительные, живые герои, поразительное умение использовать точные, выразительные детали, передать атмосферу жизни... А как великолепно главный герой объясняет своей маленькой дочери, какую замечательную жизнь ей построят советская власть...

Конец фильма трагичен, и это ещё раз заставляет вспомнить о том, в какое страшное время жили наши предшественники.

***

Н. А. Назарбаев встретился с главными редакторами крупнейших российских газет — “Труда”, “Комсомольской правды”, “Независимой газеты” и “Общей газеты”. Разговор шёл главным образом о предстоящем референдуме. Н. А. объяснял особенности происходящих у нас процессов, и, похоже, ему удалось убедить своих собеседников в целесообразности референдума. Во всяком случае, до сих пор в этих газетах не было ни критики в его адрес, ни жёстких комментариев по поводу всего у нас сейчас происходящего.

Но по “Останкино” (теперь это Первый канал российского телевидения) показали репортаж казахстанского собкора Дукеша Баимбетова. Суть авторского текста: едва Ассамблея народа Казахстана предложила идею референдума, как на местах услужливые администраторы подняли встречную волну “одобрямса”, будто в старые добрые времена. Между тем идею референдума одобряют далеко не все, а некоторые оппозиционные партии и вовсе считают его откатом от демократии.

Прав Дукеш относительно волны... Только ведь не сами по себе “услужливые администраторы” её гонят, а по приказу сверху. И редакторам государственных газет не оставляют никакого выбора. Вот и мне, несмотря на все попытки хоть как-то зарегулировать поток “одобрямса”, мало что удаётся — он газету просто захлёстывает... Несут обращения, резолюции, письма трудящихся — пачками, из-за чего “ЗП” приобретает всё более убогий вид. И всё это отслеживается — нашу газету регулярно отправляют в столицу для общереспубликанского мониторинга о ходе подготовки к референдуму. Вот уж истину — усердие, превосмогающее разум.

Осталось пережить ещё четыре номера...

***

Сегодня после обеда плюнул на всё (номера нет) и поехал с Ольгой, матерью и Пашкой на дачу. Копал землю под грядки, сгребал старые листья, готовил траншеи для своих любимых красных калифорнийских червей, которые зимуют у нас дома, в ящичке из-под почтовой посылки... Уже вовсю зазеленела и вот-вот зацветёт смородина, проклюнулись листья на малине, вишне и яблонях... Нащипали чуть-чуть свежего лука, а Пашка пожевал и молодого щавеля...

Какое это чудо — земля, природа! Насколько они мудрее нас, людей. Мы просто не даём себе труда задуматься о том, как это возможно, чтобы из чёрной земли вдруг вырос зелёный огурец и красный помидор, цветок и дерево с яблоками... И каждое творение природы прекрасно, и одно удивительнее другого...

Нет, надо плевать на всё и ездить на этот крохотный участок мироздания как можно чаще.

***

Звонил знакомый “кагэбэшник”: о нашей ошибке в указе президента сообщила радиостанция “Немецкая волна”... Вот уж слава так слава...

16 апреля

На таджикско-афганской границе погибли 17 казахстанских парней из сводного батальона миротворческих сил СНГ. Что там произошло, пока неясно. Среди погибших — наш павлодарец и мой земляк по “Михайловскому” Канат Едырышов — племянник моего одноклассника и друга Кенесары, теперешнего директора Берёзовской средней школы. Канат дважды подписывал контракт на трёхмесячную службу в сводном батальоне миротворцев.

Похоронят его на родине.

Канат посмертно представлен к наградам трёх стран: России, Таджикистана и Казахстана. Но что они, эти высокие награды, его матери? Разве заменят они ей сына?

***

Прочитал в материале С. П. Шевченко: только для охлаждения конденсаторов Экибастузских ГРЭС-1 и ГРЭС-2 требуется около 200 кубометров воды в секунду. Это почти вдвое больше, чем среднегодовой сток Москвы-реки (109 кубометров в секунду). Без канала Иртыш — Караганда эти две крупнейшие тепловые станции не смогли бы работать...

22 апреля

Выдал первую продукцию строящийся в Павлодаре кабельный завод — 20 тонн медной проволоки. Уже в этом году здесь будут выпускать провода для электрификации железных дорог и трамвайных линий, проволоку для электродвигателей и другую аналогичную продукцию, которая прежде в Казахстане не производилась.

***

Гигантский пожар на берегу Иртыша, в затоне, где во время весеннего ледохода стояли баржи с лесом. Огнём уничтожены 22 баржи с коммерческим лесом из 50. Тушить его было крайне сложно ещё и потому, что между баржами вода со льдом, и перебраться с одной на другую (а это 7-10 метров) подчас было невозможно. Одна из наиболее вероятных версий случившегося — поджог.

***

Власти западных областей Украины заявили, что не станут вручать своим ветеранам юбилейные медали России в честь 50-летия Победы, поскольку это “награды чужой державы”.

***

Отличный материал Зои Суворовой — интервью накануне Пасхи с отцом Александром — настоятелем Христо-Рождественского храма и благочинным церковью области (то есть опекающим все церкви области).

В армии он был механиком-водителем танка, затем — курсантом лётно-технического училища, диспетчером аэропорта, заместителем начальника аэропорта в Аркалыке. В 1980 году в течение трёх месяцев пережил три тяжелейших стресса: в первый раз в какие-то доли секунды среагировал на нештатную ситуацию и отдал единственно верную команду при отказе двигателя “Ан-24”, чем спас пассажиров и экипаж; во второй — смог посадить “Як-40” с убранным шасси;

в третий — сумел предотвратить столкновение с землёй “Ту-134”... Сначала думал — просто повезло, потом всё же решил сходить в церковь. В Аркалыке её не было, и впервые он смог сделать это, находясь в командировке в Алма-Ате... А когда пять лет назад на пасхальном богослужении в Алма-Ате епископ, благославляя Александра, спросил, хочет ли он послужить церкви, тот, не задумываясь, ответил: хочу.

Одна из главных забот благочинного — строительство Благовещенского храма в Павлодаре, которое продвигается очень медленно. Пока выполнен лишь нулевой цикл работ, за что церковь должна “Павлодарпромстрою” десять миллионов тенге. Жертвуют же на строительство храма не слишком охотно.

***

Ездил на юбилей железинской районной газеты, где 25 лет назад начинал свой путь в журналистику. Сказал речь — почувственную и не очень длинную. Потом был ужин с возлияниями, на котором почти каждый второй тостующий считал своим долгом упомянуть меня, что было не совсем уместно, и я чувствовал себя не в своей тарелке. Догуливали на квартире у редактора — Б. М. Иштутина, выходца из “ЗП”. Тяжёлое это дело — юбилей, особенно на следующее утро...

***

Пришла (на работу) девочка-десятиклассница: “Расскажите о себе, я изучаю ваше творчество, пишу реферат...”. Я сперва приодурел от такой славы, потом что-то ей рассказал. Вечером говорю матери: вот, мол, дожил — уже и в школе меня изучают. Её первая реакция: “Что они — с ума сошли: ты же ещё не умер!”.

25 апреля

Н. А. Назарбаев дал интервью редактору “Казахстанской правды” Г. Г. Дильдяеву, посвящённое предстоящему референдуму. Мы его перепечатаем. Две цитаты:

“... Для меня 1996 год был бы для проведения выборов предпочтительнее... На выборах голоса разделяются, есть возможность отдать предпочтение тому или иному претенденту, а на референдуме вопрос стоит жёстко: о доверии или недоверии. Согласитесь, это ответственнее, чем пойти на общие выборы...”

Выше народного референдума ничего нет...

О референдуме, если честно сказать, я не думал, пока сессия Ассамблеи народа об этом не заговорила. 29 выступавших подняли этот вопрос. Я просто поразился. Приняли резолюцию, вручили её мне. Нельзя не прислушаться к мнению ассамблеи...”.

***

П. И. Оноприенко рассказывает в своём материале из Экибастуза об очередных попытках использования отходов здешних производств. Отходы — это сто миллионов тонн в год вскрышной породы, которая, как уверяют специалисты, содержит большую часть таблицы Менделеева, а также миллионы тонн золы двух экибастузских ГРЭС, также содержащей ценнейшее сырьё.

Когда-то экибастузскими отвалами заинтересовались японцы и просили ещё союзные власти отдать их на переработку, но, кажется, Москва на это не пошла. Теперь здешним “вторичным богатством” интересуются российские фирмы, учредителями которых выступили всемирно известные московские институты, предлагающие наладить производство чистящих порошков из отходов тепловых станций, а также выпуск пропантов — специальных материалов, применяемых в нефтедобыче... И так далее...

Эти российские фирмы готовы не только предоставить технологические разработки, но и организовать производство. Что ж, может быть, им повезёт больше, чем японцам?

26 апреля

Умер Юра Маковенко. По отчеству он — Евгеньевич, хотя до старости оставался для всех Юрой. Я только начинал в Железинке, когда он уже был хорошо известен в области — талантливый, невероятно обаятельный человек с фигурой Аполлона и манерами интеллигента старых времён.

Потом наши пути ещё не раз пересекались в Железинке, Павлодаре, и он всё больше опускался под тяжестью болезни очень многих журналистов-районщиков — беспробудного пьянства. Последние годы и месяцы его жизни были ужасны: одиночество, неприкаянность, немота...

На недавнем юбилее железинской районки его не было... Я, вспоминая тех, с кем довелось работать, сказал и о нём...

Может быть, хотя бы теперь душа его успокоится...

27 апреля

Был на заседании коллегии областной администрации. Объём промышленного производства упал по сравнению с первым кварталом прошлого года на 15 процентов, мяса — на 32, молока — на 21 процент. Это к вопросу о стабилизации в экономике.

Правда, снижается инфляция. Но это и не удивительно, ведь на половине предприятий зарплату либо задерживают, либо вовсе не платят...

***

Невнятная информация КазТАГ в сегодняшнем номере о том, что управление хромовой промышленностью Казахстана передаётся двум всемирно известным японским компаниям — “Мицуи Майнинг”, “Мицуи Ко” и другим фирмам этой страны. В числе попавших под управление и Ермаковский завод ферросплавов. Новые управленцы обязуются рассчитаться с долгами в течение пяти лет, вкладывать деньги в развитие предприятий, обеспечить высокую прибыль производства.

***

Вновь заявил о себе М. С. Горбачёв: он готов выставить свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах в России. Как заявил сам М.С., “если России вновь потребуется Горбачёв...”. Неужели он сам не понимает, насколько бесосновательны его президентские амбиции?

28 апреля

Всё проходит, как говорил Соломон. Закончилась, наконец, и пропагандистская “предреферендумная” волна с её ритуальными заклинаниями. Даже благодарность из коридоров власти заслужил (хотя уж лучше бы ругали). Дело — за результатом. То, что Н. А. Назарбаев получит поддержку, не вызывает сомнений, однако же задача, насколько понимаю, в том, чтобы поддержка была поистине всенародной...

Накануне голосования в “Казправде” выступил Олжас Сулейменов и, тщательно выбирая выражения, нанизывая образы один на другой, как будто сквозь зубы (у меня было именно такое ощущение), всё же призвал своих сторонников поддержать президента. Можно сказать — лицо сохранил, хотя ещё недавно он возглавлял так называемый Народный (оппозиционный) парламент из числа наиболее “упёртых” депутатов, так и не примирившихся с роспуском Верховного Совета. Впрочем, удивляться тут нечему: политика — вещь такая...

У нас же в Павлодаре такие страсти горели! Лидер местного отделения НКК (партии Олжаса) наката-таки на меня жалобу в прокуратуру за то, что я отказался публиковать их заявление против референдума и президента (отказался потому, что в самой партии на этот счёт были полный разброд и шатания).

И ещё отличились местные коммунисты. Сегодня утром обнаружил в почтовом ящике небольшую листовку следующего содержания: “Коммунисты Павлодара не против президента, а против нарушения Конституции РК, которая предусматривает президентский срок в пять лет.

Уровень нашей жизни и продление срока полномочий президента несовместимы. Поэтому призываем голосовать против и готовиться к демократическим альтернативным выборам 1996 года.

Павлодарский обком КП Казахстана”.

Такие листовки получили в городе очень многие. Вот уж действительно “Подпольный обком действует” (был в своё время художественный фильм с таким названием).

Говорят, что санкции последовали незамедлительно. У коммунистов города был кабинет в здании городской администрации, из которого им велено теперь убираться...

***

Ходил на экскурсию в фирму нашего бывшего собора Булата Ахметова, который, помимо прочего, выпускает частную газету “Местное время”. Сидят все в одной просторной комнате, газету набирают и верстают на компьютерах. По этой части мы от них явно отстаём, пора и нам менять технологию. Но не всё так просто, а главное, нет в “Полиграфии” машины, способной печатать компьютерный вариант газеты нашего формата (A2).

***

Приходил Жасулан Садыков (корреспондент многотиражки алюминиево-го завода и по совместительству редактор заводского радио). Говорит, что дела на заводе и впрямь налаживаются, и что он даже на себе это почувствовал.

— Каким же образом? — спросил я.

— По зарплате...

— Можете назвать её?

Он призадумался на мгновение и ответил:

— Вам — скажу: бывает до 20 тысяч тенге...

Да уж, я примерно столько получил лишь в марте и всё переживал — не слишком ли много?

30 апреля

Первый в истории Казахстана референдум состоялся. В нём приняли участие 8 миллионов 309 тысяч 637 человек (91,21 процента внесённых в списки), 7 миллионов 932 тысячи 834 голосующих (95,46 процента) высказались за продление полномочий президента.

312256 человек (3,76 %) проголосовали против, 64647 бюллетеней (0,8 %) признаны недействительными.

Таким образом, президент получил более чем убедительную поддержку, и срок его полномочий продлён до 1 декабря 2000 года.

И тем не менее около девяти процентов избирателей на референдум не пошли. Тут тоже есть над чем задуматься.

Продолжение в следующем номере.

**Виктор ТАРАСОВ,
воин-десантник,
погиб в Афганистане
в апреле 1985 года**

Наказ всем живущим

Если слёзы на миг
от обиды и зла,
Если с горя и боли
не плакал ни разу, —
Значит, ты не любил
никогда, никогда,
Принимая любовь
за красивую фразу.
Если кожу ты с рук
никогда не срывал,
Если ссадин и крови
не видел на теле, —
Значит, ты не боролся,
не рисковал,
Сам себя не познал
ты в рискованном деле.
Если прожил ты жизнь
для себя самого,
Схоронясь от невзгоды
в уютной квартире, —
Значит, жизнь ты прожил,
не поняв ничего,
значит, ты и не жил
в этом сказочном мире.

Марат ИСКАКОВ

Шахматы

Древнейшая игра. Фигуры и доска.
На поле — клеток шестьдесят четыре.
Атака с двух сторон.
Победа нелегка.
Неслышно бьются мысли в этом мире.
Кто в шахматы играет — не позёр.
Свободу действий он даёт для рати.
Король идёт на короля в упор
С опорой на ферзя и меньших братьев.
Тут конница сумеет отличиться,
Ладьи ведут свой пушечный бросок.
Слоны — не парадокс ли? — фигуристы,
Коньками режут лёд наискосок.
Пусть элементы старые в себе
Таит игра, но в жизни —
современна:

Какой же я свидетель года —
Его начала!
Свет
Шуршит, струясь,
Под сферой свода —
Далёких звёзд привет.

Огнём сжигаются снежинки
При свете фонаря.
В глаза впиваются пылинки —
Осколки января!

***

У лета тонкая осанка
Из светлых лучиков зари,
И степь — как скатерть-самобранка,
Закат пунцовый догорит, —

И ночи тихое томленьё
Над стороною луговой,
Земли незримое скольженьё,
И проникающий покой

Во всё: в раскинутые руки
Речных изгибов меж холмов,
И в отголоски поздних снов
Под чьей-то кровлей.
Глуше звуки...

Но вот опять заря взошла
На небе бледным очертаньем,
Где край земли, там полумгла
Зажглась, как факел, ликованием.

Вновь бирюза над головой,
И мир вокруг преобразился,
И гомон птичий воцарился
Над стороною луговой.

Дорога

Иду я по жизни, влекомый
Рассветом грядущего дня.
Из тысяч дорог незнакомых
Отраднa одна для меня,
Которая, может, короче
Мой сделает жизненный путь

Затем, чтобы длинные ночи
Мне светлыми днями вернуть.
Которая, верю я, может
Неведомой страстью томить
Затем, чтобы мог подороже
За истину я заплатить.

Шахтинск
Карагандинской обл.

Владимир СИЗЕВ

***

Щедрое лето ласкало
Радугой ярких цветов
И теплотой согревало,
В сердце вселяло любовь.
Вот и закончилось лето,
Вновь поменялась вуаль,
Нежная песенка спета,
И наступила печаль.
Ветер с деревьев срывает
Жёлто-багряный наряд,
Звёзды сквозь хмарь не мерцают,
Птичьих не слышно рулад.
В круговороте природы
Всё повторяется, но
Жизни ушедшие годы
Нам возратить не дано.

Закат

Раннее утро с рассветом — в окно,
Сон растворился, простился давно.
Будет ли радость, иль горе придёт —
Сердце волнует другой поворот.

Всё перепуталось в жизни моей:
Где остановка скрипучих саней?
Где исполнение желаний моих?
Нет уже ныне надежды на них.

Сроки конечные жизни пришли,
Прошлое где? — Растворилось вдали,
А за порогом неведомый путь —
Надо немного, чуть-чуть, отдохнуть.

Крылья расправить в далёкий полёт,
Где и навряд ли кто после найдёт,
Песенка, если и станет звучать —
Автора незачем ей вспоминать.

***

Кружится вихрем снежный поток,
Кружит вокруг головы твой платок,
Хлопает парусным звуком, резвясь,
В небо уносится, не извиняясь.

Пыль придорожная серым клубком
Заволокла вместе с синим платком.
Вмиг совершилось и скрылось вдали
То, что здесь было, в просторах земли.

Где тебя носит? В какой стороне?
Буду искать в небесах и на дне
Синего моря средь чёрных акул.
Кто раскрутил этот буйный разгул?

Гром разразись и его накажи!
Где эта девушка? Мне укажи!
Мрачные тучи, небесная муть,
Молнии свет, указующий путь.

Там, за рекой, где сирень расцвела,
Милая сном безмятежным спала.
Взял её на руки, поцеловал, —
Веки раскрылись, и сон мой пропал.

г. Рудный

Костанайской области.

Александр МИНОР

Апрель

Перепонки зонтов прячут город,
Дождь смывает границы окон.
Полюсами мой город расколот,
Голосами на век разделён.

По осколкам разбитой витрины,
По иллюзиям терпкого дня
Я ишу для надежды причины
И для неба шепотку огня.

И пускай за узорами молний
Прячут тучи обманутый день,
Мы с тобой чуть старей и свободней,
За окном же — апрельская звень.

Это время

Это время на стёклах оставило след,
Отражая другие кварталы,
Рассыпая по комнатам солнечный свет,
Орошая рассвет ярко-алым.

Добывая кумиров, героев, врагов,
Одиноких, свободных, усталых,
Это время не вспомнит про слово “любовь”,
Но и нам ни к чему его жалость.

Может, год, может, два, может, тысячу лет
Каждой ночью огни зажигались.
Это время на окнах оставило свет,
Чтобы верили, ждали, дождались.

Через сорок лет пути

(Памяти погибших во время мюзикла Норд-Ост)

О чём напишут в утренних газетах?
О чём напишут в сводках новостей?
Я взял сегодня утром два билета.
Grand Opera. Спектакль “Моисей”.

Как жаль, что не подскажет он до срока,
Что делать, что искать и с кем идти.
Мы многое поймём и без пророка,
Пройдя в пустыне сорок лет пути.

А может быть, я просто сдам билеты —
И мы с тобой лишь старые друзья.
Ведь то, о чём расскажут все газеты,
Написано такими же, как я.

По израненной вечности...

По израненной вечности тая,
Рассыпаясь осколками слов,
Наша жизнь, словно небо без края,
Упирается в слово “любовь”.

Вроде что нам слова или чувства,
Вроде каждый себе голова,
Но любовь, как мгновенье безумства,
Не бывала ещё не права.

Сны

Я хотел бы проспать это утро,
Чтобы некуда было спешить.
Всё, что есть, помню странно и смутно,
Всё, что было, уже не забыть.

Я хотел бы проспать эту осень,
Чтобы сердце не грызла печаль.
Мой рассвет оказался не прочен,
Раз остался пустым пьедестал.

Я хотел бы проспать этот вечер,
Чтоб не думать о завтрашнем дне.
Нашим солнцем назвал себя ветер
По дороге от лета к весне.

Я хотел бы проспать это утро,
Чтобы некуда было спешить.
Всё, что помню — так странно и смутно,
Модно спать, но приятнее жить.

Я привыкаю к свободе

В этом городе нет ни надежды, ни смысла —
Всё осталось за кадром дневных новостей.
В голове моей спорят чужие мне мысли,
От зимы остаётся дожждаться вестей.

Все желания наши скучны и похожи,
Как рекламные блоки, как сводки газет —
Этот день не забыт, но давно уже прожит,
Лишь за окнами нервно пульсирует свет.

Я устал просыпаться за час до рассвета,
У метро с ним встречаться мне так тяжело.
В этом городе кончились осень и лето —
И не многим от этого стало тепло.

Революция

Ты говоришь мне о крутом пути прогресса —
Я верить не привык твоим словам.
В твоей кровати слишком много места.
Пусть революция начнётся лучше там.

Ты всё твердишь мне о законах Карла Маркса,
Хотя читаешь его имя по слогам.
Ты, кажется, всё веришь в жизнь на Марсе?
Пусть революция начнётся лучше там.

Ты говоришь, что высока цена прогресса,
Но я не знаю, для чего тогда он нам.
Похоже, в твоём сердце хватит места —
Пусть революция начнётся лучше там.

г. Москва.

Аргын БИТЕБАЕВ

***

Земле спасибо, без которой
Не смог бы жить, не смог бы петь,
Как широки твои просторы,
Моя неистовая степь!

Ориный клёкот, хрип табунный
И посвист сусака-тары
Ты подарила гибким струнам
Степной, задумчивой домбры!

Поёт домбра — растёт пшеница,
Шуршат колосья на ветру,
Ковыль шумит, щебечут птицы,
Ростки рвут жёсткую кору.

Суровой почвы дали тают,
Тюльпанов радуга цветёт!
Другой я радости не знаю,
Когда со мною степь поёт!

***

Здесь были пыльными дороги,
Здесь были низкими дома,
И я мальчишкой босоногим
В мечтах здесь строил терема!

Мой город рос со мною вместе
И хорошел из года в год.
И вот, как радостная песня,
Родился тракторный завод!

И вырос я, и стал рабочим,
И он родным мне домом стал.
Я горд, когда в полях рокочет
Мой павлодарский “Казахстан”!

г. Павлодар.

**Наталья ГЕЛЛЕРТ,
депутат Мажилиса
Парламента Республики Казахстан**

Уметь слушать сердцем

Можно с уверенностью сказать, что Казахстан, председательствовавший в 2010 году в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, значительно оживил деятельность ОБСЕ на всём пространстве от Ванкувера до Владивостока. Внесён неоспоримый вклад в продвижение идеи толерантности, межэтнического мира, межконфессионального согласия. Кульминацией этой интенсивной работы по практическому наполнению ответственной миссии стало проведение встречи глав государств ОБСЕ 1-2 декабря в Астане. Этот Саммит по инициативе нашей страны состоялся спустя 11 лет после проведения предыдущего — Стамбульского — и признан крупнейшим событием на международной арене.

Кстати, новая столица Казахстана всё чаще становится местом проведения глобальных мероприятий. Именно в Астане успешно прошли три съезда лидеров мировых и традиционных религий.

Широкий резонанс на планете вызвала состоявшаяся в Астане 29 июня 2010 года Конференция ОБСЕ высокого уровня по толерантности и недискриминации. А 18-19 октября в столице РК прошёл Всемирный форум духовной культуры, также вызвавший пристальный интерес мирового сообщества. 20 октября делегаты форума — а это представители 70 государств — были гостями XVI сессии Ассамблеи народа Казахстана. АНК — уникальный общественный институт, созданный 15 лет назад и в котором представлены 130 этносов, проживающих в стране. Повестка дня очередной сессии органично сочеталась с приоритетами председательства Казахстана в ОБСЕ: “Доверие. Традиции. Транспарентность. Толерантность”, с предстоявшим Саммитом. Поэтому обсуждение повестки дня касалось не только внутренней политики, но и международных аспектов.

В своей речи Председатель АНК, Президент Нурсултан Назарбаев подчеркнул: “История нашей Ассамблеи — это история нашей стабильности. Это 15 лет мира, согласия и созидания. Мы неслучайно проводим эту сессию под общим девизом нашего председательства в ОБСЕ: “Доверие. Традиции. Транспарентность. Толерантность”. За прошедшие 15 лет проведена колоссальная работа. Мы изо дня в день крепили ДОВЕРИЕ между людьми. Мы выработали новые ТРАДИЦИИ общей ответственности за судьбу Родины. Мы обеспечили ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ — открытость межэтнических и межконфессиональных отношений. ТОЛЕРАНТНОСТЬ стала важным фактором успешного и уверенного развития Казахстана. Эти принципы отражают дух и внешней, и внутренней политики нашей страны”.

Вообще толерантность в восприятии моих соотечественников значительно шире, чем терпимость, снисходительность к кому-либо или чему-либо, как трактуют это слово толковые словари. Это понятие вбирает в себя лучшие человеческие качества — любовь, сострадание, милосердие,

стремление к нравственной чистоте, умение видеть в каждом человеке своего ближнего, слушать сердцем.

Мои предки — по документам и рассказам родителей — переселились из Германии в Россию в период царствования Екатерины Второй. Прижились. Обосновались. Продолжили родословную. Мои отец и мать появились на свет и жили в Подмоскovie. Когда началась Вторая мировая война, гитлеровские войска сначала оккупировали многие страны Европы, а 22 июня 1941 года напали на Советский Союз и стали рваться к Москве. В этой ситуации немецкое население европейской части страны было сочтено властями неблагонадёжным и с осени 41-го года стало выселяться за Урал — в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию. Кстати, в начале Второй мировой войны в Великобритании немцы были депортированы из мест прежнего проживания в отдалённые районы, подверглись депортации и японцы в США.

Эта участь постигла вместе с другими советскими немцами и моих будущих родителей — Владимира Геллерта (1926 г. р.) и Марту Шильке (1924 г. р.). Их семьи в разное время были отправлены в товарных вагонах в полупустынные и степные районы Казахстана. Депортированным позволили взять с собой только самое необходимое — продукты питания и кое-что из одежды, в общей сложности не более 20 килограммов. Как вспоминали впоследствии мои родители, многие люди не вынесли жутких условий долгой дороги — в пути умирали от голода, холода и болезней, особенно дети и старики. В конце концов их привезли и выгрузили в малонаселённой Кызылординской области — в степи, где вокруг не было ничего. Так переселенцы оказались в чужой стороне с суровыми погодными условиями. Пришлось самим обустраиваться, рыть землянки, чтобы в них жить.

Вскоре моих депортированных соплеменников стали навещать местные жители из ближайших казахских аулов. Представители двух этносов, не знающие языка друг друга, стояли напротив, и в глазах их были боль и сострадание. Однако, несмотря ни на что, местные жители стали оказывать посильную помощь прибывшим незнакомым переселенцам. Именно в этих обстоятельствах немцы почувствовали на отношении к себе толерантность казахского народа. Потомки кочевавших по необозримым степным просторам, с молоком матери переняли от своих предков такие свойства национального характера, как гостеприимство, радушие, уважительность, сердечность, открытость, щедрость. И казахи близко к сердцу приняли чужую беду. Хотя они сами в тяжёлую военную пору жили впроголодь, но отнеслись к переселенцам-немцам по-братски, с присущим казахам благородством, делились с ними последним куском хлеба, глотком воды и молока, своим кровом. И душевным теплом — единственным, чего у них было в избытке... Благодаря этому и выжили, перенесли военное лихолетье, обрели крышу над головой.

Владимир Геллерт и Марта Шильке поженились уже в послевоенную пору в 1947 году. Жить совместно им было негде, и их принял в свой дом казах Мурат Есенов (1906—1991). У него был только один-единственный сын Балапан (1943—2005), зато у него обитало немало других родственников. Впоследствии у Балапана, с которым у нас на всю жизнь сложились добрые отношения, родились восемь детей. Мурат

Есенов, приютивший моих родителей, не имел особого достатка, но был мудрым, добрым и отзывчивым человеком. Жить моим родителям пришлось в тесноте, но не в обиде — хозяин дома проявлял о них заботу, помогал, чем мог, подкармливал. И они навсегда сохранили в своих сердцах благодарность этому прекрасному человеку, поддержавшему их в самые трудные годы.

Я родилась 20 марта 1953 года в селе Бирлик (что в переводе с казахского означает “единство”) Казалинского района Кызылординской области. В нашей семье было до меня трое детей.

До 1956 года мои родители (как и все немцы-переселенцы) находились под надзором комендатуры и не могли никуда переехать. В апреле того же года после снятия надзора им разрешили покинуть прежнее место жительства. А уже в мае они перебрались в Кургальджинский район Акмолинской области. Тогда в Казахстане с 1954 года велось крупномасштабное освоение целины. (Благодаря этому ныне Казахстан является одной из ведущих хлебных держав мира). Отец стал работать бригадиром тракторно-полеводческой бригады в селе Оркендеу, ставшем впоследствии центральной усадьбой совхоза имени Амангельды. У отца было всего-навсего пятиклассное образование. Однако он превосходно знал любую сельскохозяйственную технику, поэтому со временем дослужился до должности главного инженера, затем и заместителя директора совхоза. (Умер он в 1990 году).

Когда мы поселились в селе Оркендеу (что значит “процветание”), у моих родителей другого богатства, кроме детей, практически не было. И опять местные казахи стали опекать нашу семью, проявлять свою исконную доброту. Нам временно выделили дойную корову, привезли машину зерна — и мы оказались самыми богатыми из переживавших немцев.

Шли годы, благодаря неустанному труду отца, которого местное население очень уважало, мы стали жить вполне обеспеченно. В Оркендеу мы прожили с 1956 по 1994 годы. Наша семья была большой — родители, бабушка и мы — 11 детей, семеро из них родились уже в Оркендеу. Жили мы дружно, отец и мать воспитали нас в духе толерантности и дружбы со всеми национальностями, окружавшими нас с детства. Всем нам родители дали образование. В нашей семье два инженера сельского хозяйства, инженер-электрик, юрист, экономист, бухгалтер, агроном, специалист-мебельщик, механик и два связиста. Все мои братья женаты, а сёстры — замужем. В нашей огромной семье представители трёх национальностей — казахи, немцы, русские. И все мы владеем, как минимум, тремя языками. У моей мамы Марты Людвиговны — ей уже 86 лет — 29 внуков и 20 правнуков. Их судьбы можно считать счастливыми.

Как и мою. После школы-восьмилетки я окончила курсы механизаторов и с апреля 1969 года 21 год работала трактористкой, преимущественно на могучих “Кировцах” — К-700 и К-701. Вроде бы не женское дело, а мне нравилось быть хлеборобом. За свой труд я получала государственные награды, получила известность в стране. С 1979 года в течение десяти лет я была депутатом советского парламента — Верховного Совета СССР. На его сессиях я впервые встретила и познакомилась с Нурсултаном Назарбаевым, который в 1984 году возглавил

Совет Министров Казахстана и тоже был избран депутатом высшего законодательного органа Советского Союза. Так что нашему знакомству уже четверть века.

Ещё работая на тракторе, я заочно окончила техникум и получила специальность агронома, а в 1990 году Целиноградский сельскохозяйственный институт, став инженером-механиком.

После распада СССР, когда Казахстан обрёл независимость, я училась в Дипломатической академии МИД Российской Федерации, окончив которую в феврале 1994 года, стала специалистом в области гуманитарных проблем в международных отношениях. Как гражданка РК, из Москвы я вернулась в родной мне Казахстан, работала в Министерстве иностранных дел республики, в посольствах нашей страны в Германии и Белоруссии, снова в аппарате МИДа в Астане. В августе 2007 года меня избрали депутатом Мажилиса Парламента РК по партийному списку НДП “Нур Отан”. Так что мой трудовой путь — яркое подтверждение гармоничного развития межнациональных отношений в Казахстане, где представители разных этносов имеют равные права и возможности.

Замуж я вышла в 1976 году в том же селе Оркендеу. Моим мужем стал казах Газидолла Бекишев, работавший бригадиром. Мы знали друг друга с детства, и нас соединила любовь. В 1977 году у нас родилась дочь Жанаргуль — Жанна (её мужем стал тоже казах — Нуржан). Наш сын Арман (по-казахски “мечта”), родившийся в 1981 году, женился на казашке Мире. Вот такие интересные совпадения. У нас с Газидоллой уже трое внуков.

Судьба нашей семьи — не исключение из правил, а яркая действительность современного независимого и развивающегося по пути демократии Казахстана, ставшего нашим общим домом, любимой Родиной.

Проживая в благодатной атмосфере общенационального согласия, объединённые общими традициями и нравственными идеалами, мы, казахстанцы, гордимся тем, что наше государство становится всё более узнаваемым в мире, а голос Астаны уверенно доносится до отдалённых уголков планеты.

Отрадно, что понятие “Дух Астаны” уже входит в мировую историю. И мы надеемся, что оно станет символом всеобщего стремления к мироустройству, основанному на принципах доверия, согласия, толерантности и единства в многообразии. И нам есть чем поделиться с мировым сообществом. Ведь толерантность, по нашему убеждению, это прежде всего умение слушать друг друга сердцем.

г. Астана.

Райс ТУЛЕБАЕВ

Мои “путешествия” в детстве и юности

Моё детство прошло в Семипалатинске. В начале пятидесятых годов прошлого столетия это был тихий провинциальный город по сравнению с другими областными центрами бывшего союзного государства. В городе жили, как мне тогда казалось, добрые и приветливые люди. В тот мирный послевоенный период многие жители, уставшие от войны, разрухи, голода, не имевшие в период военного лихолетья элементарных бытовых условий, как бы начинали новую жизнь. Соседи по-свойски общались между собой, совместно отмечали радостные события и праздники, весело проводили досуг, мечтая о светлом будущем своих детей.

Мои родители тоже дружно жили с нашими соседями, вели себя скромно, по-простому, не подчёркивая своё материальное благополучие. Мама всячески помогала соседкам, отдавая им часть продуктов, а также баловала многодетную семью сладостями.

В нашем общем дворе стояли две старые телеги, испытывавшие на своём веку воздействие множества колдобин и ухабов, знойного солнца и пыльных

Райс Кажкенович ТУЛЕБАЕВ

— доктор медицинских наук, профессор, действительный член Национальной академии наук РК, заслуженный деятель РК, единственный из медиков в Казахстане почётный профессор Кембриджского университета (Великобритания).

Родился в 1941 г. в Восточно-Казахстанской области, окончил Семипалатинский медицинский институт, трудовую деятельность начал районным оториноларингологом в Жамбылской области.

Окончил очную аспирантуру на кафедре ЛОР-болезней Алма-атинского мединститута. Защитил кандидатскую диссертацию в Алма-Ате, а докторскую — в Ленинграде. Прошёл путь от младшего научного сотрудника до руководителя филиала НИИ краевой патологии, работал начальником отдела науки Казминздрава, главным

специалистом управления, заведующим медико-биологическим отделом ВАК Республики Казахстан, ректором Южно-Казахстанской и Акмолинской государственных медицинских академий.

В настоящее время заведует кафедрой ЛОР-болезней медицинского университета “Астана”.

Автор более четырёхсот научных работ, десяти монографий, двух учебников на государственном языке, имеет десятки авторских свидетельств и патентов на изобретения, подготовил более 40 кандидатов и докторов медицинских наук.

В последние годы регулярно публикуется в “Ниве”.

Редакция “Нивы” сердечно поздравляет своего давнего автора Райса Кажкеновича Тулебаева с 70-летним юбилеем, желает ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, счастья, новых успехов в преподавательской, научной и творческой деятельности.

дорог. На одной из телег наш сосед занимался извозом. Вторая, напомним нам древнюю колесницу, почти дореволюционного возраста, стояла бесхозно и, к нашей неопишуемой радости, была отдана в наше распоряжение. Однако соседские дети телегой не очень интересовались. Поэтому мы с моей старшей сестрой Раей летними вечерами укладывались спать на эту колымагу, конечно, с разрешения родителей. Мама снабжала нас теплым стёганым одеялом и стелила добротную толстую кошму, вытканную вручную из овечьей шерсти, а под неё на широкие доски телеги укладывала старый полосатый матрац.

Лёжа на телеге, мы любили смотреть на яркое звёздное небо и предавались мечтам. Я грезил далёкими путешествиями. Этой заветной мечтой делился с сестрой. Дотошно расспрашивал её о не известных мне тогда далёких континентах планеты, поскольку Раечка уже училась в шестом классе и имела приличные познания в географии. Листая страницы не знакомого мне учебника географии, я с восторгом рассматривал красочную карту земных полушарий и карты разных стран. Фантазируя, переносился в Африку и Америку, Индию и Китай, мысленно представляя своё путешествие по морям и океанам на громадном красивом пароходе.

Мои детские мечты о странствиях по свету получили реальное воплощение лишь в зрелом возрасте. Между тем ещё в юные годы родители заложили основу любви к познанию необъятных красот природы родного края, привили нам искреннее и трепетное отношение к земле предков.

Во время поездок по разным местам родители исподволь старались, не принуждая нас, привить любовь к степным просторам, раскрывая перед ещё юными сердцами чарующую прелесть великой Сары-Арки. Мы вдыхали неповторимые запахи полыни и свежего кобыльего молока, а также пряный и нежный аромат трав, пьянящий свежестью и чистотой.

Эти ощущения с особой остротой проникли в мою память при первой поездке на станцию Чарск. Там был мой родной очаг, где, по образному выражению предков, земля была окроплена каплей моей крови.

Мама любила рассказывать, что в домашних условиях её роды принимала местная повивальная бабка, поведавшая маме о будущем её новорождённого младенца.

Итак, своё первое большое путешествие за пределы Семипалатинска мне посчастливилось совершить с родителями во время поездки в родной Чарск. Отец сообщил эту приятную новость, сказав, что мы поедем на свадьбу к его двоюродному брату.

К нашему дому подрулил старый, ещё, видимо, довоенный, с брезентовым тентом “бобик”, один из предшественников современного вездехода “УАЗ”. После коротких сборов мы после полудня двинулись в путь, надеясь к вечеру прибыть на свадьбу, преодолев сто пятьдесят километров от Семипалатинска до Чарска.

Мама до войны работала в Чарске учительницей, а папа трудился в железнодорожном депо. Наш дом находился в самом центре посёлка, недалеко от вокзала и школы.

Ехали мы по грунтовой дороге, и поэтому в машине была постоянная тряска. Нас покачивало на дорожных ухабах как в колыбельной люльке. Ещё при выезде из города к нам подсели младшие сёстры отца с детьми, так что в машине стало довольно тесно.

В самом начале поездки я чувствовал себя бодро, надоедал маме расспросами о Чарске. Отец был озабочен состоянием молодого барашка, которого он вёз в качестве подарка своему двоюродному брату. Баран, крепко привязанный арканом за ноги, почти смиренно лежал в багажном отсеке машины, правда, временами энергично стучал кончиками копыт, подавая признаки жизни.

Через пару часов от бесконечной тряски, духоты и запаха бензина меня начало тошнить. Мама попросила водителя остановиться, однако благополучно добраться до земли я не успел, и после конвульсивных движений меня вырвало прямо в кабине.

Какое блаженство я сразу ощутил, выкарабкавшись из машины. В лицо ударил свежий прохладный ветер степи с терпким запахом полыни. От избытка кислорода закружилась голова, тело стало непослушным, и я улёгся прямо на траву, в полузабытье, ощущая нежные руки мамы, которые ласково поглаживали мою голову.

Вновь садиться в машину у меня не было никакого желания, и мне хотелось ещё наслаждаться на траве под ласкающими лучами заходящего солнца. Из состояния полудремоты меня вывел строгий голос отца, что надо двигаться дальше. Мама попыталась уговорить отца дать мне хотя бы полчаса отдохнуть. Однако отец предупредил, что мы не проехали ещё и половину пути, и опаздывать на торжество неприлично, тем более что он открывает свадебный той.

Мама заняла переднее сиденье рядом с водителем, взяла меня на колени ближе к полуоткрытому окошку. Моё состояние постепенно стало улучшаться, и я попросил маму рассказать про папиного двоюродного брата. Она поведала, что дядя Барьян до войны жил у нас дома, окончил с золотой медалью среднюю школу, поступил на юридический факультет Казахского государственного университета, однако со второго курса добровольцем ушёл на фронт. После войны дядя экстерном окончил в Алматы университет, получив диплом юриста, взял направление в город Семипалатинск. Поскольку его старшие братья и почти вся родня жили в Чарске, свадьбу решили сыграть там.

В дальнейшем удивительно сложилась судьба дяди. Он прошёл славный трудовой путь от рядового прокурора до генерала. Одним из первых в республике получил звание заслуженного юриста Казахской ССР. Его именем названа казахская средняя школа № 60 в г. Чарске, где он учился у моей мамы.

... Отец беспокоился не напрасно. В пути у нас сломалась машина, и мы, конечно, опоздали на церемонию начала свадьбы. Причину поломки шофёр объяснил неполадками в карбюраторе и плохой подачей бензина. У “бобика” часто глох мотор, и всё же ближе к полуночи мы добрались до места. Нас встретили радостными приветствиями, все были навеселе. Барашка мы сумели доставить живым.

Свадьба мне запомнилась большим весельем. Все гости дружно пели песни. Тамада виртуозно исполнял казахские кюи на домбре. Домбра переходила в руки других исполнителей, и они, как бы соревнуясь, сопровождали своё вокальное мастерство великолепной игрой на этом инструменте. Затем гости стали просить отца и маму исполнить дуэтом казахские народные песни. Многие знали, что у моих родителей хорошие вокальные данные. Мама обладала приятным тембром голоса с довольно

большим охватом октав. Особый восторг вызвала у гостей в её исполнении народная песня “Кара-торгай”.

Слушая задушевные песни, я крепко заснул после утомительного путешествия. Меня разбудили громкие крики детей. Кто-то больно ткнул меня в бок. Я сразу очнулся и увидел перед собой возбуждённые и почти чёрные лица ребят, похожих на цыганят. Они наперебой закричали, что давно пора бежать на речку купаться. Самый младший из них шепеляво пояснил: “Ты засоня! Мы уже искупались, а вода тёплая-претёплая!”.

Последние слова подействовали на меня магически, и я тут же вскочил и стал собираться. Мама дала мне выпить пиалу свежей домашней простокваши и, как всегда, напомнила, чтобы купался возле берега.

Выйдя на улицу, ощутил горячий ветер, солнце уже стояло высоко, и камешки возле берега реки горячо обжигали пятки. В те годы речка Шар была полноводной и глубокой. Её нельзя было перейти вброд, поскольку на самой её середине глубина достигала роста взрослого человека. Однако и на такой глубине на дне были видны блёстки белых камней.

Возле берега сновали стайки мальков, иногда подплывали и более крупные рыбки. Стоя по колено в воде, я восторгался этой красотой, собирая разной формы цветные камешки.

Моё первое путешествие крепко сохранилось в памяти, и каждое лето я с нетерпением ждал от родителей приятного известия о поездке в родные края. Однако у нас на свет появился братик Алмас, забот в доме прибавилось, и я постепенно стал забывать о своих мечтаниях. Однажды вечером за ужином мама с сожалением сказала отцу, что уже десять лет не была в Жангиз-Тобе у своих родственников после похорон нашей бабушки. На семейном совете (решающее слово, конечно, было за отцом) решили в период летних школьных каникул всей семьёй отправиться в Жарминский район и его отдалённый аул, где ещё до Великой Октябрьской революции жил наш прадед Толебай-кажы.

У папиного деда в отрогах Тарбагатайских гор было обширное владение, доставшееся ему от его далёких предков – биев и баев по происхождению. Толебай-кажы имел на принадлежащих ему землях живописное урочище, где на плодородных лугах паслись многочисленные стада овец, коров и тысячные табуны лошадей. Для зимнего кочевья обычно выбирали удобное место, защищённое от сильных ветров. Зимовка продолжалась около трёх месяцев, поэтому кочевье-кыстау строили добротнo и надолго. Это были постройки из природного камня, выложенные с отменным мастерством. Мой прадед имел с десяток таких домов, где жили его жёны с детьми, а также многочисленная родня и слуги.

Поскольку Толебай-кажы занимался общественной деятельностью и был волостным (районным) правителем, к нему часто заезжали именитые гости. В такие дни для знатного гостя резали лошадь или молодого жеребца и устраивали пир. Свиту гостей, как правило, сопровождал местный акын-певец, славившийся виртуозной игрой на домбре и исполнении народных песен.

... Я с нетерпением ждал летних каникул и предвкушал интересную поездку. Впервые предстояло ехать на поезде, что ещё больше подогрело моё любопытство. Как и большинство моих сверстников, я любил железную

дорогу. С особым удовольствием вдыхал паровозный дым и копоть. Мне нравился запах стальных рельсов и пропитанных мазутом шпал. Восхищался могучей силой паровоза.

Наконец настали долгожданные каникулы. Мы с сестрицей договорились, что будем помогать маме и по очереди развлекать нашего братика, которому едва исполнилось три года. Алмас был всеобщим любимцем, даже отец снисходительно относился к его шалостям, а мы, конечно, его баловали.

Такого непоседливого малыша редко встретишь среди детей. Его руки всегда были в движении, ноги не знали покоя, поэтому мы буквально сторожили его в вагоне. Пассажиры, ехавшие с нами, были от него в восторге, особенно от чтения им стихов. В три года Алмас бегло читал детские книжки. Отец гордился этим и нередко заставлял любимого сыночка прочесть книжки в присутствии приглашённых родственников. Многие гости не верили такому феномену и говорили, что ребёнок просто вызубрил наизусть стихи. Тогда отец гордо брал газету или книгу и просил гостя указать страницу текста, которую ему прочитает его сыночек. После быстрого прочтения ребёнком требуемого текста гости с удивлением восторгались, что доставляло отцу огромное удовольствие очередной раз похвалиться своим “вундеркиндом”...

В плацкартном вагоне было весело. Мы не заметили как быстро пролетели пять часов до нашей конечной остановки – станции Жангиз-Тобе. Мы ехали в обычном пассажирском поезде, который останавливался на всех разъездах и станционных путях, чему я был безмерно рад, поскольку во время стоянок каждый раз запрыгивал в отходящий поезд, когда состав уже набирал медленный ход.

Прильнув лицом к окну вагона, я наблюдал как мелькают перед глазами маленькие приземистые избушки, которые постепенно превращались в незаметные чёрные точки. Иногда на горизонте появлялись пасущиеся в степи овцы, изредка табуны лошадей. Но чаще всего взору представлялась обширная и бескрайняя ковыльная степь с выгорающей под жгучим солнцем низкой травой.

Через открытые окна вагона с порывами ветра до нас доносился незабываемый острый запах полыни. Ковыльная трава наподобие большого ковра, растеленного на земле, накрывала степь от горизонта до горизонта.

Многие годы впоследствии приходилось мне проезжать на поезде по этим неоглядным просторам и каждый раз воспоминания о первой встрече с родным краем бередили душу и напоминали о вечности природы. Сотни веков в суровых условиях этого края жили наши предки, бережно охраняя его границы от нашествия врагов. Народная молва сохранила в легендах и сказаниях подвиги воинов, храбрых батыров, отдавших жизнь за свободу и независимость своего народа.

Эта степь хранит память о быте и культуре племён, родившихся на её просторах и ставших основателями зарождающейся степной цивилизации.

Эта степь испытала радость побед и великих торжеств. На её просторах устраивались конные скачки, большие праздники. Как самый большой праздник проходили соревнования борцов-силачей, состязания в стрельбе из лука.

С особой торжественностью в степи обставлялась царская охота. Баи и султаны могли на ней в полном блеске демонстрировать своё богатство, похвастаться великолепными конями, драгоценной сбруей и оружием.

В царской охоте и соревнованиях принимали участие и наиболее славные воины, отличившиеся в боях. Выбирали обычно самых статных и красивых, ловких и смелых, чистых душой и сильных духом.

Призы охоты отдавались победителю в честной борьбе, все об этом знали, с готовностью ждали такого же мудрого решения и от самого хана.

Некоторую часть этих легенд и народных сказаний мне довелось услышать из уст нагаши — маминого старшего брата Бейсенгали. Он часто навещал наш дом в Семипалатинске, и я был готов слушать до поздней ночи его рассказы и с особым блеском излагаемые им сказки и легенды.

Поэтому я с нетерпением ждал нашей встречи в Жангиз-Тобе, предвкушая радость общения с моим нагаши — добрым и отзывчивым по натуре и честнейшим человеком. В нём удивительно сочетались простота души, высокая порядочность и любовь к детям.

Ближе к полудню поезд стал подъезжать к станции Жангиз-Тобе. За окном вагона взору предстали неказистые постройки домов из глины с маленькими окнами, которые почти сровнялись с уровнем фундамента, вросшего в землю.

Наш паровоз, пыхтя, приблизился к станции, подавая предупреждающие гудки, и вдруг резко затормозил. Состав покачулся и остановился под лязги и скрежет тормозов, а наш вагон оказался напротив вокзала. Из окна я увидел улыбающиеся и радостные лица маминых братьев.

Дядя Бейсенгали попытался приподнять меня на руки и посадить на шею. Это ему удалось с большим трудом, и он восторженно воскликнул, что я стал уже большим джигитом.

Я спросил у дяди, когда он сможет рассказать мне новые сказки. Он улыбнулся, одобительно закивал головой и обещал, что перед сном непременно расскажет интересную сказку.

Дядя в честь приезда нашей семьи вечером зарезал молодого барашка. Был совершён обязательный молитвенный ритуал. Мамин брат прочитал одну из сур Корана, предназначенную в таких случаях. Выросший в городе, я впервые увидел как режут барана, и испугался, меня пробрала сильная дрожь. Вначале крепко связали верёвкой все его четыре ноги. Однако животное, почувствовав страх, стало биться ногами, и тут я увидел, как у дяди в руке блеснул острый нож с костяной рукояткой. Дальше я от ужаса ничего не видел, плотно зажмурил глаза. Все вокруг меня начали смеяться, я приоткрыл глаза и увидел жуткое зрелище. Голова барана валялась рядом на траве, а животное ещё продолжало конвульсивно двигать телом и мышцами. На разделку туши я уже не стал смотреть, отошёл в сторону и увидел большой чугунный казан с какими-то восточными узорами на боках. Мне объяснили, что разделанную на крупные части тушу барана целиком сварят в казане, вместе с головой и лытками, которые лежали на свежей траве. Между тем мне пояснили, что голову и бараньи ножки предварительно опалят на огне. Где-то через час все приготовления закончились, мясо положили в казан, плотно закрыв его деревянной крышкой.

Подул свежий ветерок, и до меня донёсся вкусный запах варившегося свежего мяса. Жена моего дяди священнодействовала возле казана,

вовремя подкладывая в огонь сушёные коровьи лепёшки, которые в Центральной Азии называют кизяком.

К вечеру на стол подали настоящий аульный бесбармак, вкус которого сохранился на всю жизнь.

Моему отцу поднесли баранью голову, и он ловко её разделал, всем раздавая по кусочку, при этом образно характеризуя все части головы и их предназначение для каждого присутствующего на ужине. Мне как самому маленькому гостю досталось одно ухо, а другое отдали младшему сыну маминого брата.

После аппетитного ужина решили лечь пораньше, поскольку утром предстояла длительная поездка по просёлочной дороге на двух телегах, запряжённых в каждую по одной лошади, которые были самой дорогой собственностью дяди-нагаши.

Однако я упрямил дядю рассказать мне перед сном новые сказки. Из услышанного запомнились яркие эпизоды о знаменитом воре из Багдада, который изымал деньги и сокровища только у вельмож и богачей и почти всё добытое отдавал бедным людям и нищим странникам.

Утром меня разбудила мама, как всегда своими нежными ласковыми руками потрепала меня по щеке, поцеловала в лоб и попросила быстрее одеться. Она с мягким укором сказала: “Все давно проснулись и уже садятся за стол попить чаю на дорожку!”.

Мои племянники, рано встав, уже помогали своему отцу запрячь лошадей и смазывали оси телег какой-то густой тёмно-коричневой мазью, на мой вопрос самый младший, смачно, как взрослый мужик, сплюнув через плечо, ответил: “Эта мазь называется солидол. — Затем он с важным видом снисходительно объяснил: — Солидолом нужно смазать все оси, тогда колёса будут хорошо, без скрипа, крутиться”.

С этого начались мои познания особого быта и уклада аульной жизни, в то время значительно отличавшейся от городской среды обитания.

... Утро выдалось на редкость чудесным. Ярко светило июльское солнце, окружённое причудливыми перистыми облаками, в которых можно было распознать различных животных. Например, одно из них было сильно похоже на собаку, другое напоминало лежавшего барана. Дул лёгкий ветерок, трава под ногами ещё была мокрой от ночного дождя. И дядя порадовался, что ехать по пыльной дороге нам не придётся: “Дождь перед дорогой — хорошая примета, давненько у нас не было осадков, теперь трава подрастёт”.

Нам предстояло преодолеть на лошадях приличный путь протяжённостью около ста двадцати вёрст от станции Жангиз-Тобе до села Георгиевка и далее ещё полсотни километров до посёлка Малай уже по бездорожью.

В нескольких верстах от Малай в красивом урочище и располагались зимовка и жилище моего прадеда Толебая-кажы. Там же он был со всеми почестями похоронен, как подобает знатному и богатому представителю рода Келдыгул.

По дороге мамин брат (он был старше моего отца почти на десять лет) рассказывал о достоинствах моего прадеда, который был сильной, волевой натурой, умело вёл хозяйство, был справедлив и хорошо относился к своим слугам.

Продолжая свой рассказ, дядя с признательностью подчёркивал, что его отец-ювелир Карим состоял в большой дружбе с Толебаем-кажы, которая затем переросла в родственные отношения и они стали сватами.

Мы благополучно добрались до посёлка Малай, там напоили лошадей и двинулись в отроги Тарбагатая в самую сердцевину горного урочища – зимнюю “ставку” моего прадеда. Урочище почти со всех сторон было окружено горами, у их подножия расстился густой лес, состоящий в основном из берёз и сосен.

Вокруг деревьев росла густая трава, которая разноцветным пушистым ковром устилала всю поляну. У склонов гор с двух сторон из-под земли пробивались родники с ледяной ключевой водой. Масса мелких ручейков сливалась в небольшую речку, вода в которой искрилась хрустальной чистотой.

Окружённая горами поляна благоухала разнотравьем и цветами, высота травы доставала до пояса взрослого человека. Ближе к склонам холмов в изобилии встречались ягоды, особенно много было черники, голубики, малины, а уже у вершин холмов росли дикий чеснок и щавель.

Вода в горной речке была холодной, но мы с мальчишками умудрялись купаться в ней и ловили форелей. Местные ребята научили меня рыбачить специальной петлёй, сплетённой из волос конского хвоста. Круглой или овальной формы петля привязывалась к палке, выструганной из крупной ветки ивы, и таким образом рыболовную снасть, стоя по колено в холодной воде, опускали в места, где стаями или косяками плавала форель или другая рыба. Затем, дождавшись момента, когда мелкая или средняя рыбина ближе подплывала к петле, быстрым движением заводили петлю на голову или туловище рыбы и в доли секунды поднимали удилице, на толстой леске которого трепыхалась крепко стянутая петлёй форель. Это требовало определённой сноровки, терпения и ловкости. У меня рыба всегда успевала уплыть, и до отъезда я так и не научился таким хитроумным способом поймать хотя бы одну рыбёшку — в отличие от местных мальчишек, которые всегда были с хорошим уловом.

Мы с ребятами до боли в животе объедались ягодами. На шиповник даже не смотрели. Во многих местах в изобилии росли черёмуха, чёрная смородина, малина, земляника, брусника, ежевика и паслён. Местные мальчишки паслён не ели, считая его несъедобной ягодой.

Вечерами ежедневно насыщались бесбармаком. В конце ужина подавали свежий бараний бульон с курттом, сделанным из кобыльего молока. Из-за куртта произошёл со мной курьёзный эпизод, над которым долго все смеялись.

В городе мне приходилось есть маленькие комочки солёного куртта, изготовленного из коровьего молока. Здесь же мне дали кусок величиной с детский кулак. Я спросил у гостеприимных хозяев название этого продукта, мне сказали, что это лошадиный куртт. Тогда я ляпнул: “А, это, наверное, от того крупного айгыра (по-русски жеребца), на котором скачет ваш старший сын!”

После смеха, вызванного моим нелепым ответом, хозяин пояснил, что этот куртт готовится из кобыльего молока. Затем мне дали попробовать кумыс из свежего кобыльего молока.

Между тем впервые технологию приготовления кумыса я увидел во время этой поездки.

Мне показали конусообразный деревянный бочонок, выдолбленный из цельного берёзового бревна, ёмкостью примерно 5-6 литров. Такой бочонок долго сушится, обрабатывается или пастеризуется с помощью горящего угольного жара от кизяка. Для бочонка изготавливается специальная деревянная крышка с круглым отверстием в середине. В него продевается с внутренней стороны тонкая отшлифованная палка, наподобие скалки, только на её конце крепится деревянная крестовина, которая свободно двигается в вертикальном направлении и служит своеобразным пестиком для размешивания кумыса. В таком бочонке кумыс хранится один-два дня, и хозяйка должна часто палкой-пестиком разбалтывать его.

Живя почти месяц в ауле, я привык пить кумыс. Действительно, это удивительный восточный напиток. О целебных свойствах кумыса было известно издревле. Меня всегда поражала щедрость природы, подарившая человечеству такой божественный напиток, благодаря которому, возможно, и сохранился этнос восточных народов! Уже в современных условиях многие учёные считают кумыс чудодейственным средством от многих болезней. В этой связи уместно привести высказывание одного из ведущих специалистов нашей республики по питанию, академика Торегельды Шарманова, признанного учёного в мировом сообществе, который считает, что кумыс является самым важным продуктом питания и аналогов ему не существует.

... Приближался август, у отца заканчивался отпуск, и мы стали собираться в обратный путь. Отец на прощание ещё раз захотел навестить могилу своего деда и взял меня с собой. Похоронен мой прадед был недалеко от своей зимовки, добирались мы до могилы пешком одну или две версты. У самого подножия холма я увидел несколько мазаров, все они были выложены из природного камня. Самый высокий, занимавший центральное место, принадлежал Толебаю-кажы. Отец, присев на корточки, прочитал молитву, и я увидел его влажные от слёз глаза.

После возвращения домой мои закадычные друзья Болат и Нургазы отметили, что я изменился — очень возмужал, сильно загорел и даже стал выше ростом. Этому я, конечно, был безмерно рад, так как среди своих школьных товарищей я был самым маленьким и физически слабым.

Так завершилось моё первое длительное путешествие по Семипалатинской области. Однако с тех пор прошло почти десять лет, когда родители приняли решение отправить меня одного отдохнуть в далёкую Алма-Ату.

Мама сообщила мне, что в связи с успешным окончанием первого курса медицинского института отец решил послать меня к его старшей сестре Алиман и к её сыну Жумагазы, работавшему в прокуратуре Алма-Аты.

Эта весть меня несказанно обрадовала, так как я давно мечтал увидеть нашу столицу и слышал множество превосходных отзывов о красоте Алма-Аты.

Отец расщедрился и купил мне за 18 рублей билет на самолёт от Семипалатинска до Алма-Аты. Мои приготовления были недолгими, а мама предупредила, чтобы я не забыл захватить свою любимую фотокамеру "Смена", с которой я не расставался со дня окончания школы.

Лететь на самолёте мне приходилось впервые и, конечно, я испытывал особое чувство волнения и даже некоторого страха. Я сел в новый лайнер

“Ил-18”, созданный в 50-х годах знаменитым советским авиаконструктором Ильюшиным. Сейчас самолёты “Ил-18” уже не выпускаются, они давно списаны с производства. Но тогда, в 1959 году, огромный турбовинтовой самолёт на меня произвёл неизгладимое впечатление. В салоне лайнера всё блестело чистотой, стюардессы, одетые в тёмно-синие костюмы, выглядели как на подбор, со стройными фигурами и красивыми голубыми глазами, они приветливо и мило улыбались. Одна из них перед полётом раздавала конфеты с названием “Взлётные”. Карамель была с приятным вкусом и запахом. Самолёт стал набирать высоту, от волнения у меня закружилась голова и заложило уши. Однако это состояние быстро прошло, и я стал смотреть через стекло иллюминатора на удаляющиеся дома и пригородные посёлки, вдали промелькнул Иртыш, и мы поднялись выше облаков. Стюардесса объявила, что лайнер набрал нужную высоту и через полтора часа самолёт совершит посадку в Алма-Атинском аэропорту.

Там меня встретил дядя Жумагазы, папин племянник, на служебной машине “Победа”. Меня поразило здание аэропорта, на центральном куполе которого возвышался шпиль на уровне третьего этажа. Выстроено здание было в восточном стиле с элементами барокко. Фронтон украшен причудливой лепниной в виде орнаментов. В центральной части выделялись изящные колонны. Входная деревянная двустворчатая дверь была покрыта вырезными узорами, выполненными с особым искусством. Теперь в старом здании аэропорта размещается агентство интуризма, и оно полностью сохранено в первоначальном виде.

Дядя усадил меня на переднее сиденье новёхонькой “Победы” тёмно-синего цвета, сказав, что спереди обзор лучше и мне будут хорошо видны городские пейзажи. Уже в аэропорту я обратил внимание на обилие деревьев и подстриженных кустарников, чаще встречались пирамидальные тополя, высившиеся по обеим сторонам дороги, нередко среди них мелькали и клёны. От аэропорта пролегала хорошая трасса, покрытая ровным асфальтом. Дядя пояснил, что это известный Красногвардейский тракт, в 30-40 годы его называли Капальским трактом. Вдоль этой дороги тянулся большой лесопарк, который носил имя Баума и являлся самым крупным городским парком. В те годы Алма-Ата была одним из самых зелёных городов бывшего Союза и по количеству зелёных насаждений на одного жителя занимала первое место. Экология города не была нарушена, воздух был наичистейший, а с Заилийских гор постоянно дул лёгкий ветерок, принося улицам свежесть и прохладу. На многочисленных бульварах росли яблоневые деревья со знаменитым апортом. Весь город был пропитан ароматом яблок и цветов. И каждый приезжий восторгался обилием зелени, разнообразием цветочных клумб. Особенно всех удивляли яблони, растущие почти возле каждого дома, а также вдоль всей улицы возле двух- и трёхэтажных зданий. В ту пору Алма-Ата была застроена преимущественно двух- и трёхэтажными постройками, реже четырёхэтажными — из-за высокой сейсмоопасности. В те годы старожилы ещё помнили сильнейшее землетрясение в конце девятнадцатого столетия в городе Верном (так тогда называлась наша бывшая столица Алма-Ата).

На следующий день после приезда, прихватив свой фотоаппарат “Смена”, я вышел осматривать город. Дядя объяснил мне основные трамвайные маршруты и сказал, что в городе невозможно заблудиться, так как

все улицы прямые и расположены в строгом шахматном порядке. Действительно, доехав до проспекта Сталина (названном позднее Коммунистическим, а ныне это проспект Аблай-хана), я легко стал ориентироваться. Напротив “Детского мира” возвышалось величественное здание из гранита и мрамора — Дом правительства республики. Вокруг этого массивного сооружения радовали глаз голубые ели, а с торцевой стороны шумела липистой берёзовая аллея и располагался сквер с фонтаном. Красотища неопишемая!

В воскресенье дядя повёз меня показать знаменитый каток “Медео”, где в те времена проводились чемпионаты Европы и мира по конькобежному спорту. Каток, вызвавший у меня восхищение, славился установленными здесь мировыми рекордами. Выше катка была построена плотина, которую в середине семидесятых годов пришлось заново воздвигнуть из крепкого бетона, чтобы оградить город от дальнейших селевых потоков. В те годы от бурного таяния горных ледников грязевой поток хлынул вниз по ущелью до Медеуской впадины.

Вечером того же дня я попал на футбольный матч первенства СССР по футболу среди команд высшей лиги. Играли алма-атинский “Кайрат” и ленинградский “Зенит”. Центральный стадион был выстроен сравнительно недавно, и краски на сиденьях ещё сохраняли свою свежесть. Стадион был переполнен, как говорится, негде яблоку упасть. Дядя достал мне место на самой лучшей западной трибуне стадиона.

К великой радости болельщиков и, конечно, моей, матч закончился в нашу пользу. “Кайрат” буквально разгромил “Зенит”, выиграв со счётом 3:0. В те годы публика на стадионах вела себя достойно. Многие болельщики ходили на матчи как на праздник. Очень было развито чувство дружелюбия, товарищества, близости духа и братства.

В будни я целыми днями бродил по улицам и скверам Алма-Аты, посетил зоопарк в громадном центральном парке имени Максима Горького. В этом же парке в те годы была пущена в эксплуатацию детская железная дорога. В южной части парка размещалось искусственное озеро с лодочной станцией. Недалеко от неё к услугам отдыхающих было множество киосков, где продавались мороженое и прохладительные напитки.

В один из воскресных дней родственники взяли меня на Зелёный базар. Такого огромного восточного рынка я раньше не видел. В Семипалатинске, конечно, был подобный базар, на котором мы с мамой часто бывали. Но алма-атинский оказался в десятки раз больше. Изобилие разнообразных овощей, фруктов, ягод и зеленой продукции поразило моё воображение. Многие фрукты я видел впервые, например, хурму, белый и жёлтый изюм величиной с фалангу большого пальца. Обилие различных видов орехов, апельсинов, мандаринов, фиников привело меня в восторг. Даже арбузы и дыни были самых разнообразных видов и сортов. Мне показали нарезанную на кусочки особую красную дыню, которая растёт в Самарканде и Бухаре, а также я увидел нашу знаменитую кызыл-ординскую дыню с толстой коркой тёмно-зелёного цвета, которая сохраняется до зимы, не теряя вкусовых качеств. На базаре было несколько торговых рядов, предназначенных для продажи яблок. Каких только сортов яблок не было здесь, тогда я даже не запомнил их названий, жёлтые назывались лимонкой, были сорта красного и белого налива, заилийского превосходного и так далее. Но королём

являлся прославленный алма-атинский апорт. Некоторые разновидности красного апорта были огромной величины, одно яблоко доходило весом до килограмма. В то же время меня поражала дешевизна яблок. Некоторые торговки, которым не достались места в специальном ряду, продавали яблоки, в частности, первосортный апорт, вёдрами. Они предлагали за него всего пятьдесят копеек (по ценам до денежной реформы 1961 года). В самом конце яблочных рядов находился навес с жестяной крышей и сверху к нему крепились водопроводные трубы с множеством кранчиков, из которых текла вода для мытья овощей, фруктов, арбузов и дынь. Тут же стояли длинный стол и ряд скамеек, где каждый мог после мытья отведать фруктов, полакомиться разрезанными на скибки арбузами или дынями. Неподалёку находились специальные контейнеры для отходов, и все соблюдали чистоту и гигиену. Вот такие тогда были неукоснительные правила. К сожалению, нынешние рынки нередко являются рассадниками инфекций, поскольку блюстители порядка в основном заняты различными поборами и у целого ряда из них на первом месте жажда наживы с присущим хамством, лицемерием и наглостью, что приходилось иногда мне, к сожалению, наблюдать в последнее время при посещении городских рынков.

Заканчивалось моё трехнедельное пребывание в Алма-Ате, и перед отъездом домой дядя свозил меня в Талгарское ущелье на озеро Иссык, где я окунулся в дикую природу и неповторимую красоту чудесного водоёма, обрамлённого со всех сторон горами, покрытыми вечнозелёными елями, лиственными деревьями, стройными берёзами. Вода в озере отливала голубизной и меняла свой цвет при заходе солнца.

Очевидно, в каждой стране есть места, напоминающие знаменитые Швейцарские Альпы, хотя я там и не бывал. Обычно все, кто восхищается подобной красотой, утверждают: “Это вторая Швейцария!”. В Казахстане подобные места известны на курорте Боровое и в известном Каркаралинском заповеднике Карагандинской области.

Между тем озеро Иссык являлось жемчужиной Алма-Аты и области и всегда привлекало горожан и многочисленных туристов своим необычным расположением, хрустально-чистой водой и окружающим великолепным ландшафтом. Всё это я запечатлел на моей любительской фотокамере “Смена”, и даже на чёрно-белых фотоснимках видна потрясающая красота озера. Однако, к великому сожалению, ныне этого озера нет. Произошла природная катастрофа в 1962 году. От быстрого таяния ледников с гор хлынули потоки мощнейшего селя, которые всё смели на своём пути, буквально вытолкнув воду из озера. Мощные потоки воды, смешанные с илом и грязью, обрушились на Талгарское ущелье. Случилось это летом в выходной день, и тысячи отдыхающих погибли в этом грозном селевом потоке. Теперь на месте этого озера скопище огромных валунов и камней.

... Под неизгладимым впечатлением от Алма-Аты я вернулся домой, где первое время было непривычно ходить по тихим малолюдным улицам нашего провинциального городка.

г. Астана.

В казахстанской и российской печати экспериментальный звуковой альбом Н. Шафера "25 июля", в котором объединены два разнородных творца, вызвал лишь информативные отклики. А вот в трёх американских газетах появились публикации, в которых подобный эксперимент был признан логичным и необходимым.

Публикуем статью Н. Шафера, воспроизводящую историю замысла и воплощения этого необычного звукового альбома.

Пользуясь случаем, редакция "Нивы" сердечно поздравляет профессора Наума Григорьевича Шафера — видного деятеля и подвижника русской культуры, известного учёного-филолога и музыковеда, композитора, давнего постоянного автора и читателя нашего журнала с замечательным

80-летним юбилеем и желает неиссякаемого вдохновения, новых творческих и научных достижений, бодрости духа, здоровья, неистощимой энергии и счастья!

Наум ШАФЕР

Исаак Дунаевский и Владимир Высоцкий

К истории создания звучащего альбома "25 июля"

Академизм сам по себе хорош, если он помогает выстроить стройную и в то же время строгую художественную концепцию. Здесь возникает даже повод поразмышлять (пусть с некоторой долей юмора) о его ненарочитой прелести. Но он невыносим, когда в его основе лежит догматический подход к различным видам искусств, в частности к музыкальному, в результате чего на первый план выдвигается не идея социальной и художественной ценности произведения, а скучное и серое рассуждение о "высоких" и "низких" жанрах. Так, например, произведения Исаака Осиповича Дунаевского, формально относящиеся к "лёгкой" музыке, обычно сопоставляются с мелодиями Блантера, Соловьёва-Седого, братьев Покрассов и других замечательных композиторов-песенников, в то время как по фактуре и эстетическим качествам они более примыкают к творениям Глинки, Чайковского и Рахманинова. Что же касается песен Владимира Высоцкого, то многие из них, в особенности те, которые написаны на военную тематику, способны вызвать многогранные и беспредельные эмоции, как большая серьёзная симфония. А их, как правило, анализируют на фоне лишь бардовского искусства. В своей давней статье "Владимир Высоцкий как композитор" ("Театр", 1988 г., № 6) я рискнул сопоставить его песни с одной из симфоний Малера. А нью-йоркский оперно-симфонический дирижёр Давид Бухин пошёл ещё дальше. В эссе "О тех, кто вчера не вернулся из боя" ("Мы здесь", 2010 г., № 231) он размышляет о творчестве Высоцкого как о чуде на фоне всех форм мирового искусства. Это особенно

симптоматично, потому что размышляет, говорит и пишет профессиональный музыкант. А ведь именно профессиональные музыканты были главными врагами бардовского движения. Одни — по причине эстетского чванства, другие (в особенности композиторы-песенники) — из конкурентных соображений. И здесь пора назвать вещи своими именами: на бардовское движение ополчились не столько власти, сколько уязвлённые композиторы, которые стали строчить доносы этим самым властям, принуждая их реагировать и принимать соответствующие меры. Парадокс в том, что авторами этих доносов были подчас создатели гениальных мелодий, всенародно любимых в годы войны и в первые послевоенные годы. Так, например, Василий Павлович Соловьёв-Седой (“Прощай, любимый город”, “Соловьи, соловьи”, “Подмосковные вечера”) громил Высоцкого за музыкальную малограмотность и отсутствие художественного вкуса. Никита Владимирович Богословский (“Спят курганы тёмные”, “Тёмная ночь”, “Три года ты мне снилась”), потеряв всем известное прирождённое чувство юмора, “нарисовал” донос на журнал “Музыкальная жизнь”, который посмел опубликовать на обложке портрет Булата Окуджавы, “не знающего нот”. Об этом мне рассказала заведующая отделом журнала Татьяна Александровна Лебедева. Случай особенно парадоксальный, ибо не кто иной, как Богословский, оказал огромное влияние на развитие бардовского творчества. Евгений Исаакович Клячкин в личной беседе со мной (после его концерта в Олимпийской деревне под Москвой) сказал:

— Конечно же, король песни — это Дунаевский. Но все наши барды и менестрели, в том числе я, находились под сильным влиянием лирических песен Богословского, особенно в бернесовской интерпретации. Они покорили наши души и сердца своей безыскусственностью и лучезарной интимностью в отражении не только личных чувств, но и общественных проблем. Поэтому зря кое-кто пытается доказывать, что барды — это антиподы советской песни. Наоборот. Они просто направили её по новому руслу. А в исполнительской манере взяли очень многое от Марка Бернеса...

Действительно, парадокс. Никита Богословский, лирик и остролов, создатель бернесовского репертуара (что стоит только одна “Тёмная ночь”!) был крайне завистлив. Из бардов он выделял прежде всего Евгения Бачурину и всячески его пропагандировал. Почему? Да потому что песни Бачуринина по своим мелодическим качествам никак не конкурировали с его творчеством. А песни Булата Окуджавы — конкурировали, да ещё как!

Кстати, Богословский постоянно испытывал ревность и к своим профессиональным коллегам. Дунаевскому, своему крёстному отцу в кинематографии (именно Исаак Осипович рекомендовал его режиссёру В. Вайнштоку в качестве молодого способного композитора для кинофильма “Остров сокровищ”) он завидовал всю жизнь и переделал его имя-отчество на “Иссяк Осипович”. По словам старшего сына Дунаевского, Евгения, это стоило нескольких лет жизни его великому отцу, который до конца дней был полон творческих сил, но слишком близко принимал к сердцу бытовые сплетни, что он якобы исписался, иссяк... Да и Микаэла Таривердиева Богословский не пощадил. Не перенося блистательного успеха песен из телесериала “Семнадцать мгновений весны”, он обвинил композитора в плагиате и от имени французского коллеги послал ему телеграмму с “благодарностью” за использование его музыки.

Для чего я сейчас напоминаю обо всём этом?

Шесть лет моя статья “Владимир Высоцкий как композитор” недвижно пролежала в журнале “Театр” исключительно из-за её названия. Меня уговаривали: “Измените название, чтобы не дразнить гусей из Союза композиторов. В самой статье мы не изменим ни одного слова”. Но я упорствовал: мне хотелось, чтобы читатели прочитали статью именно под принципиальным уклоном её названия. Это стало возможным только в горбачёвскую эпоху (статья была сдана при Брежневле). Но обратите внимание на характер уговоров: опасались реакции не властей, а “гусей” из Союза композиторов. Потому что власти в прямом смысле слова относились к Высоцкому мягче, чем профессиональные музыканты: он был выездным и мог не только давать концерты во Франции или в Канаде, но и записываться там на большие виниловые пластинки, в то время как у нас такие пластинки стали выпускаться в свет только после его смерти (а при жизни ограничивались “маленькими”, где помещались всего четыре песни).

Что же касается меня, то я почувствовал огромную моральную поддержку со стороны Марка Цыбульского, который одну из своих оригинальных и убедительных статей тоже принципиально назвал “Композитор Владимир Высоцкий”, напечатав её сначала в русскоязычной американской прессе, а затем в своей солидной книге “Жизнь и путешествия В. Высоцкого” (Ростов-на-Дону, 2004 г.). В чём-то полемизируя со мной, известный высококовед принял мою концепцию и по-своему её укрепил и развил.

***

Идея создания звучащего альбома “25 июля” у меня возникла ещё в середине 1990-х годов. Именно тогда я представил фирме “Мелодия” звуковой проект на кассете, которая должна была стать основой для альбома из двух виниловых пластинок. Время я выбрал неудачное, потому что “Мелодия” испытывала сильнейший кризис и вскоре вообще перестала выпускать пластинки. Звуковой проект пролежал в моём архиве целых двенадцать лет, пока, наконец, Т. С. Корешкова, директор единственного музея грампластинок на территории СНГ (“Дом-музей Шафера”), относящегося к ведомству областного управления культуры города Павлодара, не предложила осуществить этот проект на двух лазерных дисках. Так в 2007 году появился звуковой альбом “25 июля”. Основная его цель была не только объединить двух разнородных творцов, но и подобным объединением снять преграду между различными музыкальными жанрами, которые в одинаковой степени способны породить у слушателей яркие впечатления и ассоциации.

Альбом был снабжён вкладышем с моей вступительной статьёй, где я высказал предположение, что у него появятся два типа недоброжелателей. К первому типу были отнесены музыканты-профессионалы, которые возмутятся тем, что я посмел объединить блистательного композитора, автора классических инструментальных и вокальных сочинений, с хриплым бардом, не имеющим специального музыкального образования и исполняющим свои песни под гитару с применением трёх или четырёх аккордов. К другому типу были отнесены фанаты бардовского направления, которые упрямо и категорично посчитают недопустимым отождествлять многострадального певца-бунтаря, выразителя душевной боли целого

поколения, с официальным и якобы благополучным композитором, ревностно служившим тоталитарному режиму.

Так оно и случилось. Один из московских музыковедов обвинил меня в профанации высокого искусства: “Дунаевский своей музыкой внёс в серый быт красоту и веру в светлое будущее, а Высоцкий превратил этот мир в бардак, населив его алкашами и уголовниками”. Кое-кто, наоборот, обиделся за Высоцкого. Волгоградский высококовед, которому я послал альбом, ответил вежливым письмом, в котором ни словом не обмолвился о его содержании, а просто предложил возместить мои расходы присылкой каких-то пластинок. А основатель чимкентского музея Высоцкого вообще отказался принять в фонд предложенный ему альбом.

Разнородные творцы, которых нельзя сравнивать и сопоставлять?

Но давайте спокойно разберёмся. Во-первых, как я напомнил выше, в подлинном искусстве нет границ между большими и малыми жанрами. Стихотворение “Я помню чудное мгновенье” и роман “Война и мир” с одинаковой силой моделируют один и тот же поэтический мир, но только в разном содержательном объёме и в разных жанровых формах. И талантливая трёхминутная песня подчас может отражать такой же накал страстей, как и большая героическая симфония. Тут главное — не впасть в чванливое эстетство при насильственном делении искусства на “высокие” и “низкие” жанры. Ведь нынешняя попса отвратительна не потому, что она приобрела массовый характер (песни Дунаевского и Высоцкого тоже были массовыми), а потому, что она вообще не имеет отношения к искусству.

Во-вторых, уместно вспомнить начало одного из стихотворений Евгения Евтушенко: “Большой талант всегда тревожит”. Истинная правда. Глагол “тревожит” здесь, по-моему, ослепительно многозначен. С одной стороны, талант тревожит души людей, побуждая их на благородные и бескорыстные поступки. С другой стороны, большой талант тревожит трусливых верховных деятелей, боящихся конкуренции по части влияния на общественное мнение. От таких талантов они пытаются избавиться.

Те, кто полагает, что Исаак Осипович Дунаевский был любимцем властей, глубоко ошибаются. Более полвека тому назад, когда он внезапно умер, некроло разрешили опубликовать лишь двум центральным газетам — “Литературной” и “Советскому искусству”. Другие официальные издания, в том числе “Правда” и “Известия”, отмолчались,

вернее, отделались маленькими традиционными “квадратиками”. Так же отмолчались все периодические издания, когда умер Владимир Семёнович Высоцкий: страницы газет были заполнены заметками по поводу ухода из жизни Джо Дассена.

С чисто формальной точки зрения, Дунаевский числился в разряде “прославителей”, а Высоцкий — в разряде “ниспровергателей”. Почему же они были в равной степени привлекательны для публики и неуютны властям? Ответ кроется всё в той же евтушенковской фразе: “Большой талант всегда тревожит”. Слишком много таланта и ума было у того и другого, слишком оригинальными были и тот и другой, чтобы покорно уложиться в “прокрустово ложе” догматической государственной системы.

После XX съезда коммунисты идейно спохватились. День 25 июля стал днём траура по Дунаевскому, радио и телевидение почти в течение четверти века заготавливали специальные передачи для этого скорбного дня, в периодической печати появлялись соответствующие статьи и заметки... Всё изменилось после 1980 года: общество было настолько потрясено непредвиденной кончиной великого барда, что день 25 июля превратился в День памяти ТОЛЬКО Владимира Высоцкого.

На первых порах это было обусловлено горькой, но справедливой логикой: в сфере нашей культуры появились другие эстетические критерии и новые идейные программы. Но сегодня настало время по-иному объяснить происшедшее.

Есть значительная категория людей, которые воспринимают песни только сквозь призму словесного текста. Между тем в профессиональной массовой песне (в отличие от бардовской) ведущая роль принадлежит музыке. У Евгения Клячкина есть на этот счёт любопытная песенка:

*Ах, не дели ты с музыкой слова —
они, как мы с тобой, неразделимы.
А если и сольются воедино,
то лгут слова, а музыка — права.*

Воистину! Случалось, что в песнях Дунаевского слова лгали, но музыка — никогда. Она выжила благодаря своему благородству. Напомню, что её безоговорочно любил и ценил Михаил Булгаков, а Фёдор Шаляпин порывался спеть “Широка страна моя родная”, справедливо полагая, что изумительная мелодия — вне всякой политики.

Был ли Дунаевский “прославителем”? Безусловно. Но прославлял он не тоталитарный режим, как думают некоторые, а романтическую веру в добрую сказочную страну, где люди молоды, здоровы, счастливы.

Был ли Высоцкий “ниспровергателем”? Безусловно. Но низвергал он не страну социализма, как это пытаются доказать наши любимые “демократы”, а ту дубинную номенклатуру, которая подорвала престиж великого государства и превратила его в бездушную бюрократическую систему. Неслучайно Юрий Карабчиевский с одинаковой яростью набрасывался и на Маяковского, и на Высоцкого: с его точки зрения, и тот и другой любвеобильно служили мифическим идеалам Октябрьской революции.

Подлинный художник — всегда в оппозиции к политическому и духовному гнѣту. Таким был Владимир Маяковский. Такими были Исаак Дунаевский и Владимир Высоцкий, ушедшие из жизни с разницей ровно в четверть века, но в один и тот же день — 25 июля. Они и родились почти что рядом: один из них 25-го, другой — 30-го января....

***

Составляя звуковой альбом, я выбирал произведения Дунаевского, предназначенные исключительно для оркестрового исполнения. А когда обращался к его песням, то использовал только их инструментальную версию, то есть без слов. Именно в таком виде мелодии нашего классика вызывают серьёзные раздумья и естественней сочетаются с песнями Высоцкого, побуждая слушателей глубже вчувствоваться не только в их прямой смысл, но и в подтекст. Иными словами, музыка Дунаевского как бы “освобождается” от знакомых нам текстов и “пристёгивается” к песням Высоцкого. Не получается ли в таком случае насильственная операция?

Нет, не получается. Дунаевский относился к той категории композиторов, которые вначале, так сказать, “выплёскивали” на нотный лист неожиданно возникшую мелодическую тему, а потом уже принимались осознать, что же с ней делать.

И здесь пора напомнить факт, который не всем известен. Девяносто процентов всей музыки Дунаевского создавалось стихийно, без всякой ориентации на словесный текст. Заявляю об этом категорично как давний исследователь его творчества. В большинстве случаев сначала возникла музыка, а потом под неё “подгонялся” текст, который подчас совершенно противоречил замыслу и душевному порыву композитора. Так создавались такие песенные шедевры, как “Марш весёлых ребят”, “Песня о Родине”, “Весёлый ветер”, “Песня о Волге”, “Марш энтузиастов” и многие-многие другие. Вспомним: ведь вначале “Марш весёлых ребят” имел название “Коровий марш”, и в готовую музыку пытались втиснуть слова “Ты будь здорова, гражданка корова, счастливый путь, уважаемый бугай”, пока, наконец, В. И. Лебедев-Кумач не предложил: “Нам песня жить и любить помогает” (потом переделали на “строить и жить”).

Нередко Исааку Осиповичу и самому приходилось вмешиваться в предложенный текст. Так, например, свою гениальную “Песню о Родине” для кинофильма “Цирк” он сочинил задолго до того, как Лебедев-Кумач принёс стихи “Хороша страна моя родная”. Композитор стал объяснять поэту, что широта мелодического распева требует замены “хороша” на “широка”. Так появился канонический текст “Широка страна моя родная”. К слову, музыка в первоначальном варианте совершенно не была похожа на марш. Она была эпически величава и лирически проникновенна. Её пришлось модифицировать в марш именно по требованию кинорежиссёра Григория Александрова. Лирико-величавый настрой Дунаевскому удалось сохранить лишь во вступительной части к песне.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что Лебедев-Кумач был плохим поэтом. При всей конъюнктурности отдельных стихов, они были искренними и художественно полноценными. А по крылатости многих строк (например, “От Москвы до самых до окраин”, “Кто весел, тот смеётся, кто хочет, тот добьётся, кто ищет, тот всегда найдёт”, “Сердце, тебе не хочется покоя” и др.) они могли соперничать с популярностью многих крыловских и грибоедовских строк, прочно вошедших в быт. Дело здесь в другом. Дело в том, что музыка Дунаевского всегда была шире и глубже даже самых удачных текстов. В качестве доказательства я хочу процитировать замечательное письмо, полученное мною от известного украинского физика Владимира Красногоровца:

“Чем интересен мне Дунаевский? Не только именем, которое также было у Ньютона... Наверное, он прекрасно понимал эпоху, в которой жил, — голодоморы и репрессии. Но его душа оставалась свободной. В отличие от всех других великих композиторов, я рассматриваю его как острую индивидуальность. То есть он способен был, как копьё, пройти на высший уровень и увидеть ту заоблачную гармонию, и затем показать нам — а что там, за невидимым горизонтом. Знаете, такого заострённо-чувствительного состояния, которое у меня вызывает его музыка и фильмы, я не ощущаю больше ни от кого из известных композиторов. Да, есть сильная лирика, сильнейшая лирика, высочайший класс, и это восхитительно. Но у Дунаевского — это ещё и мотор, который заводит тебя и поднимает, просто тянет, на высокий уровень”.

Действительно, мотор. Добавлю: как Высоцкий. В моём звуковом альбоме романтическая инструментальная музыка Дунаевского плавно “переливается” в бунтующие, лирические и юмористические песни Высоцкого, причём без перерыва. Каждая из восемнадцати пар звучит как одно произведение, где исходный толчок дан в первой части, а развитие и углубление (то гармоническое, то контрастное) — во второй. Попробую дать краткую характеристику каждой “неразлучной” паре.

1. Неудержимая страстность увертюры к “Детям капитана Гранта” полностью сливается с волевой напористостью песни “Ещё не вечер”, тем более, что в основе обоих произведений — морская тематика.

2. Облагороженные “блатные” интонации из вальса к “Трёх товарищам” как бы обновляют слушательское восприятие дворовой “Татуировки”.

3. Раскрепощённый разгул музыкальной драки в кинокомедии “Весёлые ребята” переходит в антимещанское восстание буйного героя песни “Ой, где был я вчера”. И в том и в другом случае — неприятие стандарта в быту, нивелирующего человеческие души.

4. Благородно-шуточная “Еврейская рыбацкая” из кинофильма “Искатели счастья” намеренно контрастирует с мрачным погромным настроением идиота из песни “Антисемиты”, аннулируя напевным национальным колоритом его зловещие декларации.

5. Мужественно-драматический “Выходной марш” из кинофильма “Цирк” опять-таки контрастирует с убогой психологией семейной пары, которая смотрит цирковое представление по телевизору, исповняя при этом профессионализм артистов, которые не только “клоунствуют”, но, видимо, исполняют ещё и опасные для жизни номера.

6. Пародийная “Французская шансонетка” своей обаятельной кокетливостью выполняет функцию вступительной характеристики к той героине, которая “была в Париже”, и блистала “не только в нём одном”.

7. Солнечный “Спортивный марш” из кинофильма “Вратарь”, переходя в ироничную “Утреннюю гимнастику”, напоминает нам, что мир спорта не столь однозначен, как мы думаем, и в нём нередко обнаруживаются социально-политические оттенки (“Бег на месте общепримирающий”). Вот уж образец для раздумий о показной суете сует, за которой скрывается не что иное, как рабская покорность (“Разговаривать не надо!”).

8. Импульсивная полька из “Кубанских казаков”, где подспудный лиризм чередуется с озорными интонациями из бытового “Собачьего вальса”, обожаемого первоклассниками музыкальных школ, подготавливает

слушателя к ответу на коварный и скорбно-сатирический вопрос: “Но почему аборигены съели Кука?”.

9. Известная песня “Пути-дороги” теряет в джазовой версии лучезарную гармонию и новыми острыми ритмами предвещает леденящий драматизм “Дорожной истории” с её глубоким психологизмом в оценке человеческой личности.

10. И опять морская тематика. Диву даёшься, что блестящий симфонический эпизод “Кораблекрушение” так и остался в пределах фильма “Дети капитана Гранта”, не выплыв на большую концертную эстраду. А между тем он не просто серьёзен, но и символически многолик — так же, как “Порвали парус”. С одной стороны — определённая конкретика, с другой — вселенское крушение всего самого чистого и самого благородного.

На этом заканчивается программа первого диска альбома. Остальные восемь пар размещены на втором диске. Здесь программа разработана несколько в другом ракурсе. Цветная гамма приобретает иной настрой. Правда, аварийные ситуации по-прежнему “преследуют” слушателя. Но они компенсируются светлыми “музыкальными моментами”, озарёнными тематикой дружбы и любви. Они, эти моменты, не совсем типичны для всей программы в целом, как, скажем, нетипичны нефальсифицированные выборы в нашей социальной среде. Но в памяти слушателей они оставляют неизгладимую печать красоты и свободы человеческого духа. Вот они, эти восемь пар на втором диске:

1. “Песня о Родине”, чьи начальные такты стали позывными для Московского радио (по этим позывным люди, прикинувшие к самодельным приёмникам, с волнением и радостью узнавали, что “Москва ещё держится”), возникла, как было сказано выше, задолго до появления словесного текста. Миф о двадцати семи вариантах был залихватски придуман режиссёром Григорием Александровым, чтобы подчеркнуть свою роль в музыкальном процессе. Но именно потому, что мелодия была независима от слов, она легко состыковалась с песней “Мы вращаем землю”, в которой люди с безумным отчаянием защищают страну, где “много в ней лесов, полей и рек”. Глубоко убеждён, что именно под влиянием “Песни о Родине”, в которой пронзительный лиризм сочетается с эпическим размахом, и была сочинена песня “Мы вращаем землю”. У меня есть пусть не прямые, но логичные косвенные доказательства. По свидетельству Семёна Владимировича Высоцкого, его сын среди прочих мелодий любил наигрывать на пианино мелодии Дунаевского. Ну а второй факт всем известен. Отвечая на анкетные вопросы, Владимир Высоцкий назвал своей самой любимой песней “Священную войну” В. И. Лебедева-Кумача (музыка А. В. Александрова). Лично для меня этот факт свидетельствует, что наш великий бард никак не мог стать участником той гнусной кампании, которая была затеяна в первые годы “перестройки” против покойного знаменитого поэта-песенника. Да, да, отдавал дань конъюнктуре Василий Иванович — от этого никуда не денешься. Но он был абсолютно бескорыстен как в своём стихотворном творчестве, так и в своих, увы, роковых заблуждениях. Как, впрочем, и Пастернак, и Ахматова, которые тоже не избежали откровенных панегириков в честь Сталина.

2. Вероятно, не каждый сознаёт, в том числе и некоторые музыковеды, что песня “Моя Москва”, ставшая спустя многие десятилетия после её создания гимном столицы России (по инициативе Ю. М. Лужкова)

эпохальна в том смысле, что она разрушила стереотип советского марша. Вместо набившего оскомину “Мы” появилось глубоко сердечное “Я”: “Я по свету немало хаживал”, “Я люблю подмосковные рощи” и т. д. Не потому ли она так созвучна ЕМУ, который “вчера не вернулся из боя”? Может быть, он не вернулся после битвы под Москвой?

3. Песня, о которой только что шла речь, это, в сущности, поэтически печальное повествование о нелёгкой фронтовой дружбе. А вот “Песня о друге” из кинофильма “Вертикаль” повествует о нечто подобном, но уже в экстремальных условиях послевоенного времени, поскольку главные герои здесь — альпинисты. Её предваряет замечательный вальс из “Кубанских казаков” (с глинкинскими интонациями в средней части), чей душевный настрой удивительно ассоциируется с “Песней о друге”, написанной, кстати, тоже в ритме вальса.

4. Среди музыкальных номеров кинофильма “Весёлые ребята” особое место принадлежит песенке о сердце, которому “не хочется покоя”. Она не только доставляет высочайшее эстетическое наслаждение своим мелодизмом, но и служит характеристикой лирического героя, чьё сердечное богатство не знает границ. Разве не таков герой песни “Ноль семь”, который поражает не просто культурой чувств, а уникальной способностью любить самоотверженно, тревожно и... счастливо? Два сердца, разделённые многими десятилетиями, бьются в едином ритме.

5. “Музыкальный момент”, сочинённый специально для фантастически-виртуозного пианиста Александра Цфасмана, примечателен не только своим вихревым движением, но и какой-то сумятицей чувств, не поддающейся расшифровке. Такую же сумятицу мы ощущаем в песне “Москва — Одесса”. Её нетерпеливый герой летит не туда, куда ему нужно, а туда, “где принимают”. Цензор, пропустивший эту песню на маленькую виниловую пластинку, был или круглым дураком, воспринявшим её просто как критику на непорядки в Аэрофлоте, или, наоборот, очень умным человеком, прикинувшемся малым ребёнком, который ещё не дорос до понимания символа безысходности в условиях брежневского застоя.

6. Драматический накал всего лишь нескольких тактов из джаз-фантазии “Дуниада” выполняет функцию горестного вступления к песне “Протопи-ка мне баньку, хозяйюшка”, где в судьбе отдельной личности проглядывает масштабная трагедия всей огромной страны, изведавшей “прелести” тоталитарного режима. Изобразительно-эмоциональная сила песни столь велика, что доводит слушателя до потрясающего оцепенения.

7. Увертюра к “Вольному ветру” — образец универсальности инструментальной музыки. Тот, кто сводит её лишь к сюжетному содержанию оперетты, где повествуется о напряжённой борьбе маленькой балканской страны за свою свободу и независимость, будет прав и неправ. Прав, потому что пафос увертюры действительно соответствует напряжённому сюжетному действию. Неправ, потому что музыка, совмещая в себе компоненты “погони” и “преодоления”, вызывает в слушателях эмоции, связанные с тематикой защиты не только человеческой личности, но и всей окружающей среды с её растительным и животным миром. Точь-в-точь, как в “Охоте на волков”, где речь идёт, с одной стороны, о трагедии умных и семейственных животных, виновных лишь в том, что являются нашими конкурентами по части жратвы (ну не могут же волки пастись, как коровы и овцы!), а с другой стороны, речь идёт о нас самих, чью свободу оградили

“красными флажками”, через которые не решаемся перепрыгнуть в силу своего рабского воспитания. А волк — перепрыгнул, потому что, при всей своей загнанности, он воспитан на вольном воздухе, благодаря чему не потерял своего волчьего достоинства. Очень легко, в соответствии с Евангелием, возложить на Господа печаль свою. А ты возложи её на свои собственные плечи, а потом распрямись.

8. Симфоническую картину “Плот” М. А. Булгаков назвал “похоронным адажио”. И здесь я допустил ошибку, которую уже трудно исправить. Дело в том, что, сочетая инструментальную музыку Дунаевского с песнями Высоцкого, я старался избегать симфонических версий нашего классика и обращался к “облегчённым” редакциям, чтобы они естественней гармонировали с гитарой барда или с теми ансамблями, которые ему аккомпанировали. Тут всё было логично. Но надо было сделать исключение для пьесы “Плот”, которую, конечно же, следовало представить полностью в авторской симфонической редакции. Во-первых, потому, что она завершает программу и должна была прозвучать более серьёзно. А во-вторых, именно симфоническая версия “Плота” ближе к траурной музыке, которая соответствует прощальным “Коням привередливым”. Поэтому что-то было потеряно в музыкальном единстве обоих произведений. Но так или иначе “Плот” и в адаптированном виде подготавливает слушателя к надорванному экстазу героя “Коней”, мучительно пытающегося хотя бы ещё немного удержаться на краю обрыва. Драматическая насыщенность мыслей и чувств, которая соединяет оба эти произведения, в то же время ассоциируется с заслуженным вечным покоем — в булгаковском понимании.

На наивысшей точке напряжения заканчивается программа звукового альбома “25 июля”. Помимо прочего, о чём говорилось выше, он призван внести хотя бы маленькую лепту в борьбе с обывательскими суждениями, что якобы и Дунаевский, и Высоцкий преждевременно ушли из жизни по собственной вине. Какие бы личные причины ни способствовали их раннему уходу, они оба принадлежали к той инициативной группе творцов, которые упорно вырабатывали в своих слушателях девиз: “А вдруг получится?”. Это означало, что нельзя опускать руки в любых неблагоприятных или экстремальных условиях, а надо продолжать делать своё дело, вселяя в людей веру в торжество подлинной жизни — без прозябания и лукавого приспособленчества. Такая позиция придавала особую выразительность и красочность их разнородному творчеству.

И для Исаака Осиповича Дунаевского, и для Владимира Семёновича Высоцкого жизнь и искусство были неразделимыми понятиями. Спасение они видели не в тишине, которую тоже любили и нуждались в ней, а в хлопотании вечных проблем, которые каждый раз требовали иного решения. И в самые горькие минуты отчаяния, театрализуя мир, они оставались жизнелюбивыми и верящими.

г. Павлодар.

Дария ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА

Цыганская серенада

Жаркое летнее солнце катилось по небу, как огненный шар, испепеляя всё вокруг. Одиноким молодой человек бесцельно брёл по городу, ничем не интересуясь, его отрешённый взгляд вызвал сострадание у одной пожилой женщины, участливо спросившей, что случилось, но парень, погружённый в свои думы, не заметил её и не остановился, остальные равнодушно спешили по своим делам. Алмас двигался по улице словно сомнамбула, ничего не видя вокруг, потрясённый до глубины души от неожиданного удара судьбы.

Утром секретарша декана вывесила на видном месте приказ об отчислении студента второго курса консерватории А. Рахметова. Однокурсники, прочитав приказ, безучастно проходили мимо. А приятели, едва кивнув при встрече, тут же исчезали в толпе студентов. Некоторые злобно ухмылялись про себя:

“Давно этого пьяницу надо было выгнать! Ишь, возомнил себя великим композитором! Не хочешь учиться, езжай в аул! Там на домбре без знания нотной грамоты можно тренькать!”.

Алмас запоздало кинулся к вечно спешащему декану, но тот сердито буркнул, что занят. Увидев появившихся в коридоре друзей, он рванулся к ним: “Берик! Мурат! Сембай! Рамазан! Жанат!”. Но они даже не сочли нужным остановиться, поговорить, подбодрить, помочь советом. А тут ещё его настигла комендант общежития и потребовала освободить комнату. Алмас еле-еле уговорил женщину немного подождать и не выбрасывать его вещи. Растерявшись от внезапно свалившейся на него беды, Алмас стал корить себя за беспечность: “Предупреждали же благосклонные ко мне профессора, что меня могут отчислить из консерватории, а дружки успокаивали: “Ты гений, у кого поднимется рука подписать приказ?”. Однако поднялась, не дрогнула. Конечно, в большей степени виноват я сам! Ох и дурак же я, что был слеп, как щенок, которого хотят утопить. Мне казалось, что у меня много друзей, — так где же они? Вот случилась у меня беда, а рядом не оказалось никого, кто бы мог поддержать: “Алмас, мы пойдём за тобой в огонь и в воду!”.

Ещё вчера я заметил, как дружки о чём-то оживлённо разговаривали, но при моём появлении замолчали и стали перемигиваться. Как я оказался в их компании? Скорее всего, они знали, что готовится приказ о моём отчислении, но решили мне об этом не говорить, а может, просто не хотели расстраивать? Нет, если бы они предупредили меня, я мог бы зайти к ректору, переговорить с ним, повиниться. Значит, они сами хотели, чтобы я был отчислен, для некоторых из них я был, видно, соринкой в глазу. Он вспомнил, как преподаватель по струнным инструментам однажды сказал: “Алмас, ты поцелован Богом, такой талант даётся только избранным”. — В своих бедах я виноват сам, нечего перекладывать вину на других! Что скрывать, я не был прилежным студентом, часто пропускал занятия, увлекался спиртным и довольствовался дифирамбами многочисленных приятелей. Разве настоящие друзья так поступают? Не зря же однокурсница Назым сказала: “Алмас, ты что им веришь? Если с тобой завтра случится беда, они как тараканы

разбегутся”. Но я отмахнулся. Не прислушался к справедливым словам. Был как в угаре”, — раскаивался прозревший Алмас.

Чего греха таить, он и в самом деле в последнее время вёл праздный образ жизни, прилипшие к нему дружки постоянно водили его на свадьбы и различные юбилеи-тои. Люди встречали его с почестями, вместе с ним пели его песни, а приятели щедро ему подливали. Сколько раз его спрашивали однокурсники о деньгах, которые якобы он получает за участие в празднествах. Но Алмас ни сном ни духом об этом не знал, не интересовался у дружков, платят ему деньги за выступления или нет? Он был счастлив, что его песни поёт народ. Юноше казалось, что вместе они делают доброе дело: друзья договариваются, знакомят его с публикой, а до остального ему не было дела, тогда как за его спиной ушлые приятели, называвшие себя друзьями, набивали себе карманы за счёт Алмаса, скрывая это от него.

Горечь, отчаяние, обида и неудовлетворённость собой охватили всё его существо. Алмас едва передвигал ноги от тяжкого груза, свалившегося на него. И не было никого, к кому можно было обратиться за помощью и поддержкой.

Юноша остался один в большом городе, без денег и крыши над головой, и походил на котёнка, с которым поиграли и выбросили. Старшекурсница Айганым, встретившая Алмаса, пожалела его, напоила чаем и упрекнула: “Алмас, раньше ты проходил мимо и не замечал меня. А сегодня ты похож на стрекозу из басни Крылова. Пропьянствовал с людьми, которые никогда тебе не были друзьями, они наживались благодаря тебе, а сами губили твой талант. Неужели до сих ты не разобрался, кто они? Саги и Арман ненавидели тебя, завидовали. А ты принимал их льстивые слова за чистую монету, им же нужно было, чтоб ты исчез, им не нужен Алмас-композитор, они прекрасно знают, что ты талантлив, твои песни поёт народ, они звучат по радио. Дружки таскали тебя по тоям, вечерам, спаивали тебя, простодушного, а сами глумились над тобой и расказывали преподавателям, что водку ты запиваешь вином, а не ходишь на лекции оттого, у тебя болит голова с похмелья и ты отсыпаешься от вчерашнего застолья”.

Алмас уже убедился в правоте Айганым, ещё раз открывшей ему глаза на внутренний облик тех, кого он наивно считал своими верными друзьями. Ещё до встречи с ней он попросил, как ему казалось, самых надёжных друзей сходить с ним к ректору, хлопотать за него. Саги заявил: “Ты что, одурел? Что я скажу ректору: “Алмас хоть и пьяница, но он мой друг! Пожалуйста, не отчисляйте его!”. Что он подумает обо мне? В отличие от тебя мне надо закончить учёбу. Я не такой талант, как ты! Каждый выпитый стакан рождает в тебе новую мелодию. Тебе не надо учиться. Руководству консерватории ты надоед, оно правильно сделало, что отчислило тебя, ты позоришь консерваторию!”.

Марат, который всегда восхищался им, отрезал: “Будь, Алмас, мужчиной, это твои проблемы, ты их и решай!”.

А Сайлау, как преданная собака бегавший за ним, называвший его глыбой, теперь сделал вид, будто никогда не знал Алмаса. “О, что за жизнь! Как можно жить среди лжи, подлости и лицемерия, что мне делать? — сокрушался обескураженный Алмас, выходя из комнаты. — Права Айганым, я подобно стрекозе летал от одного праздничного стола к другому, не задумываясь о последствиях. Самые вроде бы надёжные друзья обожались со мной хуже, чем с собакой! И впрямь: ослеплённый успехами,

свалившейся на голову известностью, славой, я по дурусти своей не понимал, что не могут быть настоящими друзьями такие как Жанат, Оспан, Мади. Они просто-напросто завидовали мне, таскали в компании, где, прикрываясь моим именем, пили-ели и хвастались дружбой со мной. А на самом деле они вынашивали мерзкие планы исподтишка разделаться со мной, для чего подталкивали к опрометчивым поступкам.

Какой позор! Скоро до родителей дойдёт весть о моём отчислении, — и тогда весь аул будет смеяться над моими стариками, как я вернусь, что скажу им, не оправдав их надежд?” — терзался Алмас.

У немолодых родителей он был единственным сыном, они не могли дожидаться, когда он закончит учёбу и вернётся в родные края. Отец Алмаса играл на домбре, кобызе, казанской гармошке, был акыном, а мать считалась певуньей, и всё же они не понимали, почему их сын называет музыку своей профессией. В те времена пели в каждой казахской семье, и родители полагали, что есть более достойные профессии, которые могут принести в будущем достаток семье сына, когда он обзаведётся женой и детьми. Но о женитьбе он не помышлял, а его родители мечтали о добронравной и хозяйственной снохе, им хотелось нянчить внуков и достойно прожить свою старость в кругу семьи сына.

Но Алмаса обычные житейские радости совершенно не трогали, благонамеренные мысли поскорее обзавестись семейным уютным гнёздышком не приходили ему в голову. Он был обуреваем одной всепоглощающей страстью, одной любовью. И этой страстью и любовью была музыка. Она зарождалась в глубинах его души, звучала там и рвалась наружу, в простор, к людям.

Молодой композитор не мог взять в толк, почему целыми днями он должен торчать на занятиях в консерватории, тогда как лучшие и самые проникновенные мелодии возникают не в тесных помещениях, а на природе, в тенистых аллеях парков и скверов. Он обожал фонтаны, любовался, как радужные брызги воды разноцветным бисером рассыпаются в воздухе, достигая одежды прохожих. Молчаливые вершины Алатау в его представлении оживают и ему слышалось, как они переговариваются между собой. Неужели профессора консерватории не понимают, что будущему композитору необходимо одиночество, чтобы творить? Ведь только в уединении душу охватывает вдохновение, обостряются зрение и слух, даётся неожиданный толчок возникновению новых напевов. Такой, например, когда Алмасу случайно попались на глаза строчки стихов:

*Звуки, о чарующие звуки!
Природою вы рождены.
Я слышу отовсюду
Мелодию нашей земли.*

*Капли росы холодной
Стекают с куста в траву.
Вот гусеница вцепилась в горло
Цветку на зелёном лугу.*

(Подстрочный перевод с казахского).

Алмас улыбнулся: “ Вот на эти стихи напишу свою новую песню. Гусеница исчезла в лепестках цветка... Сколько ещё красивых мелодий родится в моей голове? И если я отчислен из консерватории, значит ли это, что никому не нужны мои песни?”. Он остановился, услышав, что из окон

университетского общежития льётся его песня. “Мои песни поёт мой народ, значит, я нужен народу”, — приободрился Алмас.

Он не был обделён вниманием красивых девушек. Дружки не раз говорили ему с завистью: “Эх, Алмас, нам бы твою популярность! Ты можешь жениться хоть на дочери министра, ни одна красотка не откажется стать твоей женой. Вот тогда у тебя была бы не жизнь, а полная чаша. Лежи себе на диване и сочиняй свои песни”. Однако Алмаса такая жизнь не прельщала: “Какой же я композитор, если женюсь из-за корысти? Нет, я должен жениться по любви, потому что чувства рождают новые песни”.

Одной из первых его песен была “Кайыкта” — “На лодке”:

*Я катал тебя на лодке,
Ты следила за волной,
Ветер ласковый и нежный
Окатил тебя водой.*

*Месяц звёзды, как монеты,
В синем небе разбросал,
Подари свою невесту,
Подмигнув, он мне сказал.*

(Подстрочный перевод с казахского).

Выброшенный на обочину жизни после отчисления, отторгнутый высокомерным музыкальным сообществом, Алмас всё же надеялся рано или поздно вернуться в консерваторию. Но этого не произошло. Алмас так никогда и не закончит консерваторию, потому что его недоброжелатели и бесталанные завистники сделали всё, чтобы он не получил диплом композитора. Некоторые из них живы и до сих пор. Не приняли его и в Союз композиторов. И вряд ли их мучает совесть, что не один год своей жизни композитор Божьей милостью провёл в нищете и лишениях. И всё-таки вопреки всему Алмас станет выдающимся композитором Казахстана, его назовут королём казахского вальса. Одно из лучших его произведений в конце концов превратится по воле народа в гимн Казахстана.

Возможно, среди цыган забылась давняя история любви юноши-казаха и девушки-цыганки. Говорят, что этим юношей был композитор Алмас. Легенда это или быль, сейчас того никто не знает. А может, это правда? Тогда почему же никто из культурологов, музыковедов, учёных и журналистов не задался целью найти истину, разыскать знающих людей, чтобы по их рассказам восстановить события той поры?

У каждого человека в жизни чередуются белые и чёрные полосы. Почему-то у Алмаса в судьбе выпало больше чёрных полос. В период своей безысходности он случайно познакомился с цыганами, которые пригласили его в табор. Там он влюбился в цыганку, а цыгане в его песни. Продолжая кочевать, они предложили ему продолжить путешествие в Бессарабию, однако Алмас отказался и вернулся в Алма-Ату, где его песни по-прежнему боготворили простые люди. Как оно было в действительности, конкретных свидетельств нет, однако я под впечатлением услышанной истории придумала свой вариант развития событий.

Итак, это было давно, и никто не помнит подробности той встречи, кроме цыганки Изольды. Она с бабушкой спешила в табор, возвращаясь туда по многолюдной алма-атинской улице. Летнее солнце нещадно палило. Пирамидальные тополя воинственно направляли свои остроконечные

пики на жаркие лучи солнца, чтобы защитить землю. Многочисленные фонтаны разбрызгивали струи воды, а в мельчайших капельках трепетали радуги, вызывая восторг у резвящейся здесь детворы. Лёгкий ветерок шелестел в кронах молодых дубков, заставлял вибрировать листья, извлекал из них разнообразные звуки, шаловливо дирижируя своим оркестром.

Но юная цыганка была не в том настроении, чтобы любоваться фонтанами и тенистыми аллеями. Ей опротивело ремесло, которым приходилось заниматься с детства. Ей хотелось иметь семью, жить в благоустроенном доме, где были постоянно вода и свет. Встречать и провожать любимого мужа, занятого нормальной работой. Она тяготилась вольной жизнью своих соплеменников и не хотела жить по цыганским обычаям. Ей надоели частые переезды с места на место и кочевой образ бытования. Изольда стеснялась обманывать людей, считала унижительным приставать к ним с гаданием.

Старая Мария любила внучку и с неодобрением относилась к её фантазиям. У цыган слово “работа” почти как ругательство. Их удел — ездить по миру, наслаждаться свободой, плясать и петь песни. Бабушка пыталась вразумить внучку:

— Ты не представляешь, как тяжело жить в таких домах, там постоянно тесно и душно, не хватает свежего воздуха, потолки и стены давят на психику людей, все проживающие в этих домах хворают. У них постоянно болит сердце и скачет давление. А цыгане привыкли жить вольно, на просторе, под открытым небом. Видела ли ты больных цыган? — усмехнулась бабушка и пояснила: — Цыгане почти не болеют — вот ответ на этот вопрос”.

Внимание старой цыганки привлёк красивый молодой человек азиатской внешности. У него были тонкие черты лица, нежная кожа, только лопухие уши немного портили его облик, придавая ему мальчишеское выражение. Он, видимо, брёл куда глаза глядят, ко всему безразличный, будто что-то потерявший в себе. Некогда дорогая одежда на нём давно потеряла свой вид и была основательно потёртой. Мария своим взглядом словно опалила его.

— Что, цыганка, погадать хочешь? Нет у меня денег! — с отчаянием в голосе признался он.

Старая цыганка не обиделась и участливо сказала:

— Знаю. Я бесплатно тебе погадаю, судьбу твою по глазам вижу! Непростой ты человек, богом отмеченный! Огромным талантом обладаешь! Нелегко живётся тебе среди завистников и недоброжелателей. Они водкой и лестью погубили твой дар. Жаль, слабым оказался ты! В стакане утонуть можешь. Долгий путь у тебя к славе! Непросто до неё добраться, много ошибок сделаешь, пока достигнешь её пика! Только не доживёшь ты до безмерной славы! В народной памяти останешься!

— Не верю тебе, цыганка! Как я останусь в памяти народной, если не могу заработать себе на хлеб?

— Не притворяйся, народ уже любит тебя. Ты избалован его вниманием, жаль, дружки тебя с толку сбили. Идёшь по неправильной дороге. Вижу, гложет тебя безденежье. Отчаяние в твоих глазах. Ты не разобрался ещё: где друзья, где недруги твои. Пойдём с нами в табор! Я хочу помочь тебе. Расскажи мне про свои горести-беды. Мы, цыгане, вольные люди, поездишь с нами по белу свету, может, вдали от мнимых дружков у тебя появится время по-новому взглянуть на себя со стороны, разобраться в себе самом и другими глазами посмотреть на мир.

Изольда удивилась: её бабушка впервые пригласила незнакомца в табор. Как к нему отнесутся её соплеменники? Незнакомец послушно шёл за старухой и её внучкой.

Цыгане встретили его приветливо. Раз Мария его привела, значит так надо.

— У цыган положено вначале покормить пришельца, — сказала Мария, велев внучке подать еду.

— Мой народ тоже славится своим гостеприимством, — похвалился Алмас, понемногу осваиваясь в непривычной обстановке. И хотя он был голоден, однако сдерживал себя, ел с достоинством, стараясь не торопиться, поедая лакомые куски мяса, которые ему подкладывала Мария. Насытившись, Алмас поблагодарил старушку и её внучку за угощение. И всё же чувствовал себя неловко, не зная, что делать дальше. И тут заметил лежащую в стороне гитару. Глаза его загорелись.

— Можно взять её? — спросил Алмас.

— Бери! — улыбнулась Мария и подала ему гитару. Но с первых же взятых им аккордов все поняли, что перед ними настоящий музыкант.

— Какие песни вам спеть? — обратился Алмас к Изольде.

Та недоверчиво покачала головой, мол, разве можно спеть лучше цыган?

— Пой, какие знаешь! — нехотя ответила девушка.

Он запел старинные русские романсы. Цыгане одобрительно переглянулись. Потом Мария попросила:

— А теперь спой нам свои казахские песни. Я люблю слушать ваши песни, они красивые, как наши. В них простор ваших степей, полёт беркута и широта души вашего народа!

— Тогда я спою вам “Ты зрачок глаз моих”, — окрылился Алмас. — Это песня великого казахского поэта Абая.

— Я слышала о нём, — подала голос Изольда, — памятник ему стоит в центре города.

Цыгане были заворожены, Алмас стал исполнять и цыганские песни. Многие из находившихся в таборе пустились в пляс.

— Кто ты? — поинтересовалась Мария.

— Композитор, то есть сочиняю музыку, песни. Но учёные люди не хотят признавать меня, а завистники столкнули меня в пропасть. Меня выгнали из консерватории, и наверное, поделом, я сам виноват в своей беспечности — пропускал лекции, считая, что они мне ни к чему. Мне хочется писать песни. И я умею это делать. А сидеть в душных аудиториях — для меня пытка. Песни рождаются на свободе. И вот теперь я настолько свободен, что чувствую себя неприкаянным и никому не нужным, — вздохнул Алмас.

— Тебе надо было родиться цыганом! Мы бы оценили твои песни! — заметила Мария.

Постепенно Алмас позабыл про свои печали и тревоги. Вдохновение окрылило его, он словно вырос на глазах, расправил плечи, становился всё красивее. Алмас будто поднялся на гору и пел с её вершины, был так далёк от окружавшей его обстановки, где-то в своём мире, где его понимали и любили. Вначале из одного, а после из другого глаза бусинкой выкатилась слеза. Мария сделала вид, что не заметила этого. “Пусть поживёт у нас в таборе, отмякнет душой, — про себя решила Мария. — И спасибо тебе, Всевышний, что наделил меня способностью угадывать хороших людей”.

В их роду из поколения в поколение передавался дар ясновидения. А вот внучка Изольда не хочет быть гадалкой, когда же человек отказывается от этих занятий, то ему не суждено унаследовать талант.

Цыгане безоговорочно слушают Марию потому, что табор живёт на деньги, заработанные ею. Её предсказания сбываются. Мария может угадывать судьбы всех. Только не дано ей узнать будущее родных, в том числе внучки. И это её огорчает. Изольда рано осталась без родителей, внешностью она напоминает Марию в молодости, но характер у неё не такой, какой положено иметь цыганским женщинам. А это к добру не приведёт.

Алмас продолжал играть и петь, однако Мария плохо слушала его, погружённая в глубокие раздумья о выпавших на долю этого талантливого человека испытаниях и тех, что ему предстояло перенести. Увы, она могла предугадать чью-то участь, но изменить её было не в силах.

Алмас пел, заливаясь слезами, не замечая времени. Цыгане, слушая его, тоже украдкой вытирали слёзы. Незаметно пролетела короткая летняя ночь. Костёр потух. Рассвет розовым фламинго распростирал над землёй свои крылья. Чистый и холодный воздух щипал ноздри. Цыгане разбрелись по шатрам и кибиткам, напоминавшим весеннюю степь в алых и жёлтых тюльпанах. Пряный запах трав, смоченных росой, и знакомый Алмасу с самого детства посвист и щебет птах вызвали в нём радостные чувства. “Вот так жил мой народ, в привольной степи сочиняя свои песни. Вот так же собирался у костра”, — подумал Алмас. Сызмальства он полюбил кюи Курмангазы, мятежные, как небесные громовые раскаты перед дождём, они будоражили душу, не давали мальчику покоя. Снились, вызывая в нём восторженные звуки, которые он хотел передать музыкой. Он тоже пробовал писать кюи, но потом понял, что рождён не для кюев, его трепетная и нежная душа изливалась в лирических песнях.

Старая Мария и Изольда неслышно подошли к юноше. “Как понравились тебе мои сородичи? — спросила старуха и тут же продолжила, не дожидаясь ответа: — В отличие от твоих дружков они не притворяются. Если не понравился, скажут прямо и не будут в глаза улыбаться, а за спиной пакостить. Мы — открытый народ. Божий. Может, поэтому мы не такие, как вы. Мы видим и друзей, и врагов, и судьбу можем предсказать. Не стану тебя утешать — жизнь твоя будет тяжёлой. Много предательства встретишь на своём пути. Будешь мыкаться, страдать от безденежья, людской подлости и неблагодарности, но сам никогда не встанешь на путь лжи и коварства. Близкие люди тебя не поймут, но ты не обижайся на них. Такая уж у тебя судьба. Чтобы стать великим, — надо много терпеть. Я тебе уже говорила об этом, когда только увидела тебя. А теперь ещё ясней увидела твоё будущее. Я вижу твою славу — она необъятна, как океан. Ты напишешь песню, которая никогда не умрёт! Умру я, умрёшь ты, а песня твоя будет жить! Твой народ будет петь её, она станет главной в жизни твоего народа. Ты и цыганам подаришь песню, ты всем будешь дарить песни, а тебе при жизни, пожалуй, никто ничего не подарит. Зато ты будешь вознаграждён бессмертием, священной памятью, будешь вечно жить в своих песнях...”

Ничего не сказал потрясённый откровением старой цыганки Алмас. Он стоял возле погасшего костра, размышляя над услышанным, и не замечал, как на него, не скрывая восхищения, смотрит Изольда...

Р. С. Читатели, наверное, узнали в образе Алмаса Рахметова и отдельных эпизодах его жизни некоторые драматические события судьбы выдающегося казахского композитора-песенника Шамши Калдаякова.

г. Караганда.

“Женский взгляд” Сваюнаса Армонаса

*Выставка картин литовского художника
в столичном музее современного искусства*

Есть ещё на свете романтики! Они воспевают женскую красоту и открытия отважных путешественников, им дует в лицо ветер дальних странствий, они верят в синюю птицу удачи и считают, что если Бог дал тебе талант, то нельзя изменять своему призванию. Таков и живописец из Литвы.

Образование Сваюнас Армонас получил в Вильнюсском государственном художественном институте и всю жизнь старался быть верным избранному пути. На его счету 20 персональных выставок и множество республиканских и международных проектов, география которых охватывает многие страны Европы, Россию, Китай.

— Цель мероприятий, проводимых нашим посольством в Казахстане, — рассказать о знаковых личностях современной литовской культуры, — подчеркнул министр-советник посольства Литвы в РК Антанас Пятраускас на открытии выставки. — Наши страны плодотворно сотрудничают в экономической, культурной сфере, а также по линии ОБСЕ, где в 2011 году статус председателя от Казахстана примет Литва.

Представленные полотна делятся на две группы. На одной — большие корабли с белоснежными парусами, причалившие к новой земле после долгого плавания (“Святая армада”, “Святая миссия”). Морская тематика близка каждому литовцу, а Сваюнас Армонас и сам моряк, три года отслуживший на подводной лодке.

— Таких кораблей сейчас, конечно, нет. Но они существовали! В давние времена и путешествия были романтичнее, — размышляет художник. — К ним тщательно готовились, длились они долго, и впечатления накапливались постепенно. Сейчас всё проще: сел в самолёт и через несколько часов ты в другом государстве, и вот уже узнаёшь новую страну, иную природу, города, других людей.

Однако царствуют в экспозиции женщины: “Дама с синим котом”, “Пожелания таинственной”, “История веера”, “Натюрморт у взморья”, “Тост

синей птице”, “Золотоволосая”... Героини Сваюнаса Армонаса прекрасны и загадочны, как названия работ, и пришли к нам из прошлых времён. Они томные, плавные (с пышными формами, совсем не по теперешним стандартам красоты), элегантны, кокетливы, возможно, и капризные.

Они носят яркие платья и манерно отставляют мизинчик, держа длинными пальцами почти игрушечную рюмочку или тонкий черешок вишенки. Они носят широкополые шляпы, украшенные цветами, и их просто невозможно представить в футболках и джинсах. Златовласками и брюнетками Сваюнаса Армонаса хочется любоваться, признаваться в любви и шептать: “Дивная! Очаровательница!”. Про них Остап Бендер сказал бы: “Знойная женщина – мечта поэта!”.

— Наверное, образ современницы мне не так интересен. Я всё-таки человек романтического склада, — говорил, улыбаясь, автор. — Когда чего-то не хватает в жизни, это и кажется привлекательным. Женщины вокруг фантастически красивы, но они деловые, спешащие, может быть, даже холодные. У меня женщины уютные, тёплые, такие, которых мужчины любят..

Картины Сваюнаса Армонаса высоко оценили и мужчины, и женщины, как и его несомненное обаяние и открытость. Литовский гость также провёл мастер-класс для преподавателей и учащихся художественных школ и вузов Астаны. Художник говорил об особенностях своей профессии, делился секретами мастерства, рассказывал о Литве, а ещё исподволь помогал своим собеседникам видеть мир вокруг светлым и не забывать мечтать.

Наталья КУРПЯКОВА.

Фото Игоря БУРГАНДИНОВА.

Николай ШМИГАЛЁВ

Не от мира сего

Повесть-пародия

Часть третья

По ту сторону тьмы

Преамбула

“Когда гибнет дракон — гаснет звезда, когда умирает король — склоняют штандарты, когда погибает рыцарь — склоняют копыя, когда казнят вора — склоняют всяко, когда хоронят менестреля — поют синглы...” — в этом куплете из древней курляндинавской баллады о доблестных рыцарях айсвенграх проскальзывает тонкий намёк на то, о чём или о ком пойдёт речь в данной повести. Нет, не о короле. И не о рыцаре. Да нет же, и не о драконе (точнее, не столько о нём). И не о ворах и уж точно не о менестрелях. Много чести, знаете ли. Ну, догадались?! Правильно, в этот раз Алексею придётся встретиться с самим Смертью. Нет, это не опечатка, всё верно, “с самим”. Все мы дружно заблуждались. “Смерть” — слово мужского рода, потому что он мужчина. Режет ухо и глаз? Радуйтесь, что не горло. Так что привыкайте, ведь это только “цветочки”. И вообще, перед тем как начать читать эту повесть, соберитесь с духом, поцелуйте своих родных и самых близких, выпейте успокоительного, валерианки, например, и... левомецетина на всякий случай, ибо, как со скорбью заметил посредственный оратор-иронист древности Петроний Евгенасис ещё в начале своей карьеры: “Шутки уже кончились”. Ведь на этот раз речь пойдёт не только о мистере Смерти, но и о том, что страшнее его. А что же хуже смерти? Его ожидание, говорите? Нет. Достопочтенная супруга, наутро, после удавшегося юбилея золотой свадьбы? Нет же. Потеря чести, доблести или ориентации? Уже теплее, но всё равно мимо. Есть ещё Он! Короче, сохраним интригу, только добавлю — страшная тайна сия сокрыта первозданным мраком за семью печатями, девятью пломбами и одиннадцатью амбарными кодовыми замками, и чтобы сорвать с неё полог мглы, опять придётся последовать за нашим кре... да, не побоюсь этого слова, нашим крепышом Лёхой, то бишь за Воином Не От Мира Сего, Геолог-воином и, естественно, Воином С Того Света, дабы заглянуть по ту сторону тьмы. Вам уже жутко читать! А представляете, каково повествовать об этом. Что же, мужайтесь! Читайте, и да пребудет с вами сила и воля, и сила воли, чтобы осилить эту чересчур вольную повесть.

Гоблины в халатах

Алексей никуда не мчался. Он уже почти месяц никуда не торопился, не спешил и не стремился. По крайней мере, внешне он был спокоен словно мумия. Впрочем, также как и эти египетские высокопоставленные “жмурики”, он был крепко спелёнат специализированной робой.

Ну да что вас томить. Давайте всё по порядку.

Благодаря второму поцелую с нетерпеливой, но оттого не менее прекрасной принцессой, Лёху вновь вышвырнуло обратно в свой мир и не куда-нибудь,

а под кремлёвские стены, где он, не разобравшись в ситуации, начал почём зря прорубать “окно в Европу”, то есть портить государственное имущество, в частности, как уже было сказано в предыдущей части, дырявить кирпичную кладку, и где он собственно и был застукан (в буквальном и переносном смысле) охраной Кремля, обезврежен и отправлен в спецучреждение закрытого типа для дальнейшего разбирательства обстоятельств его неадекватного поведения. Правда, единственное, что смогли у него выведать компетентные органы, так это то, что за всем этим стоит некий иностранец Джеймс по кличке Чёрт, он же Мефистофель, он же Дьябло, он же Адольф, по всей видимости, суперсекретный агент одной из вражеских разведок мира. Так, по крайней мере, предположили “компетентные органы”, расшифровывая путанные показания Круглова, в которых чаще всего упоминалось имя пресловутого Джеймса с добавлением эпитетов “сволочной”, “смердящий” и, скажем так помягче, “хитровыделанный”, с перемежающимися угрозами в его адрес. Помимо этого им были также озвучены то ли имена, то ли клички, то ли сообщников, то ли подельников: “Пинта”, “Анонимус”, “Пихта”, “Принцесса”, “Сатир”, “Фердинанд”, “Иосиф”, “Лаврентий” и пароль для связанных “Союз”, с отзывом “Аполлон” (на счёт пароля с отзывом — это “компетентные” тоже сами додумали), а больше ничего существенного у Круглова им выудить и не удалось.

После того как на Алексее были опробованы всевозможные методы выкачивания информации, от метода доброго и злого “следаков” до “сыворотки правды”, его ненадолго оставили в покое, заперев здесь же в секретном лечебно-профилактическом корпусе этого же спецучреждения, где уже куковало достаточное количество психически неуравновешенных, умалишённых, буйных товарищей, а порой и откровенных маньяков.

Алексея, как и полагается по уставу подобного “товарищества с ограниченной умственной ответственностью”, побрили, остригли наголо, переодели в серую полосатую пижаму, и так как других свободных палат здесь не было, засадили в одиночку под номером 66, находившуюся в конце коридора. Правда, после нескольких неудачных попыток побега, Алексея, рвавшегося “на стрелку с Чёртом”, поместили целиком и полностью в смирительную рубашку, а кто-то из остроумных докторов (санитары, эти гоблины в белых халатах, до такого однозначно не додумаются) дописал чёрным маркером третью цифру 6 на дверях “номера”. Таким образом, нынешнее пристанище Круглова стало в некотором роде “Цитаделью зла” для местного контингента. Причём и психи, и тем паче, санитары (те ещё клиенты, для своего же заведения), сразу как-то, не сговариваясь, поверили в некую связь постояльца комнаты №666 с силами тьмы и устроили ему настоящую травлю. Но если первых “Будд”, “Римских Пап” и “Георгиев Победоносцев”, пытавшихся прокрасться к Лёхиной палате для “восстановления справедливости и победы над силами зла”, осаживали сами вездесущие санитары, то этих “вторых”, то есть самих санитаров, остановить было некому. Они входили в гости к Алексею в любое время, когда им только вздумается, и издевались над ним, связанным по рукам и ногам, ну, по крайней мере, пытались отомстить за его лихие попытки сбежать, из-за которых некоторые из этих благородных мужей в белых халатах получили преждевременную пенсию по инвалидности. Круглов же, впавший в полукоматозное состояние, после последнего побега, когда ему хорошенько досталось электрошокером (и не единожды), практически не реагировал на внешние раздражители и потешавшихся над ним гоблинов-санитаров попросту игнорировал.

В целом Лёха уже смирился с жестокой действительностью. Он уже не задавался вопросом, почему ему, человеку, причинившему столько добра другим, натворившему столько общественно-полезных дел и наломавшему столько “дров” во благо человечества и остальных тварей, так, в конце концов, “аукнулось”.

Он смело посмотрел в глаза правде-матушке и сказал себе: “Да, парень, этот матч ты проиграл всухую”, и, повторюсь, как его учили в стенах другого специального учреждения, искусственно ввёл свой организм (а в него, в организм, входят, ни много ни мало, и центральная нервная система, и системы кровообращения и пищеварения, и иммунная система и психика со всеми вытекающими) в своеобразный анабиоз, как говорится, “до лучших времён”. Теперь он практически не переживал за то, что упустил когда-то там и “журавля”, и “синицу”, и нынче мог “любоваться” лишь “уткой”, выглядывавшей из-под кровати. Сжигать свои нервы, тратить жизненные силы на самобичевание и размазывание мысленных соплей по своей истерзанной душе было для такого профи непозволительной роскошью. С этой поры он, как уже было сказано выше, “никуда не мчался, никуда не торопился, не спешил, не стремился и был спокоен словно мумия”. Единственное, чего опасалось его чуткое подсознание, это дряхлых, но высоколобых старикашек-докторов с их большими шприцами, электрошоковой терапией и вечными разговорами о лоботомии и трепанации. И хотя внешне он оставался спокоен и глух к их консилиумным беседам, но где-то глубоко внутри струнка-то натягивалась. Позволить кому-то ковыряться в своём мозгу ради непонятной докторской диссертации с длинным и скучным названием Лёха пока был не готов.

Жаль, об этой готовности его почему-то никто не спрашивал.

Проведя очередной осмотр, а за ним, соответственно, и консилиум, местные “светила” решили-таки порыться в голове своего необычного пациента, посмотреть, как у него “функциклирует” серое вещество, которое странным образом затормозило даже сердцебиение в два с половиной раза.

— Завтра вскроем черепушку, посмотрим, что да как, — сквозь “вагу в ушах” напоследок расслышал Алексей дряблый голосок одного из “светил”, и дверь за “консилиумом” захлопнулась.

У Лёхи и так находившегося в своеобразном “анабиозе”, внутри ещё раз всё похолодело.

Ему оставалась последняя ночь перед перерождением в овощ.

Одна ночь.

Ночь перед перерождением

“Как-то всё нехорошо вышло, — думал горькую думу Алексей, лёжа спелёнатым в своей кровати. — Вроде всё сделал правильно. Почему в итоге оказался подопытным кроликом в этой лаборатории мозгокрутов? Почему меня просто-напросто не размазало по переходу между мирами? Почему этим “высоколобым” так интересно, что у меня под черепной коробкой? — подумал в конце концов он и о “светилах”. — Неужели эти “умы” не знают таких пустяков, как йога, то есть обычное осознанное управление функциями всех систем организма через первичную тонкую материю жизни?..”.

Вопросов было много, а ответов пока мало, если не сказать правду, которая заключалась в том, что последних вообще не было.

Так тянулись томительные часы Лёхиного заточения, так “развлекался” наш герой в преддверии Неизбежного, так Его Беспощадное

Величество Время беспощадно отсчитывало себя же, неся всё сущее на встречу с Неотвратимым.

Часы, висевшие над входной дверью, показывали 23.45.

За всё время пребывания в этом “профилактории” Круглов только сейчас догадался о предназначении хронометров. Раньше он наивно предполагал, что их удел подсказывать обитателям палат время, оставшееся до приёма пищи, прогулки или процедур. Хотя, как он сам же сомневался, это было излишним. Всё равно, пока санитары сами не вспомнят, что надо “выгулять” или “дать корм” “братьям нашим меньшим” (как в высокоинтеллектуальных беседах медперсонала величались их подопечные), эти часы могли без толку “куковать” сколько им заблагорассудится.

Только сейчас к Лёхе пришло озарение — часы в палате висели с одной-единственной целью: действовать на нервы психам! В его случае, просто действовать на нервы. Он-то отдавал себе отчёт, что он не психопат, не шизофреник, не идиот, не, кто там ещё — дебил, имбицил, параноик... Хотя не факт, многие его соседи считали в отношении себя так же, а иной раз выкидывали такие финты, что даже врачи порой не знали — смеяться им, плакать или стрелять на поражение.

“Боже, какие сволочи!” — мысленно ругнулся Круглов в никуда.

Часы показывали 23.50.

За всё время пребывания в этом “пионерлагере для особо одарённых” Лёха именно в этот момент понял, почему свет в палате горел двадцать четыре часа в сутки. Он-то думал это оттого, что в палате нет окон, а на самом деле это было устроено для банального нервирования психов и иже с ними. Причём, если верить часам на стене, тусклая, в дневное время, лампочка начинала светить особенно ярко, когда приходило время для лечебно-оздоровительного сна или, как шутили в его некогда родимой армии, когда по сигналу “Пушечному мясу, отбой!” наступало тёмное время суток.

“Господи, вот же скоты!” — вновь припомнил Алексей недобрый словом местную “медбратию”.

Часы показывали 23.55. Подходило время обхода.

В полночь по местному времени дежурный санитар из числа бодрствующей смены обходил палаты и проверял наличие, мягко говоря, пациентов, которые, грубо выражаясь, приветствовали его тот или иной глаз в дверном глазке. Грубо оттого, что если не приветствовали, а наглым образом спали, то санитар поднимал такой шум, колошматя по стальной двери связкой ключей, что соскочивший соня-наглец терял остаток своего сна до самого утра, коротая бессонную ночь с яркой нервирующей лампочкой и методично расшатывающими нервную систему ходиками. О том, что этот обход делается исключительно для издевательств над психами, Алексей понял ещё в первую ночь, тут даже, как говорится, семи пядей во лбу отмерять не надо.

“Господи, боже мой, ну и гады!” — всколыхнулась очередная возмущённая мысль в Лёхиной голове. Сегодня он и снаружи казался немного раздражённым.

Часы показывали 23.59.

Секундная стрелка завершала свой круг по циферблату, а в коридоре слышались приближающиеся шаги непутёвого “обходчика”. Шаги стихли напротив двери Лёхиной палаты, раздался скрежет сдвигаемой крышки глазка и в нём появился глаз санитаря.

Часы показывали 00.00.

“Чёрт бы тебя побрил!” — глядя в глаз вероятного противника, подумал Круглов, во избежание неприятностей не дрогнув ни одним мускулом лица.

Глаз в дверном глазке в ответ тоже даже не моргнул, продолжая бурлить Лёху хмурым взглядом.

“Хочешь посоревноваться?! — догадался Лёха, что за игру затеял с ним санитар и, не моргая, “вылупился” в ответ. — Я всё равно тебя пересмотрю!”.

Противостояние затянулось.

Санитар продолжал, не моргая, бесстрастно смотреть на Круглова.

Круглов, с наворачивающимися на немигающие глаза слезами, на санитаря.

Санитар на Лёху, Лёха на санитаря.

Лёха на санитаря, санитар на него.

“Вот это выдержка!” — впервые с уважением подумал о ком-то из местных Алексей, в частности о противнике в “переглядках”, и, признав себя побеждённым, быстро-быстро заморгал, смачивая пересохшую роговуцу.

Санитар же шёл просто на невероятный рекорд, достойный книги Гиннеса, продолжая поражать Лёху своей неморгающей стойкостью.

То ли от усердия кое-кого на пути к рекорду, то ли ещё от чего, но в палату к Круглову начал просачиваться резкий запах, напоминавший, напоминавший... Ах ты ё-моё!

Запах тухлых яиц может сопутствовать лишь одному существу, точнее двум: невылупившемуся по причине трагической гибели птенцу и Чёрту. Кому принадлежал “аромат” на этот раз, можно было не гадать.

“Вот Дьявол! — догадался Круглов, когда по палате поплыл лёгкий запах сероводорода. — Его проделки!”.

— Он самый! — подтвердил Лёхину догадку вышедший из стены импозантный джентльмен с аккуратными рожками на лбу. — Мои проделки!

Джеймс Чёрт, а это был именно он, кстати, если вы не забыли, он же Дьявол, Мефистофель, Люцифер, Лукавый, Лукавый, Михал Сергеевич, наконец галантно кивнул Круглову, осмотрел пустую палату и хлопнул в ладоши. В тот же миг посреди палаты материализовались два кожаных кресла и стол с фруктами и бутылкой вина.

— Теперь можно и поговорить, — произнёс Чёрт, усаживаясь в кресло напротив Алексея.

Лёха покосился на глазок, в котором всё ещё торчал глаз санитаря, пялившийся на него. Проследив за его взглядом, Чёрт усмехнулся.

— Посмотри на часы.

Лёха глянул на часы. Все стрелки собрались в кучу и остановились на цифре 12.

— Оно не стоит, — пояснил Чёрт, закинув ногу на ногу так, что стали видны его лакированные копыта. — Я просто как мог замедлил Его и у нас Его совсем мало.

— Пришёл порадоваться своим выходкам?! — окончательно восстановив все функции организма в нормальное состояние, Алексей позволил себе немного разъяриться после долгого бездействия. — Думаешь запрягал меня в психушку и всё?! Тебе это с рук не сойдёт! Хорошо смеётся тот, кто стреляет последним, то есть смеётся последним, а стреляет первым. Короче... мы ещё с тобой поговорим по душам!

— Так я для этого и здесь, — поморщился Джеймс Чёрт. — Нам надо поговорить, и если ты пообещаешь не лезть в драку, я распахую тебя и мы

сможем разрешить все наболевшие вопросы за бокалом хорошего вина. Согласен?

Алексей, недолго думая о том, что это, возможно, какой-то подвох или очередная подстава, а может, и внеочередная подлость, согласился.

— Ладно, я согласен, — сказал он, и Чёрт, щёлкнув пальцами, моментально освободил Круглова из пут смирительной рубашки. Алексей пересел с жёсткой кровати в довольно мягкое кресло. — Только ты знай...

— В том, что произошло, моей вины нет, — перебил его Дьявол. — Ты сам виноват, что угодил сюда. Надо было держать себя в руках, богатырь.

Чёрт взял бутылку с вином и, выбив пробку, разлил вино по бокалам.

— Давай за встречу! — поднял он свой бокал.

— Я не пью, — проворчал Круглов, отодвигая бокал от себя.

— Зря! — с укоризной произнёс Чёрт, выпил одним махом содержимое своего бокала и, с удовольствием крякнув, продолжил: — Или, может, “западло” с Дьяволом хряпнуть?

— Я серьёзно, не пью.

— Так это не какая-нибудь сивуха или денатурат. “Кагор” — единственное вино от Бога, — похвалил Дьявол напиток, наливая себе вторую порцию. — Давай, давай, а то у нас разговор как-то не клеится.

Он опять придвинул бокал Круглову, но тот отрицательно покачал головой.

— Не, спасибо, не буду, — вновь отказался Алексей от предложения.

— Ты не беспокойся, всё чистое, без подлянок, — поспешил его уверить Чёрт в своих добрых намерениях и, не дожидаясь Лёхи, опрокинул второй бокал. Затем достал сигареты, прикурил и сладко затянулся. — Я тебе прямо скажу, Алексей, ты мужик что надо.

Алексей с интересом посмотрел на Вельзевула. Или тот притворяется, или на самом деле так быстро захмелел.

— Это правильно, что не пьёшь и не куришь, — выпивая и покуривая, продолжил Чёрт, наклонившись через стол к Круглову. — Это ведь я всю эту гадость придумал. Водка, табак, наркота, клей — всё моих рук дело. Существа низших порядков — слабаки. Что люди, что орки, и даже эльфы, эти ханжи, все вы дурманите себя этой отравой. А что я, а у меня, может, ипостась такая — проверять вас “на слабо”, как говорится — искушать. А я, может, простым стоматологом стать хотел, и-ик.

Лукавый вновь наполнил свой бокал и, уже не предлагая Лёхе составить компанию, выпил.

— Вот вы говорите Чёрт, Чёрт, — откинулся Дьявол на спинку кресла и закурил неизвестно откуда взявшуюся сигару. — Чёрт такой! Чёрт сякой! А кто-нибудь спросил, отчего я такой? Почему я вам козни строю? Не-ет! Вы все Бога любите, ему молитесь, а пьёте, курите, колетесь, глотаете, нюхаете мои детища, мои изобретения. Я вам рай на грешной земле, то бишь мирах третьего уровня, дарю, а вы ещё меня и хаёте. За последние десять минут Бога ты вспомнил три раза, а меня только один раз, и это ещё “слава Богу”, что вспомнил. Я ведь тоже не могу просто так взять и появиться, даже в этом гадюшнике, — Чёрт с отвращением огляделся. — И на тебя я тогда заочно разозлился, только оттого что кое с кем перепутал.

Лёха сделал непроницаемое лицо, стараясь не улыбнуться. Такой исповеди ещё наверняка никто не слышал. А Чёрта, как видимо, развезло не на шутку и... понесло.

— Да, Бог создал мужика по подобию своему и бабу по подобию своей... э-э, знакомой. А зачем, спрашивается? Сам, небось, не понял. Зато я им, бабе и этому первому охламону, глаза открыл, показал, какая между ними разница: кто мужик, а кто дразнится. Но ведь не я их из Эдема турнул. Нет, вы всё равно меня крайним делаете, и-ик. Живите, размножайтесь, но не прелюбодействуйте. Он уже закрыл глаза на ваши оргии. Зато взял Содом и Гоморру почём зря спалил. Я всего лишь венерические заболевания придумал, чтобы хоть как-то неугомонных вас обуздать, нет, всё равно Дьявол дурак, Люцифер злодей. Да я, может, как лучше хочу сделать, из благих намерений.

Лёха сразу припомнил, куда выложена дорога из благих намерений.

— Вот и ты сразу думаешь глупости, — обиделся подвыпивший Дьявол на Лёху. — Может, мне Елена Прекрасная глаза открыла, объяснила, наконец, в чём смысл настоящей Любви кроется. Может, я здесь для того, чтобы помочь тебе? Может, я...

— Стоп! — остановил “исповедь” Алексей. — Что ты там говорил про Елену, про помощь? Она что, опять в беде?

— Ах, да-да-да! — попытался Вельзевул припомнить что-то важное, но не смог.

Тогда он положил руки на голову и закрыл глаза. Спустя несколько секунд он убрал руки и, открыв глаза, совершенно трезвым взглядом посмотрел на Лёху.

— Что, сильно ругался? — обратился он к Круглову. — Извини. Я, когда выпью, такую жуть несу.

— Я заметил, — усмехнулся Алексей. — Так что там с Еленой Прекрасной? Или ты по мою душу?

— По твою. То есть к тебе по делу, — с озабоченным лицом ответил Дьявол. — В общем, так. Времени уже в обрез. Я задаю вопросы, ты отвечаешь. Только искренне, от этого зависит всё остальное. Готов?

— Валяй, спрашивай.

Вельзевул почесал лоб между рожек и начал опрос:

— Имя, фамилия, род занятий до ратной службы?

— Алексей Круглов, до ратной службы ратная учёба.

— Хорошо! Любишь Елену Прекрасную?

— Скорее да, чем нет.

— Давай без шуток, точнее.

— Конечно же, люблю!

— Готов смириться с тем, что потерял её навсегда?

— В смысле? — Лёха озадаченно уставился на Дьявола. — Что-то я не понял, как смириться?

— Если ты больше в тот мир не попадёшь, например, — уточнил Чёрт. — Или, чисто как пример, если она вдруг умерла.

— Как умерла?

— Я ж говорю, это как бы пример.

— Не надо таких примеров, понятно? — нахмурился Алексей. — А ещё таких, там, если она вдруг вышла замуж за другого, вдруг не дождалась меня, вдруг поменяла пол и тому подобное. Понятно?

— Короче, Склифосовский, смиришься или нет? — спросил Чёрт уже напрямую.

— Никогда!

— Ладно, — обрадованно потёр руки Дьявол. — А если я тебе скажу, что ты уже никогда не попадёшь в её мир и предложу на выбор несколько других кандидатур из параллельных пространств, — Чёрт разложил на столе перед Лёхой несколько картинок с красиво нарисованными девушками. — С натуры писаны самим Рафаэлем Леонардовичем. Взгляни, вот Варвара Краса Накладная Коса. Шикарная причёска, да? К ней в башню рыцари по её косе как по канату взбирались. Вот это Василиса Мудрая-Премудрая: умная, красивая и богатая, не хуже твоей Елены. Это, — он указал на очерченную красавицу, — Забава Путятишна — племяшка княжеская, у неё такое приданое, закачаешься. Или вот — Марья-Искусница. Я её называю Искусительница. Ни один нормальный мужик не устоит. Выбирай! И не забывай, к каждой прилагается по две трети царства или три четверти княжества на выбор. Что скажешь?

Алексей с интересом просмотрел остальные картинки и отодвинул их в сторону.

— Спасибо, не надо.

— Молодец! — похвалил Дьявол Лёху. Казалось, что он на самом деле рад такому развитию событий. Но единственное, что из всего этого понял Круглов, с этим Мефистофелем надо держать ухо востро.

— Последний вопрос! — Дьявол впился в Алексея пронзительным взглядом. — Только хорошо подумай, прежде чем ответить.

— Говори уж.

— Хочешь, я тебя в президенты Америки пропихну?! — в глазах Чёрта загорелся дьявольский огонёк. — Представляешь, всему миру будешь мозги пудрить по своему усмотрению, и никто не указ. Только кивни — сразу исполню, без контракта, даже душу забирать не буду.

— А что сразу Америки? — недоверчиво поинтересовался Алексей. — Нельзя у нас “попрезидентствовать”?

— Понимаешь, у вас президента народ избирает, — посетовал Чёрт. — А там я всегда своего ставленника подтасовываю.

— Это многое объясняет, — ухмыльнулся Алексей и ненадолго задумался.

Перспективы ему, честно сказать, показались заманчивыми и альтернативу такому предложению подобрать было трудно. Но тут, как назло, померещились ему глаза принцессы, и все “перспективы” словно ветром из головы выдуло.

— Нет, не согласен, — уверенно ответил Алексей и пожал плечами. — Я принцессу люблю и ни на что её не променяю.

— Это банально, но круто! — вырвался у Дьявола вздох облегчения, и Алексей вновь забеспокоился, не натворил ли он чего невзначай своим отказом. Ведь всё-таки с Дьяволом переговоры вёл.

— Не волнуйся, ты всё правильно сделал, — успокоил его Чёрт, — это было самое настоящее искушение. Ты на него не поддался, тем самым доказав, что достоин.

— Чего достоин? — не понял реплики Круглов.

— Продолжать борьбу за свою любовь и за остальные миры.

— Что опять вас куда-то угораздило?

— Не нас, а вас, — ответил Чёрт, наливая себе в бокал вина. — Всё, о делах завтра. Давай отметим, Алексей, твой триумф! За твою порядочность, морально-психологическую устойчивость и упёртость! За тебя!

Вельзевул выпил бокал вина и, моментально захмелев, встал.

— На сём разрешите откланяться, — кивнул он Лёхе. — Завтра, пардон, уже сегодня, за вами придут.

— А как же...

— Дорогой ты мой человек, — перебил Круглова Дьявол. — Из такого запущенного мира как ваш порталы я не открываю, не смогу тебя забрать. Но завтра, пардон, уже сегодня, тебя вызволят. Я подскажу, где тебя искать. И извини меня, если что не так. У меня всё-таки много плохих привычек. Тяжело мне совсем без подлянок, пойми меня правильно.

— В смысле?

— Пока! — сказал Чёрт напоследок и исчез.

Алексей в гордом одиночестве остался сидеть в своём кресле, пытается понять, на что намекал Дьявол.

Когда секундная стрелка вновь продолжила отсчёт времени в прежнем ритме и глаз в дверном глазке, не веря увиденному в палате, начал протираться рукой санитар, Алексей всё понял.

— Демон! Демон! — завопил что есть мочи санитар, увидев Лёху, развалившегося в кресле из кабинета главврача, и умчался за подмогой.

“В общем-то, нормальный мужик этот Джеймс Чёрт, но шалопай тот ещё и шутки у него плоские, — отвлечённо подумал Лёха, взяв яблоко с подноса. — И вообще... пора удирать”.

В ожидании посетителей Алексей нервозно захрустел яблоком, а все его микрофибры души, единогласно согласные с его холодным разумом, в унисон пропели: “Пора, брат, пора!”.

Пора удирать!

Уж мы не будем углубляться в дебри следующих нескольких часов, не побоюсь этого сказать, пыток, которые пришлось вынести Лёхе в стенах, а правильнее будет назвать — застенках этого жуткого заведения. И санитары и врачи, примчавшиеся по зову сердца на безумные крики очевидца, чей глаз в течение долгих тягучих мгновений торчал в глазке 66-й, ай да что там, 666-й палаты, который и застал Круглова на месте невероятного преступления, все они без колебаний решили начать операцию-эзекуцию не дожидаясь официального рассвета, то бишь начала рабочего дня. За такую неслыханную наглость Алексею пришлось вновь ощутить на своей шкуре несколько ударов электрошоком, вдохнуть полной грудью отнюдь не веселящего, а скорее, снотворного газа, получить несколько лошадиных доз успокоительно-паралитических инъекций, ну и, само собой разумеющееся, парочку обязательных, но оттого не менее крепких ударов по телу в целом и по голове в частности.

Как ни старался Алексей на этот раз погрузиться либо в боевой транс, либо в анабиотический сон, ничегошеньки у него не вышло. Душевный трепет перед скорой свободой, помноженный на опаску разума перед не менее скорой возможностью превратиться окончательно и бесповоротно в растение, никак не давали ему сосредоточиться. Он и так, и так пытался настроиться на спокойное принятие реальности для перехода в иное ПСИ-состояние, но не смог. Когда же до его разума добрались и начали его разрушать коварные съворотки мозголомов, его сознание, судорожно хватавшееся за “соломинки” таявшей воли, начало проваливаться в тёмный омут беспамятства. Сколько это продолжалось, трудно сказать. Алексей, словно пловец,

выбывавшийся из сил, то всплывал на поверхность, дабы сделать глоток “воздуха”, то вновь уходил под холодную толщу сумрачного болота. В мгновения “всплытия” Лёха открывал глаза и видел одну и ту же картину: расплывчатые фигуры в белых халатах и яркие лампы, бьющие прямо в лицо.

В очередной раз он открыл глаза и, сфокусировав зрение, увидел огромный шприц с чёрной жидкостью в руках одного из врачей. Второй врач освободив Лёхину руку из ремней, взял её и, вытянув вперёд, подставил её коллеге для укола. Алексей попытался провести приём, но не смог. Его тело, словно набитое опилками, не повиновалось. Движения были медленны и слабы. Врач только крепче схватил его руку, давая возможность коллеге ввести препарат Круглову в вену, что последний без особого труда и сделал. В месте укола начало жечь, будто в вену вогнали не сыворотку, а улей с дикими пчёлами. “Огонь” разгорался, перекинувшись с руки на тело, голову и другие конечности, и этот пожар “затушить” уже было нечем. Хотя...

— Кыо-ома-анди-ырр, всё хорошо, мы-ы зде-ыесь! — как в замедленной прокрутке сквозь “вату в ушах” услышал Круглов. — Се-ейча-ас тебе по-олеегча-аеет! Де-ержись, Командир!

И действительно, звук ускорялся, приобретая привычную скорость, становился отчётливее и понятней.

— Ко-омандир, это-о мы-ы, это мы! — произнёс склонившийся над ним врач уже нормально звучащим голосом Антипа или Архипа, что, впрочем, в данной обстановке было не важно. Главное, что “врач” сорвал с себя маску, за которой скрывалось лицо Архипа или Антипа, что в принципе тоже не важно, потому как второй “врач” тоже сорвал с себя маску, явив взору Круглова лицо идентичное лицу напротив.

— Командир, это мы — Архип и Антип! — дружно произнесли они (хотя он уже и сам понял) и начали отвязывать Круглова от стола. — Мы за тобой!

Братя сняли обесиленного Алексея с хирургического стола и, взяв его под руки, вывели прочь из операционной.

Переступая через лежавшие повсюду тела отключённого бескомпромиссными хуками и апперкотами персонала заведения, троица продолжила путь мимо бесновавшихся палат с душевнобольными. Обстановка с “безжизненными” телами и воплями умалишённых напоминала картины в лучших традициях “Обители зла”.

— Что так долго? — спросил Алексей как ни в чём не бывало: силы возвращались на удивление быстро. — И что это за эликсир вы мне вкололи? Какой-нибудь “зомбиратор” Кранкэйнштейна?

— Это кровь! — сказал Антип.

— Кровь нашего дракона, Горыныча, — уточнил Архип. — Фердинанд сказал, только она поможет с любым недугом справиться.

От этих слов кровь самого Алексея, сдобренная кровушкой дракона, прильнула к его враз порозовевшему лицу: из-за него пошли на убой Союз и Аполлон!

— Не волнуйся, Командир, дракон жив-здоров, а ещё и отгул получил как заслуженный донор, — словно прочитав его мысли, произнёс Антип. — Фердинанд поначалу вообще планировал из него ведро нацедить, дабы тебя нормально ополоснуть, но Фавнус отговорил, поэтому обошлись, в буквальном смысле, малой кровью.

Словарный запас у братьев значительно обогатился, отметил про себя Алексей, а вслух спросил:

— Кстати, а где сатир?

Близнецы вздохнули и переглянулись.

— Фавнус нынче при смерти, — принёс страшную весть Антип.

— Умирает в страшных муках, — добавил Архип. — И никто из наших джедаев...

— Сансэев, сатир мудрецов наших величал сансэями, — поправил брата Антип.

— Короче, никто из них ничем не могут помочь Фавнусу, — договорил Архип и замолчал.

Алексей, уже почти восстановившийся после всех этих экспериментов над своей самой уязвимой частью личности, то есть разумом (душе и телу меньше “кренделей” досталось), захотел уточнить симптомы сатирического недуга, но не успел: чья-то коварная рука нажала кнопку автоматической разблокировки дверей, и толпа перевозбуждённых пациентов, жаждавшая расправы над “приспешником дьявола”, хлынула в коридор. С этой минуты Алексею и братьям стало не до разговоров.

Взвинченные психи, движимые единой идеей, оказывается, гораздо более неудобный (потому что непредсказуемый) противник: они нападают все скопом, лезут, царапаются, кусают и, что характерно, не падают с первого удара, видимо, оттого что у них мозги и так набекрень, и первая серия ударов по черепу только немного вправляет им эти самые мозги и лишь сильнее их подзадоривает.

Поэтому, пока Алексей с близнецами пробились к выходу, они уже существенно подвыдохлись, а впереди оставалось ещё несколько десятков метров по открытой асфальтированной местности до заветного колодца, то бишь канализационного люка с порталом.

— Ещё один рывок — и мы дома, — выдохнул Антип, отшвыривая прочь наседавшего противника, кажется, “Наполеона Бонапарта”.

— Колодец сразу за круглой маленькой лужайкой, — подсказал Архип, подминая под себя очередного “Ганди” и опять этого настырного “Наполеона”. — Беги, Командир, мы прикроем!

— Уйдём вместе! — твёрдо произнёс Алексей и, повалив несколько психов, с криками “За мной!” выскочил наружу.

Немного проредив пространство около выхода, братья выскочили следом и припустили за Алексеем к газону, за которым призывно маячило чёрное жерло колодца. Лёха первым подскочил к канализационному люку, заглянул в него и вскользь прошёлся по генеалогическим древам сантехников, состоявших в штате заведения, вплоть до их седьмого колена — колодец почти по горловину был заполнен мутной дурнопахнущей жижей.

— Здесь проходом и не пахнет, — невесело проворчал Алексей.

— Ныряй, Командир, не сомневайся! — прохрипел подоспевший Антип. — Не ровен час...

— Э-эх, ладно! — перебил его Круглов, ища глазами, куда запропастился второй “спасатель”. — Прыгаем все вместе, на счёт три!

— Четыре! — крикнул Антип, бесцеремонно спихнув в колодец Алексея, который просто чудом не встретился челюстью с чугунным ободком люка и с громким всплеском погрузился в жижу. — Без обид, Командир, так надо! — бросил Антип вслед “нырнувшему” Лёхе и помчался на выручку брату, которого толпа преследователей настигла на газоне и теперь пыталась заставить, образно выражаясь, “ноздрыми землю втянуть”, и где ситуация

усугублялась тем, что летучий отряд психов получил подкрепление в лице сбежавшихся по сигналу тревоги охранников из других зданий комплекса.

Окунувшись в воду, Круглов, не догадывавшийся о трагедии, развернувшейся наверху, мысленно обматюкал “потерявших всякий страх” близнецов, собираясь чуть позже, в более подходящей обстановке преподать им пару уроков субординации и элементарного уважения к старшему по званию, но услышав несколько коротких автоматных очередей, сразу догадался, почему они так неучтиво с ним поступили. Ценою своих жизней юные разгильдяи-богатыри задержали противника, дав ему возможность попытаться удрать в их измерение, где его вновь ждали дела.

И Алексей, поняв, что деваться некуда, решил попробовать воспользоваться попыткой, тем более что в проёме люка, на фоне неба, даже сквозь толщу мутной воды он разглядел несколько силуэтов с фонариками. Враг высматривал именно его.

Вспомнив своё недавнее погружение в “батискафе”, Круглов принял решение плыть вниз, на глубину, плыть до тех пор, пока не найдёт портал. А что будет представлять из себя портал на этот раз: затопленный туннель, грот, подводную пещеру или канализационную трубу — вопрос второй, или даже третий, главное — не проплыть мимо.

В последний раз, глянув через люк на свой, ставший окончательно враждебным мир, Круглов оттолкнулся от скользкой бетонной стены колодца и, перевернувшись под водой, заправским морским котиком поплыл вниз к переходу.

Чем глубже погружался Алексей, тем холоднее становилась вода. Чем дальше углублялся, тем темнее становилось вокруг. Чем дольше он плыл, тем меньше оставалось запасов кислорода в лёгких, а никаких признаков портала он так ещё и не обнаружил.

Наконец, когда и силы и запасы воздуха были на исходе, а сам Лёха начал стремительно замерзать от студёной водицы, он достиг-таки дна колодца и... чуть не взвыл. Хорошо вовремя вспомнил, что открывать рот под водой, тем более для бессмысленного воя, не самая лучшая идея для такого “ихтиандра” как он. Помыкавшись по каменному дну и не нащупав ничего кроме скользкого щебня, Алексей, начавший терять сознание от недостатка кислорода, поспешил, совершая максимально скоростное всплытие, наверх.

Увидев сквозь толщу воды яркие блики фонарей, он с горечью отметил о провале своего очередного рывка в другой мир.

— Будьте вы все прокляты! — вынырнув из холодной воды, выпалил он в лицо людям, караулившим его возвращение.

— Мы тоже рады тебя лицезреть, Геолог-воин, — за всех ответил игумен Иосиф и протянул Круглову руку. — Добро пожаловать в лоно церкви, друже.

В бликах факелов Алексей рассмотрел за спиной преподобного Иосифа смиренного краснокнижника Лаврентия и заслуженного патологоанатома Фердинанда.

В лоне

— У нас тут тоже полный завал, — мрачно процедил игумен, выслушав сбивчивый рассказ Алексея о выпавших на его долю мытарствах на “родине героя” и героической гибели братьев-близнецов в битве с превосходящим “не умением, а числом” противником. — Этим ещё повезло, однако, умереть героически.

Вся честная компания, в количестве четырёх человек, расположившись в трапезной опустевшего монастыря, попивала фирменный напиток знахаря, заваренный на хитрых травках.

— Да им вообще умереть подфартило, — в сердцах добавил Лаврентий, подливая Круглову горячей травяной настойки “для сугреву”. — А у нас всё-таки хуже. Это даже не чертовщина, а вообще полный апокалипсис, только наоборот.

Алексей, всё ещё не понимая, что случилось, переводил взгляд с одного рассказчика на другого.

— Разрешите, наверное, я объясню, — поднялся со своего места Кранкэйнштейн и, не дожидаясь ничего разрешения, продолжил: — Тут история тёмная, молодой человек. Настолько тёмная, что чёрт ногу сломит. Сам Джеймс Чёрт пока разбирался, чуть шею себе не свернул. Но нам, в сговоре с Дьяволом, удалось кое-чего разузнать. А именно. Вся нынешняя беда случилась сразу, после того как умерла Елена Прекрасная...

— Что ты сказал? — подскочил как ужаленный Алексей. — Что значит умерла? Она не могла! Она, она ведь...

Круглов замолчал, размышляя, что же собственно “она ведь”.

Старцы озабоченно переглянулись — они думали, что Лёха уже в курсе насчёт принцессы, вроде как договаривались с Чёртом, что он как-нибудь корректно доведёт эту прискорбную весть герою, а у того, видно, кишка тонка оказалась, не хватило духа объявить человеку горькую правду.

— Не паникуй, Геолог-воин, — наморщив лоб, пробасил игумен. — Не к лицу богатырю в истерике биться.

— Ты лучше дослушай, что тебе говорят, потом подскакивать как ужаленный будешь, — добавил своё веское слово Лаврентий. — Я ведь тебя предупреждал — не смей целовать красну девицу без яблока.

— Я не целовал её, она сама... — Алексей, свесив голову, понуро опустился на лавку.

— Так вот, от второго поцелуя принцесса, как говорится, отдала богу душу, — продолжил вводить в курс дела Алексея некролог. — На этом бы и сказке конец. Ан нет. Сразу после этого произошло самое, пожалуй, поразительное явление, с которым я лично сталкиваюсь впервые и которое приблизительно можно охарактеризовать как “смертепреставление”.

— То есть?

— То есть, после смерти Елены Прекрасной больше никто не преставился. Даже находящиеся при смерти и смертельно раненые избежали сей радостной участи, — пояснил игумен. — Словно умерла сама смерть.

— Так всем бы только радоваться, — с горьким сарказмом произнёс Алексей. — Не о вечной ли жизни все мечтают. Вот и сбылись мечты идиотов.

Старцы переглянулись между собой: или Алексей ничего не понял, или притворяется недоумком.

— Не до шуток нам, и не до радости, — пригладил бороду отец Иосиф. — Такая вечная жизнь никому не мила.

— От чего же?

— Нет смерти, нет и жизни, — сказал игумен. — Больные мучаются от болей, а избавления во смерти спасительной им не приходит. Женщины беременные разродиться не могут, маются. Да мало ли чего...

Иосиф махнул рукой и замолчал.

— Произошёл некий сбой вселенской системы. Нарушены все законы природы и эволюции, — пояснил Фердинанд. — Нет ни круговорота животных цепочек, ни естественного отбора, а жизнь потеряла свою драгоценность и значимость. Благо хоть Чёрт в данной ситуации на нашей стороне. Он, как мог, притормозил течение времени, чтобы “виновница торжества” разлагаться не начала, так как у нас есть подозрение в её причастности к творящемуся безобразию, которое в полной мере можно назвать глобальным катаклизмом.

— Да-да, — закивал согласный с ним Лаврентий. — Это полная клизма для всего глобуса. Вон, бедный Фавнус мучается от головных болей, агонизирует безостановочно на смертном одре, и мы ничем ему не можем помочь, даже убить...

— Только молимся, чтобы смерть скорее прибрала его, — сказал Иосиф. — Невозможно смотреть на его страдания.

— А где сейчас Фавнус? — вновь вскочил Алексей.

— В своей келье лежит, бредит, — кивнул на дверь игумен.

— Я схожу, посмотрю.

— У него жар, и он никого не узнаёт. Не ходи, не мучь себя картиной вечной агонии, Геолог-воин.

Ни слова не говоря, Круглов поспешил проведать друга.

Сатир действительно был в очень тяжёлом состоянии и нёс даже не бред, а самую что ни есть ахинею высшей пробы.

— Зайка моя, я твой зайчик, ручка моя, я твой пальчик, банька моя, я твой тазик, морда моя, я твой глазик, — обхватив голову руками, бормотал Фавнус, катаясь по своей лежанке из стороны в сторону. — Я ночами плохо сплю, потому что головой болю, потому что очень, очень, очень весь болю.

Алексей склонился над его предсмертным одром.

— Фавнус, братишка, эка тебя так угораздило? — поинтересовался Лёха, особо не ожидая ответной реакции. — Как же ты...

— Категорически плохо! — простонал сатир. — Череп буквально раскальвается.

— Ты меня узнал? — изумлённо спросил Круглов. — Так ты воображаешь?

— Конечно, Командир! — со стоном выдавил Фавнус.

— А старцы сказали, что ты бредишь и никого не узнаёшь?

— Это не бред, а заговор от головных мигреней, он мозги напрочь отключает, но сейчас почти не срабатывает, — ответил сатир, сжимая голову в руках. — А этих старцев я больше знать не знаю и знать не хочу! Я попросил их о такой малости — грохнуть меня, дабы избавить от мук, а они, слабаки, не смогли.

— Не стоит винить их за то, что у них рука на тебя не поднялась.

— Если бы не поднялась. Они меня и топили, и душили, и вешали, а Федя, добрая душа, даже несколько кубиков мышьяка мне внутривенно ввёл. А в результате что?

— Что?

— У меня от их “помощи” теперь ещё всё тело и ноет, и колет изнутри, и в горле першит. Хоть бы ты что-нибудь сделал, нашёл способ меня “замочить”, эта боль, скажу я тебе как на духу, сугубо невыносимая, зараза.

Сатир опять завыл бредятину про “зайку” и покатился по кровати.

— Я избавлю тебя от страданий, пусть даже через эвтаназию, — крикнул Алексей и бросился прочь из кельи.

Надо было срочно действовать.

— Что делать? — вернувшись к старцам, первым делом поинтересовался Круглов.

— “Что делать?” и “Кто виноват?” — эти вопросы волнуют человечество на протяжении многих веков, — философски заметил Лаврентий. — Но если ты имеешь в виду, что надо сделать для возвращения всего того и этого на круги своя, то вот тебе наш мудрый совет.

Краснокнижник перевёл взгляд на игумена.

— Поспешай к святылищу солнца, там ты узнаешь, что да как, — посоветовал игумен и повернулся к патологоанатому.

— Однако в пути ни к чему тебя удивившему не прикасайся, чтобы не накликать большей беды, — добавил Фердинанд.

— Чего-чего?

— Ничего, просто беги к святылищу, там жди нас.

— А где это святылище? Азимут, дальность, ещё какие координаты есть?

— Твой путь будет координировать волшебный клубок, — ответил Лаврентий. — Он проведёт тебя до самого святылища.

— Клубок? Тот самый?

— Ага! — кивнул краснокнижник. — Я его модернизировал, теперь он не разматывается как раньше, просто катится себе по маршруту.

— Молодчина! — похвалил Лёха краснокнижника. — И в чём заключается модернизация?

— Он тупо завязал оба конца клубка между собой морским узлом, — иронично хмыкнул Кранкэйнштейн. — Хотя я предлагал свою последнюю разработку — некроклеyster — клеит намертво, всё и вся и во веки веков, — прорекламиривал он свою диковинку и, сняв пенсне, с чувством собственного достоинства потёр переносицу.

— Обойдётся клубок и без твоего “мертвоткля”, — буркнул Лаврентий, передавая Алексею старого знакомого. — Держи, Лёшенька, клубок, а в качестве презента прими от меня и этот костюм-“тройку”. Негоже тебе, богатырь, в этом тряпье полосатом тусоваться. Не к лицу тебе арестантская роба.

Лаврентий подошёл к сундуку и вынул из него белые “чулки-лосины” и “футболку” с косым воротом.

— А это прямо как на меня шито, — с полным горечи сарказмом пробурчал Алексей и с сомнением добавил: — Этот так называемый костюм не то что на “тройку”, на “двойку” не тянет. Я лучше в пижаме “потусуюсь”.

— Так они же того, — развернул краснокнижник застиранные “чулки” во всей красе. — Они с секретом.

— С каким?

— Сей костюмчик напялившему его три лошадиные силы придаёт. Глянь, какой ты бледный, а тебе ещё срочно надо спешить к святылищу, а это почти пять вёрст от нас, да по свежевспаханной целине. Потому костюм тебе нынче полезен будет как никогда прежде.

— Коли так, давай примерим, — нехотя процедил Круглов, натягивая “чулки” и “косоворотку”, предварительно освободившись от опостылевшей пижамы.

Костюм-“тройка” был скроен на более низкорослое существо, оттого чулки хоть и налезли на Алексея, но оканчивались чуть ниже колена, а “косоворотка”, та даже до пупка не дотягивала, являя собой архаичный прообраз задорного топика. Оглядев новоявленного балеруна-переростка,

игумен и патологоанатом кое-как сдержали улыбки, зато колдун расплылся своей во всю ширь лица.

— Вот видишь, твой размерчик, — произнёс он, обойдя вокруг Лёхи. — А ты сомневался. Теперь можешь смело на мировой рекорд идти.

— Не идти, а бежать, — тоже поднялся со своего места отец Иосиф.

— Да-да, пора, — согласно закивал Фердинанд, и троица старцев выпроводила Алексея из монастыря.

Алексей с мудрецами остановился перед воротами.

— Давай, поспеши, богатырь, — перекрестил его игумен. — Доберёшься до святылища, обожди нас, мы кое-кого дождёмся и сразу к тебе.

— Ладно, до встречи, — кивнул Лёха, чувствуя как проснувшаяся в нём “тройка лошадей” нетерпеливо “перебирает копытами”. — Вы только Фавнуса больше не мучьте.

— Беги, беги.

Алексей посмотрел на клубок и, прошептав тому “кто прошлое помнет, тому глаз вон”, бросил волшебный путеводитель на землю.

— Укажи мне, круглый друг, где святылища тот круг! — срифмовал запрос Круглов и сорвался с места за покотившимся на приличной скорости клубком.

Старцы подождали, куда пара стайеров скроется из виду, посмотрели дружно на небо (кое-кто из них перекрестился) и скрылись за воротами опустевшего монастыря.

Через тернии на...

Эта глава могла называться и по-другому, например: “Через тернии к...” или “Через тернии в...”, а может, и “Через тернии за...”, или вообще “Через тернии под...”. Короче говоря, какой бы мы предлог ни подставляли (а Алексей, пока бежал, все предлоги, и не только предлоги, вспомнил), ключевым словосочетанием здесь является “через тернии”. А всё потому, что лёгкая пятикилометровая разминка по чистому полю на самом деле вылилась в полноценный двадцативерстовый марш-бросок по сильно пересечённой местности. Если отбросить суровую прозу жизни и описать путешествие Алексея к святылищу в какой-никакой стихотворной форме, то это будет выглядеть примерно так: через рощу терновую, через дубраву дубовую, через сосновый бор, через песчаный косогор, по горам, по долам, по оврагам, буеракам, вплавь чрез озеро лесное и по кочкам через топь, через дебри напролом, ну и через бурелом. Вот по такому, далеко не прогулочному маршруту, Алексей спешил за волшебным клубком, одновременно благодаря и костеря краснокнижника за костюмчик, придававший силы, и за клубочек, выбиравший почему-то маршрут через самые гиблые места. Чистым полюшком здесь и не пахло. Зато во время бега Лёха то и дело наткался на застывших животных и замерших прямо в полёте птиц, а, переплывая озеро, чуть не врезался в застывшего у поверхности сома. Понимая, что это то самое диво-дивное, про которое ему говорили старцы, и прикосновения к ним могли привести к вообще непредсказуемым последствиям, Круглов аккуратно огибал застывшую живность, продолжаяковылять за уходившим в отрыв клубком-курсопрокладчиком.

Когда взмыленный, словно тройка лошадей, грязный и в ободранном костюме Круглов наконец добрался до святылища, его там уже давно дожидались Фердинанд, Лаврентий и Иосиф, расстелив недалеко от

святилища скатерть-самобранку, прямо на ней резались в “дурака”, двух-головый дракон Союз-Аполлон, отъевшийся, официально, на кислой капусте до размеров совершеннолетнего слона, дремал неподалёку и ещё один неизвестный Лёхе толстячок с профилем Аристотеля и тубусом за спиной лазил среди каменных глыб святилища.

— А вот и Лёшенька! — первым узревший богатыря елейным голосом возвестил игумен Иосиф остальным и быстренько скинул свои карты краснокнижнику (он же всё-таки “не цыган бесов, в карты глядеть” а тем паче играть в эту “азартную дьявольщину”).

Все поднялись, встречая подходившего Круглова.

— Где вас нелёгкая носила? — с укоризной проворчал Лаврентий, подняв с земли мокрый и грязный клубок. — Мы уже битый час вас здесь дожидаемся.

Лаврентий вытер клубок о рукав.

— Это вы у него спросите, — указал на шерстяного “гида” Алексей, сдирая колючки с некогда белых “лосин”. — Я что-то пяти вёрст по чистому полю так и не заметил.

— Так правильно, вы вышли совсем с другой стороны, — заметил игумен. — Безбашенному богатырю триста вёрст, однако, не крюк.

— Я понимаю, что “отважные герои всегда идут в обход”, — вставил словечко и Фердинанд. — Но в данном конкретном случае это было абсолютно излишним.

— Ах вот оно что! — воскликнул вдруг краснокнижник, с укором глядя на клубок. — Это ты так отомстил? Вот же шалунишка! — Лаврентий с невинной улыбкой повернулся к Круглову, — Не злись ты на него, Геолог-воин, он из-за обиды на тебя за тот раз повёл самым скверным маршрутом. Теперь он на тебя не злится.

— Я очень рад! — только и выдохнул Алексей, обеда тяжёлым взглядом окрестности, сил злиться у него уже не осталось. Его взор остановился на святилище. — Обалдеть! Это же самый настоящий Стоунхендж!

— Тише, тише, Геолог-воин! — замахал руками колдун Лаврентий. — Возле святилища так заковыристо ругаться нельзя. Здесь сходятся тончайшие нити высших материй и любое дуновение мыслей способно покачнуть сей незримый узел, уже не говоря про словесные выражения.

Алексей промолчал.

Зато заорал басом Горыныч.

— Дядя Лёша! Дядя Лёша! — одновременно заголосили Союз и Аполлон. — Мы теперь с тобой одной крови!

На их крики из-за каменных глыб выскочил “Аристотель” с “тубусом”.

— А вот и звездочёт Афоня к нам пожаловал, — кивнул в сторону “Аристотеля” патологоанатом. — Его-то мы и ожидали в монастыре, когда он на дракоше к нам “приайболитит”. Знакомьтесь, — представил некролог их друг другу. — Этот молодой человек, тот самый, герой Алексей Круглов. Ещё звания перечислять?

— Да-да, — по-собачьи завивляв хвостом, за “деду Афоню” попросил дракон.

— Он же Геолог-воин, он же Воин Не От Мира Сего, он же Воин С Того Света, — загибая пальцы, продолжил Фердинанд “знакомство”, было видно невооружённым глазом, что это занятие доставляет ему неподдельное удовольствие. — Ну, это основные. Теперь второстепенные.

— Хватит! — прервал доклад некролога Алексей. — Вы мне вот что скажите — а нельзя было мне вместе с вами на драконе сюда долететь?

Старцы дружно опустили глаза в землю.

— Пойми нас, Алексей, — наконец набрался решимости игумен. — Дракон ведь не верблюд столько груза на себе тащить.

— А перегруз летательного средства, сам знаешь, чем чреват, — напомнил премудрый Лаврентий. — Да и места на нём всем тогда бы не хватило.

— Да и развеяться вам надо было, молодой человек, размяться, — добавил Кранкэйнштейн. — Сами же говорили, без движения сколько пробыли.

— Понятно, — махнул рукой Круглов. — Дальше что?

— А теперь давайте поспешим к алтарю, — напомнил игумен, для чего они здесь. — Чёрт, слава богу, всё-таки не настолько всемогущий, чтобы столько времени сдерживать время.

Старцы ринулись между валунами к центру святилища. Алексей, похлопав дракона по плечу, поспешил за ними.

— Мы с тобой одной крови, — прошептал ему вслед Союз, а может, и Аполлон, Круглов их не различал — голоса у них были идентичными.

Лёха вошёл под своды местного “Стоунхенджа”.

В центре круглой каменной композиции располагался каменный алтарь — пятиугольная гранитная плита, на которой стоял большой гранитный куб с выбитой в нём выемкой в форме человека с широко разведёнными руками и ногами. От каждой конечности и от того места, где должна была помещаться голова человека, отходили пять желобков, смахивавшие на лучи, исходящие от фигуры. Эти желоба тянулись к лучам звезды, где на пяти её концах также были выбиты углубления. Алтарь солнца выглядел торжественно и удручающе.

— Это же место для жертвоприношений! — озарило-таки Алексея. — Вы что меня сюда на заклание привели, как козла отпущения?! Отец Иосиф, скажите этим язычникам!

Игумен поморщился:

— Это наш единственный шанс вернуть всё на круги своя.

— Принести меня в жертву?!

— Да брось ты, Лёшенька, — виновато улыбнулся колдун. — Ты наша надежда и опора. Это единственный путь заглянуть по ту сторону тьмы.

— Вы сбрендили! — взяв себя в руки, спокойно произнёс Лёха.

— Поверьте нам, молодой человек, — заложив руки за спину, сказал Фердинанд. — Если не верите нам, спросите у мудрого Афони.

— Да-да-да, — торопливо затараторил звездочёт. — Я вам категорически рекомендую следовать нашим рекомендациям, ибо мне вас рекомендовали как единственного героя, который сможет заглянуть по ту сторону тьмы.

— Вот, а я что говорил, — развёл руками патологоанатом. — И премудрый астрономолог так считает.

— Причём, прошу заметить, я в этом мнении категоричен, — выпалил Афоня. — Вспомните про бедного Фавнуса.

Алексей припомнил рассказ сатира, как его “из лучших побуждений” пытались добить старцы, и поёжился.

— Не убедили, — Алексей на всякий случай отошёл подальше от алтаря и прислонился спиной к одному из валунов (чтобы со спины не напали, от них ведь нынче всего можно ожидать).

Тут в воздухе запахло серой, и из-за каменной глыбы выскочил Джеймс Чёрт.

— Всем привет! — махнул Чёрт рукой “общий салют”. — Ну что, все готовы?

— Где тебя чёрт... — напустился было на Дьявола колдун, но поперхнулся. — А, ну да, точно. Так, а где ты пропал?

— Я тело принцессы из Предисходней сюда перебазировал, — ответил Вельзевул. — Около ворот в монастырь в слюдяном гробу оставил. Потом перенесёте.

— А не сопрут, как однажды? — поинтересовался звездочёт.

— Кто сопрёт? — усмехнулся Чёрт. — Окромя здесь стоящих да дракона с сатиром остальные все столбняк поймали.

— Точно, точно, и как это я запамятовал, — вновь завёлся Афоня. — Вы же, уважаемый, время притормозили, на минимум выставили.

Услышав, что тело возлюбленной доставили к монастырю, Алексей оживился.

— Как она? — обратился Круглов к Дьяволу.

— Как все ей подобные, — ответил Чёрт. — Мертва, бледна и холодна.

— Я могу её увидеть?

— У нас на это нет времени, — покачал рожками Вельзевул. — Тебе надо спешить — или произойдёт непоправимое.

— Ну что я вам говорил, молодой человек, — подхватил Фердинанд. — Вот и мистер Чёрт вам говорит.

Алексей перевёл взгляд на игумена. Словив его взгляд, Иосиф только еле заметно кивнул, мол, не сомневайся, всё под контролем.

Но сомнения всё ещё одолевали Лёху. Он готов был броситься назад к монастырю и попытаться своими горячими поцелуями оживить прекрасную принцессу.

— “А вот этого делать не стоит, — прошелестело у него в голове. — Ты делай, как они говорят, отринь сомнения, мур-р-р”.

Алексею на краткий миг показалось, что в воздухе над алтарём проявился кошачий рот, скривившийся в ироничной ухмылке, и наваждение исчезло. Пантелеймон!

— Я согласен, — принял решение Круглов, направляясь к алтарю. — Делайте, как считаете нужным.

Обрадованные старцы и Дьявол засуетились вокруг Алексея.

— Ты не переживай, — успокаивал его с одной стороны игумен, помогая взобраться на алтарь. — Ты умрёшь только формально, даже святилище солнца не в состоянии пережить смерть. Твоя душа и разум отделятся от тела и заглянут по ту сторону тьмы. Если что-то не так пойдёт, они просто вернуться в тело, и ты очнёшься.

— Хотя и не факт, — “успокаивал” с другой стороны его Чёрт, запикивая Лёхины ноги в проёмы. — Если душа и разум не сумеют между собой разобраться, то они могут и застрять в потусторонности. И вечно будут скитаться там неуспокоенные.

— Да ладно стращать вам богатыря, — вмешался краснокнижник, закрепляя его руки в соответствующих выбоинах. — Он сам на месте со всем разберётся. Вы же не были там, зачем тогда зазря болтать.

— Ну, вроде готово, — осмотрел игумен лежащего на алтаре Алексея. — Теперь по местам.

Священник, колдун, звездочёт, патологоанатом и, чего греха таить, иже с ними Чёрт, Джеймс Чёрт собственной персоной, разошлись по лучам звезды и остановились около выемок.

— Кладите артефакты сокровенных тайн и знаний в ниши, — торжественно произнёс Лаврентий и первым положил в выемку рядом с собой “Красную книгу”. — Следующий!

Стоявший слева от него игумен достал из-за пазухи не менее солидную книгу в кожаном розовом переплёте.

— Это “Житие моё” пресловутых Хохмы и Ерохмы, — озвучил Иосиф название фолианта и положил его в свою выемку.

— Следующий! — напомнил колдун.

Стоявший слева от него Афоня достал из своего тубуса стопку скрученных трубочкой плакатов.

— Это карты звёздного неба, — потряс он солидным свитком. — Все тридцать шесть, согласно трёх гороскопических систем. Так сказать, полное собрание наблюдений.

Звездочёт положил свиток в выемку и посмотрел на стоявшего слева Фердинанда. Тот достал из нагрудного кармана небольшой блокнотик.

— Здесь все мои фундаментальные исследования, вылившиеся в “формулу Кранкэйнштейна”, доказывающую жизнеспособность теории относительного тяготения невероятности притяжения, — “похвастал” Фердинанд. — На пятидесяти страницах, между прочим.

Некролог опустил “артефакт” на дно выемки и суеверно плюнул на всякий случай через левое плечо три раза. Чёрт, опрометчиво занявший место слева от него, недовольно поморщился, но промолчал.

Теперь все, включая лежащего на алтаре Алексея, уставились на Вельзевула.

— Ну, — не выдержал Лаврентий. — Чего медлишь, клади свой артефакт сокровенных тайн и знаний.

— А я не знаю что выбрать, — признался Дьявол. — У меня много раритетов имеется.

— Ишь ты! Подишь ты! — переглянулись между собой другие участники ритуала.

Вельзевул достал из внутренних безразмерных карманов несколько цветных книжиц.

— Вот эту серию я под псевдонимом “Марья Пунцова” выпустил. Среднестатистическому обывателю мозги гарантированно разрывает. Эти мои сочинения, — чёрт спрятал первый сборник и вытащил на свет свои “очередные” бестселлеры, — тоже, те ещё, фолианты. Вот, например, “Как стать миллионером”, специальный тираж, для полных лохов. Или вот, “Камасутра для дендрофилов”, подарочный экземпляр.

Алексея, несмотря на гнусное настроение, начинал разбирать смех.

— Вот он, мой артефакт! — обрадованно воскликнул Чёрт, наконец подобрав из своей коллекции что-то совершенно “мефистофельское”. — Это “Книга подмастерьев”, — показал всем находку Дьявол. — Её первую часть даже экранизировали.

Наконец в последнюю свободную нишу была уложена дьявольская книга-артефакт, и все приготовились к самому ответственному этапу ритуала.

— Приди, дракон! Приди, дракон! Приди, дракон! — дружно воскликнули четверо человек и Чёрт, стоявшие вокруг алтаря, и дракон пришёл.

Союз-Аполлон сделал несколько кругов над святилищем и, спустившись к алтарю, завис над Алексеем.

— Мы с тобой одной крови, — прошептал Союз и сделал своим когтем надрез на запястье Лёхиной левой руки. Тёмная кровь тонким ручейком побежала с руки в желобок и дальше по нему к артефакту старца Лаврентия.

— Ты и я, — сказал приглушённым баском Аполлон и чиркнул когтем по левой лодыжке. С неё кровь потекла к артефакту игумена.

Алексей не чувствовал ни боли, ни страха, ни каких-либо других неудобств. Он всего-навсего ожидал встречи со смертью.

— Сила человека в его слабости, — пропел дракон, и... тёмная струйка с правой ноги потекла к свитку звездочёта.

Осталось дело за малым.

Лёха ожидал очередные “слова напутствия” от дракона типа: “добро победит зло и зверски его добьёт” или “красота спасёт мир, сметая на своём пути всех уродов”, но Горыныч молча вонзил свой коготь в запястье его правой руки и, проследив как тёмная кровушка весело побежала по желобку к Фердинанду, занёс лапу с выставленным когтем над горлом Алексея.

Напряжение достигло апогея и в воздухе запахло озоном.

Дракон прицелился и нанёс точный удар Лёхе по... носу. Из расквашенного богатырского носа кровь побежала по щекам двумя струйками и, воссоединяясь в желобке, потекла к книге Вельзевула.

Несмотря на мощный прямой апперкот дракона, Алексей сознание не потерял и продолжал по мере возможностей следить за происходящим вокруг. А следить было за чем.

Когда дракон нанёс последний удар и, пожелав Лёхе удачи, стремительно покинул воздушное пространство над святилищем, а “артефакты” набухли от смешанной крови человека и дракона, над алтарём стали загораться яркие искорки. Отрываясь от лучей звезды, искры поднимались вверх, стягиваясь к середине, напротив Лёхиной груди, и образуя таким образом, блестящую сферу.

Алексей почувствовал, как что-то внутри его задёргалось, зацемило и затрепетало. Желая освободиться от неприятных ощущений, он решил прекратить этот ритуальный эксперимент и сначала присел, а после встал на алтаре. “Не обижайтесь, мужики, — подумал Лёха. — Но у вас ничего не вышло”.

“Мужики” обижаться и не собирались, они во все глаза смотрели куда-то под ноги Алексею.

Всё-таки “вышло”. Лёха проследил за их напряжёнными взглядами и обнаружил... себя, точнее своё многострадальное физическое тело, лежащее на алтаре. И как только его разум осознал, что его ментальное тело, то бишь душа уже покинула свою невзрачную мужественную оболочку, Алексею стало так легко, как никогда прежде. Он воспарил над святилищем и нечаянно коснулся мерцающей над алтарём сферы. Искристый шар втянул его внутрь себя и помчал вверх, прочь от земли. Оставшиеся на земле (кто крестясь, кто чертыхаясь, а кто и изрыгая пламя) проводили взглядом яркую сферу и, превратившись в маленькие точки, исчезли далеко внизу.

Вокруг Алексея замерцал мириадами звёзд бесконечный космос.

Окончание в следующем номере.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.com

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 11.11.2010 г.

Подписано к печати 10.12.2010 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 1274.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.